

9(0)2
0-65

**ОРДЕНА
ЛЕНИНА
СТРЕЛКОВАЯ**

ОРДЕНА ЛЕНИНА СТРЕЛКОВАЯ

ОРДЕНА ЛЕНИНА СТРЕЛКОВАЯ

ПЕРМСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1967

«Ордена Ленина стрелковая» — это книжка о героических подвигах воинов 359-й Ярцевской Краснознаменной ордена Ленина стрелковой дивизии. Осенью 1941 года она была сформирована в Пермской области, и ее боевой путь начался на полях Подмосковья, в самый разгар предпринятого в декабре контрнаступления советских войск. Уральские стрелки участвовали в освобождении города Калинина, а позднее — Ярцево, Смоленска, Львова и многих других советских городов и городов братской Польши, штурмовали Дуклинский перевал в Карпатах. Боевые операции соединения завершило в городе Бреслау. За героизм, проявленный солдатами и офицерами в сражениях с немецко-фашистскими захватчиками, дивизия была удостоена ордена Ленина и Красного Знамени, получила почетное наименование Ярцевской. Два ее стрелковых полка — 1198-й и 1196-й — награждены орденами Красного Знамени, а 924-й артиллерийский полк за особые отличия в боях получил наименование Львовского. Многие тысячи солдат и офицеров частей дивизии награждены орденами и медалями.

Нынешнее поколение молодежи в бесхитростных рассказах ветеранов прославленной дивизии найдет для себя немало примеров того, как наши земляки в годы минувшей войны мужественно и умело, не щадя крови и самой жизни, сражались с гитлеровскими полчищами, защищая любимую Родину, рожденную Великим Октябрем.

Отзывы об этой книжке просим присылать Пермскому книжному издательству по адресу: г. Пермь, ул. К. Маркса, 30.

И. А. Кондауров,
Герой Советского Союза

В числе воинских формирований Западного Урала, участвовавших в боях против немецко-фашистских захватчиков, одно из почетных мест по праву принадлежит 359-й Ярцевской Краснознаменной ордена Ленина стрелковой дивизии. Это соединение прошло большой и вместе с тем тернистый путь, а его личный состав сражался с врагом так, как и подобает уральцам — мужественно и умело, с честью и достоинством. И не случайно секция ветеранов Великой Отечественной войны при Пермском областном краеведческом музее, вот уже много лет занимающаяся изучением и обобщением ратных подвигов земляков, заинтересовалась историей 359-й стрелковой дивизии.

В работу по сбору материалов, розыску ветеранов соединения включились вместе с членами секции бывшие военные журналисты, сотрудники областного радио, телевидения, военкоматов. Активное участие в этом благородном деле приняли и «Красные следопыты» Пермской восьмилетней школы № 31. И надо было видеть, с каким прилежанием юные краеведы разыскивали реликвии боевой доблести, создавали выставку по истории дивизии, а потом явились инициаторами встреч с прославленными уральскими стрелками.

Меня, автора этого историко-документального очерка, тоже заинтересовала боевая история 359-й стрелковой дивизии. Встречи и беседы с участниками боев, знакомство с документами архива Министерства Обороны СССР — все это и позволило проследить боевой путь овеянного славой побед соединения.

359-я стрелковая дивизия — детище трудящихся Пермской области. Она родилась в самое тяжелое для страны время, когда враг угрожал столице нашей Родины — Москве. К месту формирования дивизии стали прибывать посланцы городов и сел Прикамья. Так была заполнена первая страница в истории соединения.

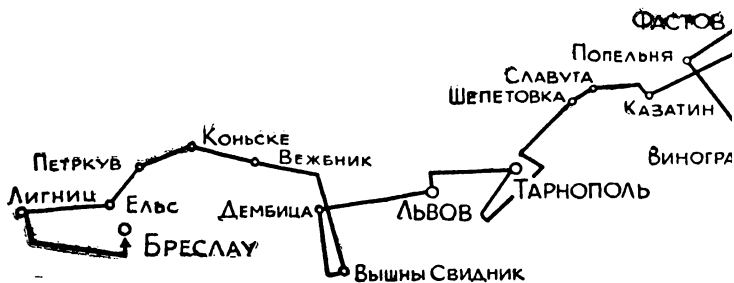

Схема боевого пути 359-й Ярцевской Краснознаменной

На пути превращения дивизии в слаженный боевой коллектив оказалось немало трудностей: на первых порах не хватало техники, вооружения, обмундирования. Но, пожалуй, главная из них заключалась в том, что прибывавший личный состав в основе своей не имел достаточной военной подготовки. Сроки же, отведенные на формирование стрелковой дивизии, были крайне жесткими¹.

С подобными трудностями столкнулись и другие части, создаваемые в то время в нашем крае. Поэтому состоявшийся 20 октября 1941 года VI пленум Пермского обкома ВКП(б) при обсуждении вопроса «Текущий момент и задачи парторганизации» специально остановился на мерах помощи воинским формированиям. Пленум обратил внимание горкомов, райкомов партии и военных комиссариатов на то, чтобы они постоянно заботились о качественном отборе личного состава, об увеличении партийно-комсомольской прослойки среди мобилизуемых в армию людей и обеспечении всех формирований теплой одеждой за счет местного населения².

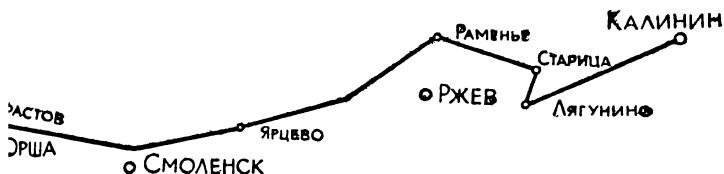
В намеченных пленумом мероприятиях предусматривались конкретные меры помощи и 359-й стрелковой дивизии³.

В итоге этого в состав дивизии были посланы лучшие люди Западного Урала, среди которых коммунистов и

¹ Архив Министерства обороны СССР (Архив МО СССР), ф. 1417, оп. 67796, д. 8, л. 3.

² Партийный архив Пермский областной (ПАПО), ф. 105, оп. 134, д. 30, лл. 17, 18 и 45; оп. 135, д. 3, л. 184.

³ Там же.

ордена Ленина стрелковой дивизии (1941—1945 гг.).

комсомольцев насчитывалось 11,5 процента⁴. Командование с чувством удовлетворения отмечало, что обком партии направил в их соединение много опытных коммунистов, способных повести за собой массы⁵. Среди них были заведующий кафедрой марксизма-ленинизма Пермского госуниверситета К. С. Бочкарев, инструкторы Верхнемуллинского и Оханского райкомов партии Ф. И. Ширинкин и Г. С. Падурич, секретари Соликамского горкома и Черновского райкома комсомола В. И. Зрячих и А. Ф. Алтынцев и другие.

Вскоре состоялась первая дивизионная партийная конференция, определявшая задачи коммунистов на период формирования.

В те дни шла интенсивная учеба. С раннего утра и до позднего вечера воины находились в поле и напряженно готовились к схватке с врагом. Коммунисты и комсомольцы показывали личный пример в учебе⁶.

Большую роль в успешном решении задачи по комплектованию и сколачиванию дивизии сыграли ее первый командир полковник А. М. Филиппов, начальник штаба майор П. Д. Стребков, военком соединения полковой комиссар Н. М. Пятаков и начальник политотдела батальонный комиссар И. А. Сидоренко. Благодаря усилиям командного состава, коммунистов и активной помощи местных партийных и советских органов, задача по созданию боеспособного соединения, несмотря на очень короткие сроки, была успешно решена.

В конце октября 1941 года дивизия отбыла в город

⁴ Архив МО СССР, ф. 1417, оп. 67796, д. 8, л. 3.

⁵ Там же, оп. 61839, д. 1, л. 17.

⁶ Там же, лл. 16 и 30.

Рыбинск, где прошла заключительный этап подготовки к боям, получила вооружение и боеприпасы. 7 ноября 1941 года, в день XXIV годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, бойцы 359-й стрелковой дивизии приняли военную присягу.

Уральцы горячо любят свою Родину, свой край. В их наказе отбывающему на фронт пополнению говорилось: «Крепко бей немцев! Помни, мы — уральцы!»⁷.

«Мы обещаем быть такими же, как наши товарищи-уральцы, и бить врага беспощадно» — клятвенно заверили своих земляков перед выездом на фронт воины дивизии⁸.

10 декабря 1941 года 359-я стрелковая дивизия в составе 1194-го, 1196-го, 1198-го стрелковых, 924-го артиллерийского полков и других частей и подразделений прибыла на фронт и вошла в состав 31-й армии, которой в то время командовал генерал В. А. Юшкевич. А через пять дней уже был получен из штаба армии первый боевой приказ. Дивизия должна была совершить марш двумя колоннами и к 20.00 15. 12. 41 г. сосредоточиться в районах станции Чуприяновка, совхоза Большое Морозово, населенных пунктов Красная Поляна, Прибытково и Губино с задачей нанесения удара по врагу с указанных рубежей⁹.

Перед выходом в район сосредоточения во всех батальонах и дивизионах прошли митинги. Лучшие воины соединения хотели идти в бой только коммунистами. «Не пожалею сил и крови, а если потребуется, и самой жизни для победы над врагом. Прошу не отказать в моей просьбе и принять меня кандидатом в члены ВКП(б)», — указывал в своем заявлении рядовой 1196-го стрелкового полка Гудвасев. «В бой хочу идти коммунистом», — таково было содержание всех 87 заявлений, поступивших в этот день в первичные партийные организации¹⁰.

Совершив пятидесятикилометровый марш, дивизия по сути с ходу вступила в бой против гитлеровских захватчиков на левом фланге своей армии. Это был ответственный период, когда войска Калининского фронта (а в их составе и части 31-й армии) вели боевые действия за осво-

⁷ Архив МО СССР, ф. 1417, оп. 16118, д. 6, л. 2.

⁸ Там же, л. 3.

⁹ Там же, оп. 16118, д. 1, л. 3.

¹⁰ Архив МО СССР, ф. 1417, оп. 67789, д. 4, л. 12.

бождение города Калинина. И хотя враг оказывал отчаянное сопротивление, советские воины все же пробили брешь в его обороне и к 15 декабря 1941 года вышли к окраинам города с юго-запада, с севера и юго-востока ¹¹. Именно здесь, юго-восточнее Калинина и приняла боевое крещение 359-я стрелковая дивизия.

Пермяки дрались смело.

Несмотря на сильный минометный огонь противника и необстрелянность бойцов, подразделения продолжали упорно продвигаться вперед ¹².

Бои посланцев Западного Урала на дальних подступах к Москве не прекращались вплоть до 1 марта 1942 года. За это время они продвинулись вперед почти на 200 км, освободили 187 населенных пунктов и нанесли серьезное поражение многим отборным гитлеровским частям: дивизии СС «Райх», 11 пехотному полку СС, пехотным батальонам «Фюрер» и «Браухич» ¹³.

Особенно отважно в первых боях действовали воины 1196-го стрелкового полка, которым командовал подполковник П. С. Хаустович. Это был требовательный и всеми уважаемый командир. На поле боя он обычно находился там, где обстановка была сложной и напряженной. Так было и в тот день, когда основные силы полка дрались за деревню Почурино. Постепенно здесь обстановка стала складываться не в пользу уральцев. Воспользовав-

Генерал-майор Владимир Романович Вашкевич, командир дивизии (с 19. 12. 41 г. по 18. 11. 42 г.). Ныне генерал-полковник в отставке, проживает в Москве.

¹¹ См.: «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945». М., Воениздат, 1961, т. 2, стр. 284.

¹² Архив МО СССР, ф. 1417, оп. 61839, д. 1, л. 56.

¹³ Там же, оп. 67789, д. 4, л. 1.

шись этим, гитлеровцы перешли в контратаку. Но в самый критический момент подполковник Хаустович, находившийся поблизости на своем КП, приказал резервному батальону ударить в тыл фашистам. Это и решило исход боя в пользу наших воинов. Важный опорный пункт врага в деревне Почурино был разгромлен. За эти бои 1196-й стрелковый полк был удостоен благодарности Военного Совета Калининского фронта, а его командир подполковник П. С. Хаустович и военком старший политрук А. Л. Мартынов были представлены к правительственным наградам.

С 25 декабря 1941 года дивизия вступила в бой за населенный пункт Чухино. Противник, укрепившись на господствующих высотах, пытался во что бы то ни стало остановить наступление русских на этом участке фронта, оказывал яростное сопротивление. Уже третьи сутки не прекращались, следовавшие одна за другой, атаки перемыков, но все безуспешно. И вот тогда в боевых порядках наступающих появились партийно-политические работники во главе с начальником политотдела дивизии И. А. Сидоренко. Они вместе с командирами еще раз тщательно разобрались в сложившейся обстановке, помогли разъяснить боевую задачу всему личному составу, провели перерасстановку сил коммунистов и комсомольцев по подразделениям.

Вскоре обходным ударом через деревни Мичково и Климово уральцы ворвались в Чухино и уничтожили там крупные силы противника. 13 раз контратаковал враг занятую нашими земляками деревню Кочурино, но безуспешно.

За активные боевые действия под Москвой и особенно за успешный разгром фашистов в районах населенных пунктов Кочурино и Пушкино 359-й стрелковой дивизии было объявлено две благодарности — от Военного Совета 31-й армии и командующего Калининским фронтом. Кроме того, 70 бойцов и командиров были представлены к правительственным наградам¹⁴.

Нелегкой ценой добыта была победа в тех декабрьских боях. Достаточно сказать, что в боях под Москвой стрелковые полки дивизии потеряли убитыми и ранеными до четырех пятых личного состава¹⁵. Смертью храбрых

¹⁴ Архив МО СССР, ф. 1417, оп. 67796, д. 6, лл. 138—139.

¹⁵ Там же, оп. 61889, д. 1, лл. 77—78.

пали начальник политотдела дивизии батальонный комиссар Иван Андреевич Сидоренко, его заместитель старший политрук Федор Максимович Одоренко, секретарь дивизионной парткомиссии старший политрук Филипп Иванович Ширинкин, военком 1196-го стрелкового полка старший политрук Алексей Леонтьевич Мартынов, ответственный секретарь партбюро этого же полка политрук Антон Афанасьевич Алтынцев, политруки рот Петр Федорович Будрин, Василий Андреевич Загребин, Андриан Макарович Иванов, Кузьма Михайлович Колчанов и многие другие.

С начала марта по конец июля 1942 года 359-я стрелковая дивизия в составе 30-й армии (командующий генерал-майор Д. Д. Лелюшенко) вела боевые действия по удержанию плацдарма за Волгой в районе населенных пунктов Клепино, Лебзино, Нелюбино, Воробьево. Все попытки фашистов сбросить уральцев в Волгу не имели успеха. За проявленную стойкость и мужество по удержанию плацдарма Военный Совет 30-й армии объявил личному составу дивизии благодарность. В этот же период наши земляки по почину воинов Ленинградского фронта активно включились в снайперское движение. Только за три месяца снайперы дивизии уничтожили более полутора тысяч фашистских солдат и офицеров. Большим мастером в этом деле слыл младший сержант Кузьма Захаров. За короткий срок он уничтожил 130 гитлеровцев и был за этот подвиг отмечен вначале медалью «За боевые заслуги», а затем и орденом Красной Звезды. Кроме того, ему было вскоре присвоено офицерское звание.

Выполняя указания Ставки Верховного Главного Командования, войска левого крыла Калининского фронта 30 июля 1942 года нанесли мощный удар на ржевском направлении с целью срезать ржевский выступ, который занимал противник. 359-я стрелковая дивизия в этой операции наступала с рубежа деревни Тимонцево и высоты «Груша». В результате длительных и ожесточенных боев плацдарм врага на северном берегу Волги был ликвидирован. Однако полностью разгромить фашистов здесь (особенно южнее Ржева) не удалось.

Гитлеровское командование предпринимало немало усилий, чтобы любой ценой удержать рубежи, захваченные на подступах к Москве. С этой целью оно не только

Полковник Василий Кузьмич Гуряшин, командир дивизии (с 18. 11. 42 г. по 13. 7. 43 г.). Погиб в бою и похоронен в г. Вязьме.

бросало в бой все новые и новые резервы, но и нередко «взбадривало» своих солдат такими мерами, как безжалостные расстрелы тех, кто дрогнул под ударами советских войск. Так, например, когда пермские стрелки вышвырнули фашистов из деревень Бердихино и Лазарево, гитлеровцы за сдачу этих населенных пунктов расстреляли свыше 80 своих солдат¹⁶. Несмотря на ожесточенное сопротивление фашистов, к концу августа 1942 года 359-я стрелковая дивизия далеко вклинилась в оборону

противника и подошла к городу Ржеву. Одновременно с этим была решена и другая важная задача — перерезаны шоссейные дороги Ржев — Бахмутово, Ржев — Луковниково. Выйдя вновь к Волге, пермяки закрепились на занятом рубеже и вели там вплоть до марта 1943 года оборонительные бои¹⁷.

В итоге этих и других боевых действий Советской Армии, осуществляемых на дальних подступах к Москве, гитлеровское командование вынуждено было держать на центральном участке фронта крупные силы, в то время как на сталинградском и кавказском направлениях фашистская армия испытывала острый недостаток в резервах.

В сражениях под Ржевом сыны Урала вновь покрыли себя неувядаемой славой. Многие из них за это были отмечены высокими наградами, а их командир полковник В. К. Гуряшин стал кавалером ордена Красного Знамени. Особенно высокую отвагу в тех боях проявили коммунисты.

¹⁶ Архив МО СССР, ф. 1417, оп. 61839, д. 4, л. 36.

¹⁷ Там же, л. 75; оп. 67789, д. 4, л. 2.

Находясь в обороне, личный состав дивизии широко отметил годовщину своего вступления в бой под лозунгом «Ни шагу назад — только вперед!»

Высокое вдохновение в битве за Отчизну уральцы черпали в неразрывной связи с родным краем. В канун нового 1943 года в соединение пришло письмо от комсомольцев Верхнемуллинского совхоза. Это письмо было опубликовано в новогоднем номере дивизионной газеты «Боевая красноармейская» 1 января 1943 года. В письме говорилось:

«Дорогие товарищи! Комсомольцы и молодежь нашего совхоза с восхищением следят за вашими героическими подвигами и во всем равняются на вас... Будьте уверены, товарищи, вы не одни, с вами вся молодежь, весь советский народ. Громите и уничтожайте гитлеровских собак и их технику, а мы будем ковать победу в тылу, обеспечим фронт овощами, мясом, молоком».

Наказ земляков выполнялся свято. Это подтвердили последующие бои, в которых дивизия участвовала со 2 до 30 марта 1943 года.

Зимой 1943 года советские войска активизировали свои действия в районах Орла и Харькова. Это вынудило фашистское командование часть своих сил перебросить с Ржевско-Вяземского плацдарма на южные участки фронта. Оставшихся под Ржевом и Вязьмой сил явно не хватало на то, чтобы удерживать плацдарм. Тогда гитлеровцы решили вывести свои войска из этого, теперь уже ставшего опасным «мешка». Воспользовавшись отходом фашистских войск, наши части перешли в наступление.

Предприняла наступление и 359-я стрелковая дивизия. В жарких схватках с врагом она прошла почти 200 километров и приняла участие в освобождении многих населенных пунктов и в том числе города Ржева.

В сражении за Ржев бессмертный подвиг совершил пулеметчик 1194-го стрелкового полка Д. П. Степкин. Действуя смело и решительно, он не раз обращал фашистов в бегство. С поля боя отважный воин направил комиссару полка В. А. Никифорову записку: «Тов. комиссар! Вчера меня приняли в кандидаты партии. Я дал клятву биться с врагом до последней капли крови. Сейчас я ранен в голову, не слышу на правое ухо, но поля боя не ос-

тавлю. Уже раненым, я уничтожил четырех немцев. Пусть так поступает каждый». ¹⁸

В этом бою Д. П. Степкин пал смертью храбрых. На его счету значилось 42 истребленных фашиста. Подвиг его Родина отметила орденом Отечественной войны I степени. Имя боевого товарища пермяки решили навечно занести в списки личного состава дивизии. Лучшему пулеметному расчету, которым стал командовать старший сержант Д. Шипилов, было присвоено имя коммуниста Д. П. Степкина. Расчет поклялся беспощадно мстить врагу, умножить боевой счет своего товарища.

30 марта 1943 года дивизия выходит из боев и сосредоточивается в районе населенного пункта Бобровцы, где получает пополнение и готовится к новым схваткам с врагом ¹⁹.

Здесь будет уместным заметить, что встреча пополнения — событие весьма ответственное в жизни любой части. Не секрет, что прибывавший личный состав, как правило, был разнородным по возрасту, военному и жизненному опыту, по политическому и общеобразовательному уровню. Поэтому на повестку дня встала как неотложная задача: в кратчайший срок прямо в прифронтовых условиях превратить каждый батальон, полк и дивизию в такой боевой коллектив, который способен был бы бить и побеждать противника. И действительно, в эти дни все внимание и командования, и политорганов, и партийных организаций было подчинено единой цели — обучению и воспитанию личного состава.

После четырехмесячного перерыва боевые действия дивизия начала в первых числах августа 1943 года. То были бои за город и станцию Ярцево.

Ворота на Смоленск — Ярцево являлось мощным узлом сопротивления противника. На этом участке гитлеровцами были открыты две (во многих местах и три) линии полного профиля окопов, построены блиндажи, создана система проволочных и минных заграждений и сосредоточено большое количество различной боевой техники — самоходные орудия, полуавтоматические зенитные пушки, шестиствольные минометы, много станковых и ручных пулеметов.

¹⁸ Архив МО СССР, ф. 1417, оп. 67796, д. 8, л. 10.

¹⁹ Там же, л. 14.

Оборонялась здесь 253-я пехотная дивизия гитлеровцев, имевшая в своем составе 7500 штыков. Эта дивизия имела значительный опыт войны: она участвовала в порабощении Бельгии, Голландии, Франции. На советском фронте начала действовать с 1 июля 1941 года. И все же, несмотря ни на что, уральцы в решительной схватке вначале выбили фашистов из Ярцево, не давая им опомниться, преследуют их и 25 сентября врываются с севера в Смоленск²⁰.

Генерал-майор Петр Павлович Косолапов, командир дивизии (с 14. 7. 43 г. и до конца войны). Умер в 1953 году.

На подступах к Ярцево 1-й батальон 1198-го стрелкового полка под командой капитана Севальнева сильным огнем противника был прижат к земле. Фашисты, воспользовавшись этим, стали окружать уральцев. Создалось угрожающее положение. Тогда коммунист Николай Елисеевич Севальнев бросился в расположение взводных боевых порядков и с призывом: «Вперед, товарищи! За Родину! Бей подлых захватчиков!» устремился на врага. За командиром неотступно следовал весь батальон. Противник не выдержал такого натиска и отступил, оставив на поле боя свыше полусотни своих солдат и офицеров. Капитан Н. Е. Севальнев в этом бою был ранен.

В боях за Смоленск навеки прославил свое имя командир батареи 924-го артполка капитан Горяйнов. Оказавшись в окружении, он не замедлил вызвать огонь батареи на себя и ценой собственной жизни обеспечил ус-

²⁰ Архив МО СССР, ф. 1417, оп. 67784, д. 3, лл. 67—68; оп. 67796, д. 8, лл. 14—16.

пех боя. В память о самоотверженном поступке коммуниста Николая Демьяновича Горяйнова была сложена песня, которую 17 октября 1943 года опубликовала дивизионная газета «Боевая красноармейская».

За мужество и отвагу, проявленные личным составом в боях за Ярцево и Смоленск, дивизия была удостоена почетного наименования «Ярцевской» и благодарности от Верховного Главного Командования. Многие воины были отмечены правительственными наградами. Ордена Отечественной войны II степени был удостоен кизеловец лейтенант Г. В. Заболотный, ордена Красной Звезды — краснокамец рядовой П. А. Зеленин, медалями «За отвагу» — красновишерец лейтенант И. В. Собянин, сержант из Ильинска Я. И. Ушаков и многие другие ²¹.

В октябре — ноябре 1943 года 359-я стрелковая дивизия вела наступательные бои в направлении Орши. Вскоре она была выведена из боев и направлена в резерв войск 1-го Украинского фронта для переформировки и подготовки к новым сражениям ²².

В январе — феврале 1944 года 359-я стрелковая дивизия в составе 40-й армии (командующий генерал-лейтенант Ф. Ф. Жмаченко) приняла участие в крупной наступательной Корсунь-Шевченковской операции.

Как известно, в этой операции советским войскам пришлось одновременно вести тяжелые бои и по уничтожению окруженной группировки (было блокировано свыше десяти вражеских дивизий), и по отражению атак противника извне. В разгроме фашистов на внешнем фронте (восьми танковых и шести пехотных дивизий) приняли участие и уральцы ²³. Перед ними стояла задача: овладеть населенными пунктами Виноград, Тыновка, Вотылевка, превращенными гитлеровцами в важные узлы сопротивления на своем левом фланге. Враг, используя выгодные для обороны условия местности (им были заняты все господствующие высоты), оказывал нашим войскам упорное сопротивление, цеплялся за каждый опорный пункт. В отдельные дни он бросал в контратаку

²¹ Архив МО СССР, ф. 1417, оп. 484416, д. 1, л. 3; оп. 67796, д. 8, л. 16; оп. 67733, д. 4, лл. 28—73.

²² Там же, оп. 67801, д. 3, лл. 28 и 38.

²³ См.: «Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. Краткая история». М., Воениздат, 1965, стр. 324; Архив МО СССР, ф. 1417, оп. 67789, д. 4, л. 3; оп. 68441, д. 6, лл. 25—26.

на позиции дивизии десятки танков и самоходных орудий.

С кровопролитными боями дивизия настойчиво продвигалась вперед. Во время этой операции она выбила противника из пятнадцати населенных пунктов, уничтожила более 6000 солдат и офицеров и много различной вражеской техники²⁴.

Все эти бои также изобиловали многочисленными примерами массового героизма, проявленного личным составом дивизии. Обратимся к некоторым из них.

Тридцать шесть воинов из 1196-го стрелкового полка под командой коммуниста старшего лейтенанта Владимира Степановича Шадура, заняв высоту 241, более двух суток сдерживали вдесятеро превосходящие силы противника.

Исключительно храбро дрался сам командир. В ожесточенной рукопашной схватке, даже будучи смертельно раненным, он, собрав последние силы, прикладом автомата размозжил голову гитлеровскому офицеру. Почти все воины этой группы пали смертью храбрых, но не отдали врагу занятого рубежа. Об этом подвиге отважных воинов поведала своим читателям дивизионная газета в канун 26-й годовщины Советских Вооруженных Сил.

11 февраля 1944 года на рубеж Шубейный Став, занимаемый воинами 1198-го стрелкового полка, противник бросил в контратаку более 100 танков и самоходных установок. Обстановка оказалась тяжелой. Но выстояли уральцы и на этот раз. Среди оборонявшихся были и партийно-политические работники во главе с начальником политотдела дивизии подполковником Р. Я. Пасечником. Некоторые из политработников, заменив убитых и тяжело раненых, встали за орудия и противотанковые ружья, вооружились гранатами. Личный пример коммунистов, их призывное слово воодушевили оборонявшихся. В итоге в первой же схватке гитлеровцы недосчитались двадцати трех боевых машин²⁵.

22 февраля 1944 года после сдачи боевого участка прибывшим свежим частям дивизия отводится вначале под город Белая Церковь, а потом перебрасывается по железной дороге на станцию Шепетовка. Оттуда, совершив многокилометровый марш, уральцы сосредоточи-

²⁴ Архив МО СССР, ф. 1417, оп. 67796, д. 8, л. 24.

²⁵ Там же.

лись в районе города Ямполь Винницкой области и вошли в подчинение 60-й армии, которой командовал генерал-полковник И. Д. Черняховский. 60-я армия к этому времени (начиная с 4 марта 1944 года) в составе войск 1-го Украинского фронта вела активные боевые действия, участвуя в Проскуровско-Черновицкой операции²⁶.

К 11 марта войска ударной группировки 1-го Украинского фронта продвинулись вперед на 100 км и овладели районом Волочиск — Черный Остров. Однако дальнейшее продвижение советских войск здесь было задержано противником, ибо он бросил в бой новые крупные силы. В связи с этим потребовалось более обстоятельно оценить обстановку, принять меры для сосредоточения новых резервов на направлении главного удара.

В начале второй половины марта (на разных участках в разное время) советские войска вновь возобновили наступление. Здесь 15 марта на подступах к Тернополю в бой вступили и части 359-й стрелковой дивизии²⁷. Несмотря на то, что личный состав устал от ранее проведенных тяжелых боев и длительного марша, уральское соединение успешно справляется с новой задачей. Форсировав реки Серет и Стрыпу, дивизия далеко вклинивается в оборону противника. Неоднократные попытки гитлеровцев уничтожить вклинившиеся части не имели успеха. Больше того, достигнутыми успехами уральских стрелков незамедлили воспользоваться подвижные части 1-й и 4-й танковых армий (командующие генерал-лейтенанты М. Е. Катукон и Д. Д. Лелюшенко). Используя прорыв, эти армии вышли западнее Тернополя и замкнули кольцо окруженной вражеской группировки в городе.

В мартовских боях от удара уральцев противник потерял убитыми и ранеными более пяти тысяч солдат и офицеров. Только коммунист Гавриил Степанович Кухарев в этих боях уничтожил 140 гитлеровцев.

На утренней заре, когда особенно клонит ко сну, командир пулеметного расчета Кухарев, находясь в засаде, вдруг услышал приближающийся гул моторов. Долго ждать не пришлось. Из-за поворота дороги вначале по-

²⁶ См.: «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945». М., Воениздат, 1962, т. 4, стр. 78; Архив МО СССР, ф. 1417, оп. 67789, д. 4, л. 3, оп. 68641, д. 6. лл. 25—26.

²⁷ Там же.

казалась легковая, а потом и 8 грузовых автомашин с пехотой противника. Фашисты, видимо, хотели вырваться из кольца окружения. Но не тут-то было. Двумя длинными очередями старшина-пулеметчик пробил скакты первой и последней автомашин. На дороге образовалась пробка. Гитлеровцы, соскочив на землю, двинулись в атаку. Кухарев хладнокровно подпускал их все ближе, ближе, а потом нажал на гашетку...

Из этого неравного поединка советский солдат вышел победителем.

В боях под Тернополем отважно дрался с врагом и командир 2-го стрелкового батальона 1198-го стрелкового полка капитан Андрей Иванович Деркачев.

Случилось так, что подразделения противника провалились в тыл полка. На уничтожение врага был брошен танковый батальон. Гитлеровцы начали отступать. При подходе к Романувке их атаковал батальон капитана Деркачева. Много гитлеровцев было истреблено. Около 70 солдат и офицеров сдались в плен.

В жаркой схватке за деревню Романувка капитан Деркачев пал смертью храбрых. Коммунисты батальона в память о своем любимом командире сразу же выпустили листовку-молнию. «Товарищ боец, сержант, офицер, — говорилось в ней, — крепче сожми в руках оружие и беспощадно мсти подлому врагу за смерть дорогого нам капитана Деркачева. Помни, если ты не убьешь немца, то немец убьет тебя. Вперед на врага за освобождение Советской Украины. Смерть гитлеровским палачам!»²⁸.

Личный состав батальона не замедлил откликнуться на этот призыв. В одной из последующих схваток под его ударами враг потерял 300 своих солдат и офицеров.

По окончании этих боёв дивизия 9 апреля заняла оборону на восточном берегу реки Стрыпы в районе населенных пунктов Бенява — Соколув и находилась там до 30 июня²⁹.

13 июля 1944 года войска 1-го Украинского фронта, выполняя приказ Ставки Верховного Главного Командования, начали осуществление плана по уничтожению главных сил фашистской группы армий «Северная Украина».

²⁸ Архив МО СССР, ф. 1417, оп. 67789, д. 4, л. 36.

²⁹ Архив МО СССР, ф. 1417, оп. 67796, д. 8, л. 31.

«Вкратце существо этого плана, — рассказывал в опубликованных 14 октября 1964 года в «Правде» воспоминаниях бывший командующий 1-м Украинским фронтом ныне Маршал Советского Союза И. С. Конев, — заключалось в том, что фронт наносил два удара: первый — из района Луцка в общем направлении Сокаль — Раву-Русскую; второй — из района Тернополя на Львов. Цель операции — рассеять группу гитлеровских армий «Северная Украина», разгромить ее по частям и освободить от врага западные районы Украины, выйти на рубеж Вислы».

В летней операции 1944 года 359-я стрелковая дивизия сражалась в составе войск 60-й армии (в это время ей командовал генерал-полковник А. А. Курочкин), которая наносила удар по врагу из района Тернополя на Львов. За время операции дивизия приняла участие в разгроме группировки противника юго-западнее Брод, в освобождении старинного украинского города Львова и 70 других населенных пунктов. При этом она нанесла серьезное поражение дивизии СС «Галиция» и уничтожила не одну тысячу фашистских солдат и офицеров³⁰.

При ликвидации Бродской группировки противника особенно упорные бои велись за высоту 374,0. В сражении за нее большое воинское мастерство и героизм проявила 2-я стрелковая рота 1198-го полка под командой старшего лейтенанта П. И. Ходоровского. Под прикрытием огня нашей артиллерии и авиации рота вплотную подошла к первой линии окопов противника. Однако перед самым броском в окопы гитлеровцы открыли сильный пулеметный огонь и вынудили храбрецов залечь. Успех боя решали секунды. Оценив сложность обстановки, коммунист Ходоровский поднялся во весь рост и с громовым возгласом: «В атаку! За мной! Бей фашистов!» — увлек роту в атаку. Вот наши бойцы миновали первую, вторую, а затем и третью линию окопов. А старший лейтенант уже взобрался на самую вершину и там укрепил красный флаг. Ветер рванул полотнище и в лучах солнца загорелся багряным светом стяг, зовущий

³⁰ Архив МО СССР, ф. 1417, оп. 67796, д. 6, л. 61.

воинов на подвиг. Бойцы-ходоровцы ударили по врагу с такой силой, что тот вынужден был сложить оружие.

Трофеи победителей оказались немалыми — один танк, 7 орудий, 23 пулемета и многое другое. Вскоре на завоеванной высоте прогремели два салюта: один — победный, другой — в память о павшем в бою старшем лейтенанте Ходоровском. Командование дивизии высоко оценило подвиг двадцатитрехлетнего старшего лейтенанта коммуниста П. И. Ходоровского, совершенный им в боях за высоту 374,0, посмертно представив его к званию Героя Советского Союза³¹.

В бой за Львов уральцы вступили в ночь на 25 июля 1944 года прямо с марша и к 27 июля в упорном сражении овладели его северной окраиной³². Как известно, в этот же день город Львов был полностью очищен от гитлеровских захватчиков.

Партия и правительство высоко оценили героизм и отвагу, проявленные отдельными частями и в целом дивизией в боях за Львовщину: 1198-й стрелковый полк (командир подполковник Д. И. Загребин) и 1196-й стрелковый полк (командир подполковник В. Т. Ягленко) были отмечены орденами Красного Знамени, а 924-й артиллерийский полк (командир майор Ф. Г. Юденко) был удостоен наименования Львовского³³. За это время Уральскому соединению дважды объявлялись благодарности от Верховного Главного Командования.

Высокие награды получили и многие воины. Кавалерами ордена Красной Звезды стали старшие лейтенанты П. Т. Карташов, В. М. Логачев, сержанты П. Е. Никитин, И. И. Васечкин и другие. Кавалерами ордена Славы III степени стали сержанты Ю. А. Байрашевский, Н. Т. Туйнов, рядовые В. С. Бабилов, Д. Ф. Босоногов, И. С. Егоров, А. Шагумбеков и другие³⁴.

В конце июля — в начале августа 1944 года 359-я Ярцевская стрелковая дивизия пересекла границу Польши. Форсировав реки Сан и Вислок, дивизия в упорных боях освободила 120 населенных пунктов и к 9 сентября вышла в район Дембица, где вплоть до 17 сентября находилась в обороне и принимала очередное пополнение³⁵.

³¹ Архив МО СССР, ф. 1417, оп. 67789, д. 3, л. 10; д. 2, л. 49 (об).

³² Там же, оп. 67796, д. 6, л. 61.

³³ Там же, оп. 67789, д. 3, л. 1; оп. 67796, д. 8, лл. 34 и 35.

³⁴ Там же, оп. 67767, д. 3, лл. 50—52.

³⁵ Там же, оп. 67796, д. 8, лл. 37—39.

Генерал-майор Дмитрий Иванович Загребин. Командовал 1198-м стрелковым полком, был заместителем командира дивизии. Ныне продолжает службу в Советской Армии.

В результате осуществления Львовско-Сандомирской операции советские войска вышли на Вислу и в предгорье Карпат. В ходе наступления они освободили Западную Украину и юго-восточную часть Польши. Теперь создавалась реальная возможность оказать поддержку повстанцам Словакии, поднявшимся в конце августа 1944 года на вооруженную борьбу против гитлеровских захватчиков. Решению этой задачи была посвящена Карпатско-Дуклинская операция³⁶.

Проведение операции возлагалось на войска 1-го Украинского фронта — на 38-ю армию и Чехословацкий армейский корпус. Поддерживал их 4-й Украинский фронт силами 1-й гвардейской

армии генерал-полковника А. А. Гречко.

Условия, в которых проводилась операция, были не из легких. Наступавшим советским и чехословацким войскам преграждали путь многочисленные реки и речки, горделиво возвышающиеся горные хребты, поросшие вековым лесом. На вершинах гор укрепился вооруженный до зубов враг. К тому же из-за слабой сети дорог сосредоточенную здесь нашими войсками боевую технику не всегда можно было применить в бою.

Но и это не все. Как подчеркивает в своих мемуарах генерал армии Людвик Свобода, бывший командир 1-го Чехословацкого армейского корпуса, «надо добавить,

³⁶ См.: «Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945 гг. Краткая история». М., Воениздат, 1965, стр. 403.

Старший батальонный комиссар Владимир Ильич Воронин, начальник политотдела дивизии (1942—1943 гг.). После войны проживал в Кировской области.

что ни соединения 38-й армии, ни наши части не обладали необходимым опытом ведения боевых действий в горно-лесистой местности и не имели соответствующего снаряжения и вооружения. К тому же войска 38-й армии, которыми командовал генерал-полковник Москаленко, были утомлены весьма трудными двухмесячными боями. Часть боевой техники требовала ремонта, ее необходимо было пополнить. А время не ждало»³⁷.

Рано утром 8 сентября 1944 года из района польского города Кросно советские войска выступили в поход на юг. Началась Карпатско-Дуклинская операция. 359-я дивизия в составе войск 38-й армии вступила в бой

на одиннадцатые сутки и вплоть до 15 ноября 1944 года вела, пожалуй, самые тяжелые и кровопролитные бои за всю свою историю. Части дивизии наступали в направлении населенных пунктов Вышний Комарник, Крайна Порубка, Нижня Писана, Доброслава. Особенно жестокой оказалась схватка с врагом за гору Явира. Бои здесь продолжались с 13 по 25 октября и не прекращались ни днем ни ночью.

Гора Явира являлась важным опорным пунктом, прикрывавшим собою шоссе. Именно в этом месте советские войска должны были сомкнуть кольцо окружения большой группировки противника. Отчетливо представляя нависшую угрозу, гитлеровцы бросили в бой все имевшиеся

³⁷ Людвик Свобода. От Бузулука до Праги. Авторизованный перевод с чешского. М., Воениздат, 1963, стр. 266.

в их распоряжении резервы, вплоть до санитаров и са-
пожников.

Настроения наших воинов в те дни очень хорошо выражены в словах рядового Кравчука, сказанных им на митинге перед боем: «Как бы ни сопротивлялась мразь фашистская, — заявил Кравчук, — все равно вышибем ее из Карпат, а там и пробьем путь на Германию»³⁸.

И хотя противник сопротивлялся с упорством фанатиков, он все же был выбит с ключевого рубежа, при этом понес большие потери. И в непривычных условиях гористо-лесистой местности воины дивизии действовали храбро, самоотверженно. Так, например, в схватке с врагом командир одной из стрелковых рот 1196-го полка лейтенант Ф. А. Андриенков был ранен в голову, но поля боя не покинул. Увидев окровавленного командира, бойцы роты с такой яростью ударили по врагу, что тот даже при наличии превосходства в силах отступил с занимаемых позиций. В этой рукопашной схватке только рядовой П. С. Шевчиев, первым ворвавшись во вражескую траншею, уничтожил трех фашистов.

А вот еще один пример смелости и находчивости советского офицера, командира минометного взвода младшего лейтенанта Д. П. Землянского. Когда шел жаркий бой за гору Явира, он проник в тыл врага и, укрывшись в расщелине скалы, вызвал огонь советской артиллерии на себя. От неожиданности фашисты вначале дрогнули, а потом и обратились в бегство. Землянский не растерялся, он подобрал трофейный пулемет и начал беспощадно косить удиравших гитлеровцев.

В ходе боевых действий в Карпатах уральцы установили крепкую дружбу с народами Чехословакии. Она началась с того, что с 28 сентября по 5 октября 1944 года 359-я стрелковая дивизия входила в оперативное подчинение 1-го Чехословацкого армейского корпуса и в его составе вела боевые действия за высоты 460 и 573. Да и в последующих сражениях оба этих соединения не раз действовали бок о бок и приходили на помощь друг другу. Вот что рассказывает об одном из эпизодов их взаимодействия в четвертом томе «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945 гг.»:

«Много суток подряд Чехословацкий корпус вел упорные бои в районе к югу от Дуклинского перевала.

³⁸ Архив МО СССР, ф. 1417, оп. 67789, д. 3, л. 38 (об).

Бригады этого корпуса совместно с 359-й стрелковой дивизией настойчиво пробивались к югу. Нередко приходилось сталкиваться с противником в рукопашных схватках. На каждом шагу солдат подстерегали мины. Вспоминая об этих днях, начальник штаба Чехословацкого корпуса Б. Ломский писал: «Буквально метр за метром взламывалось сопротивление врага. Бой представлял собой непрерывные атаки, которые велись днем и ночью. К исходу 18 октября Чехословацкому корпусу во взаимодействии с 359-й стрелковой дивизией удалось продвинуться в южном направлении на 10—15 километров». (См. стр. 324—325).

Подполковник Александр Михайлович Кузьмин, начальник политотдела дивизии (с 1943 и до конца войны). Ныне полковник в отставке, проживает в Ленинграде.

Во время Карпатско-Дуклинской операции уральцы установили крепкую связь и с населением Чехословакии. И нередко в деревнях и селах возникали душевные беседы воинов с местными жителями.

Закончив боевые действия в Карпатах, 359-я дивизия к концу 1944 года передислоцировалась на Зависленский плацдарм и сосредоточилась в лесу, что находился в 20 километрах западнее Сандомира. Здесь она получала пополнение.

Кровопролитные бои в Карпатах повлекли за собой значительные потери личного состава. Поэтому командованию, партийно-политическим органам пришлось вновь приложить немало усилий, чтобы за короткий срок подготовить части к завершающим сражениям. Огромное значение в решении этой сложной задачи сыграло воспитание личного состава на богатых боевых тради-

циях дивизии, овладение опытом, накопленным в прошедших боях.

12 января 1945 года войска 1-го Украинского фронта ударом с Сандомирского плацдарма начали Висло-Одерскую операцию. Это была одна из крупнейших стратегических наступательных операций Великой Отечественной войны, в ходе которой части Советской Армии разгромили гитлеровскую группу армий «А», освободили значительную часть Польши, перенесли боевые действия на территорию центральных районов Германии и вышли на ближние подступы к Берлину³⁹.

Участвовать в Висло-Одерской операции уральская дивизия начала с 16 января. На этот раз, войдя в состав 6-й армии (командующий генерал-лейтенант В. А. Глущовский), она преследовала отходящего противника в направлении Чернова Гура, Броневище и Парсиув. В результате многодневного наступления были освобождены населенные пункты Вонхоцк, Павлув, Скаржиско-Каменна, а потом и форсирована река Одер. Захватив на западном берегу Одера плацдарм, уральцы окопались и заняли оборону, но не надолго. 8 февраля с рубежа Рогоу они совершили трудный марш и 19 февраля ворвались на западную окраину города Бреслау (Вроцлав).

Когда шли бои за город Скаржиско-Каменна, мужественно бился с врагом комсомолец младший сержант В. А. Козловский. Он постоянно находился на ответственных участках и личным примером вдохновлял бойцов на подвиги.

В этом же городе комсомолец рядовой Ф. И. Криворучко, несмотря на сильный огонь гитлеровцев, далеко выдвинулся вперед со станковым пулеметом и огнем из него поддержал свое наступающее подразделение⁴⁰.

В другом бою, на развилке дорог, небольшая группа воинов дивизии во главе с комсомольцем Г. Куликом неожиданно лицом к лицу столкнулась с большими силами фашистов. Советские воины не растерялись и дружным ударом обратили противника в бегство. В этой схватке они уничтожили 15 и пленили 20 гитлеровцев.

Высокое мастерство продемонстрировали при форсировании Одера саперы. Всего лишь за одну ночь они при помощи подручных средств навели переправу, а потом по

³⁹ «Военно-исторический журнал», 1965, № 1, стр. 7.

⁴⁰ Архив МО СССР, ф. 1417, оп. 67765, д. 1, л. 15.

ней пропустили на западный берег реки не только свое соединение, но и основные силы 181-й и 309-й стрелковых дивизий. Враг не ожидал такой быстроты и дерзости. На следующий день он неоднократно предпринимал танковые контратаки, но советские части уже успели укрепиться на завоеванном плацдарме и сдержали бешеный натиск противника ⁴¹.

Командир дивизии генерал-майор П. П. Косолапов (сидит слева второй) и начальник политотдела полковник А. М. Кузьмин (сидит второй справа) среди работников политотдела.

Что касается боев за город Бреслау, то они носили исключительно ожесточенный характер и велись круглосуточно.

Окруженный гарнизон, во многом состоящий из резервных эсэсовских частей, имел строгий приказ — оказывать Советской Армии упорное сопротивление и ждать помощи извне.

Операция по деблокаде со стороны фашистской группы армий «Центр», действовавшей в Чехословакии, намечалась в ночь на 7 мая. Но, как известно, этим планам гитлеровцев не суждено было сбыться. Немалую роль в их крушении сыграли гвардейцы Уральского доброволь-

⁴¹ Архив МО СССР, ф. 1417, оп. 67796, д. 6, лл. 28—28 (об.).

ческого танкового корпуса, которые в то время сражались вначале на Нейсенском, а потом Берлинском и Пражском направлениях. Автору этих строк довелось участвовать в боях в составе данного соединения и для него очень памяты те тяжелые и кровопролитные бои, которые велись на внешнем фронте блокированного Бреслау. Танкисты Урала делали все, чтобы оказать помощь землякам-пехотинцам, принимавшим участие в разгроме противника. Да и не только здесь. Оба этих уральских соединения — 359-я стрелковая дивизия и Добровольческий танковый корпус — ощущали взаимную поддержку друг друга в боях за Тернополь, во Львовской и в Висло-Одерской операциях.

Город Бреслау фашисты превратили в крепость. Почти в каждом жилом доме и каждом административном здании были созданы опорные пункты. Сделав проломы в смежных стенах помещений, устроив специальные ходы сообщения, гитлеровцы превратили опорные огневые пункты в мощные узлы сопротивления. Эти узлы сопротивления усиливались еще и связанным между собой фланговым и перекрестным огнем артиллерии и пулеметов, противотанковыми и противопехотными препятствиями, уличными баррикадами. Подвальные помещения фашисты переоборудовали под убежища ⁴².

Нелегко было здесь нашим воинам вести бой. И главная трудность состояла в том, что они не имели достаточных навыков боевых действий в такой обстановке. Опыт рождался постепенно. Его нужно было обобщить и сделать достоянием всего личного состава. Этому вопросу и посвящается состоявшееся 22 марта 1945 года дивизионное собрание партийного актива, с докладом на котором выступил начальник политотдела подполковник А. М. Кузьмин. Выступил на собрании и командир дивизии полковник П. П. Косолапов. О полковнике Косолапове ветераны войны и теперь вспоминают, что этот кадровый офицер, находившийся в должности командира дивизии около двух лет, отличался высокими качествами военачальника. Он был смел и решителен, обладал способностью в любой обстановке хладнокровно и трезво принимать решения. В отношениях с подчиненными полковник проявлял требовательность и вместе с тем ту особую простоту и задушевность, которые всегда располага-

⁴² Архив МО СССР, ф. 1417, оп. 67784, д. 3, лл. 70—70 (об).

ли к нему людей. Его речь, произнесенная на собрании актива, была краткой и выслушана с большим вниманием. Главное, на что комдив обратил внимание коммунистов, заключалось в том, чтобы в сложной и непривычной обстановке боев в крупном городе приказы командования доводились до личного состава во всех деталях, вплоть до того, в каком доме, подъезде, окне должны действовать взвод, отделение, группа, одиночный боец⁴³.

Исходя из конкретной обстановки уличных боев, важное значение придавалось действию штурмовых групп, в которые, как правило, входили автоматчики, саперы, огнеметчики и бойцы с трофейными фаустпатронами. Количественный состав их был — 19—28 человек в каждой. Нередко группы делились на подгруппы. Особенно храбро сражалась с врагом штурмовая группа, в которую входил коммунист С. Дунаев. Как-то в схватке за сильно укрепленный дом он первым вступил в рукопашную и уничтожил пять гитлеровцев. Подстать ему действовали и его боевые товарищи — бойцы Н. Бобенко, И. Лупашко, Ф. Помернюк. Враг был разбит, и еще один опорный пункт фашистов оказался в руках смельчаков⁴⁴.

В боях за город коммунисты оказали командованию большую помощь в распространении в солдатских массах примеров военной хитрости, умения уничтожать вражескую технику и применять оружие противника против его же самого. Первым, кто стал из противотанкового ружья с помощью специального приспособления метать в гитлеровцев бутылки с горючей жидкостью, был коммунист Кропотов; первым, кто умело подбил фашистскую танкетку-торпеду, был также коммунист Гнатюк; первым, кто научился использовать против врага его же фаустпатроны, был опять-таки коммунист Михайлов. Их примеру последовали многие⁴⁵.

Храбро дрались с врагом воины дивизии и на заключительном этапе войны. Ради великой победы многие из них отдали свою жизнь буквально в последние дни сражений. В их числе были такие отважные патриоты, как Владимир Николаевич Андреев, Роман Степанович Волков, Сергей Прокопьевич Кандауров, Борис Александров-

⁴³ Архив МО СССР, ф. 1417, оп. 67796, д. 8, л. 58.

⁴⁴ Там же, оп. 67765, д. 1, лл. 85, 141 и 155.

⁴⁵ Там же, оп. 67765, д. 1, л. 140; д. 2, л. 33.

вич Савинов, Александр Сергеевич Сергеев, Михаил Георгиевич Шромков и другие.

Советские воины жестоко отомстили врагу за гибель своих боевых друзей. Под все нарастающими их ударами

Командир 74-го стрелкового корпуса генерал-майор А. В. Ворожищев прикрепляет орден Красного Знамени к боевому знамени 359-й стрелковой дивизии (снимок 1945 года).

гарнизон города Бреслау в 18 часов 6 мая, после 81-дневного сопротивления, вынужден был сложить оружие. За время боев в этом городе уральцы заняли 74 квартала, уничтожили и пленили 10 тысяч фашистов ⁴⁶.

9 мая 1945 года воины дивизии вместе со всем советским народом торжественно отметили день великой

⁴⁶ Архив МО СССР, ф. 1417, оп. 67796, д. 8, лл. 53 и 55.

Победы и подвели итоги боевого пути. Этот путь составлял без малого 3000 километров, причем 1800 километров были пройдены с тяжелыми и кровопролитными боями. За время боевых действий уральцы освободили 22 города, форсировали 8 рек и приняли участие в прорыве 18 вражеских оборонительных рубежей. В боях за Родину ими было уничтожено почти 42000 фашистских солдат и офицеров ⁴⁷.

Партия и правительство высоко оценили подвиг посланцев нашего края. Личный состав дивизии награжден 14545 орденами и медалями. Дивизия за успешный прорыв обороны на реке Одер и за разгром противника в Бреслау Указами Президиума Верховного Совета СССР от 5 апреля и 12 мая 1945 года была награждена орденами Красного Знамени и Ленина.

Вся история соединения — яркое свидетельство высокого и признанного героизма, проявленного сынами Урала в годы тяжелых испытаний. Эта история убедительно говорит и о том, что вдохновителями подвига солдатских масс всегда выступали коммунисты и комсомольцы, которые постоянно личным примером показали, как нужно переносить тяготы походной боевой обстановки, а когда требуется — не щадить своей крови и самой жизни. И не случайно поэтому авторитет партийных и комсомольских организаций с каждым годом войны все более возрастал. Это видно в непрерывном росте их рядов за счет лучших воинов. Так, уже к середине 1944 года дивизионная партийная организация приняла в свои ряды 1618 членов и 2926 кандидатов в члены ВКП(б), а в комсомол влилось 1759 молодых воинов ⁴⁸.

С того дня, когда была заполнена последняя страничка боевой летописи овеянной славой побед 359-й Ярцевской Краснознаменной ордена Ленина стрелковой дивизии прошло 22 года. Однако стремительный бег времени не способен изгладить из памяти советского народа той ратной доблести, которая была проявлена уральцами в суровых боях.

⁴⁷ Архив МО СССР, ф. 1417, оп. 67796, д. 8, л. 59.

⁴⁸ Там же, оп. 67789, д. 4, лл. 11 и 48.

Генерал-майор Франтишек Новек продолжительное время являлся военным атташе при посольстве Чехословацкой Социалистической Республики в Москве. Ныне он на ответственной работе в Министерстве национальной обороны ЧССР. В годы Великой Отечественной войны был политработником в арtpолку 3-й бригады 1-го Чехословацкого армейского корпуса.

Первая чехословацкая часть будущего корпуса была создана в 1941 году в Бузулуке из граждан Чехословакии, проживавших в СССР.

В марте 1943 года, в районе села Соколово под Харьковом, чехословацкие воины приняли боевое крещение. Весь личный состав проявил высокий героизм, отвагу и мужество. Менее чем за полгода отдельный чехословацкий батальон разросся до бригады. А затем, летом 1944 года, на базе этой бригады был уже сформирован корпус.

В ходе войны как при освобождении территории нашей страны, так и Чехословакии, было немало примеров боевого сотрудничества советских и чехословацких воинов. О некоторых таких примерах, в частности, о боевом сотрудничестве уральцев и чехословацких воинов, и рассказывает в своих воспоминаниях генерал Франтишек Новек.

Генерал-майор
Франтишек Новек

Празднование Дня Победы всегда совпадает с Днем Освобождения Чехословакии Советской Армией. Героические сыны России не только очистили свою землю и разгромили фашистскую Германию, но и пришли на помощь народам многих стран Европы, в том числе и Чехословакии.

Чехи и словаки никогда не забудут бессмертного подвига советских людей, сражавшихся за свободу нашей страны. И в то же время каждый чех и каждый словак гордится тем, что в тяжелое время военных испытаний чехословацкие воины были первыми из союзных войск, кто встал бок о бок с Советской Армией в борьбе против фашизма. Чехи и словаки горды тем, что чехословацкие воины приняли участие в жестоких боях, помогая Советской Армии освободить Украину.

Славный боевой путь чехословацкого войска в СССР отмечен братскими могилами, где вечным сном спят храбрые сыны и дочери Чехословакии, отдавшие свою жизнь за освобождение советской земли от немецко-фашистских захватчиков. С особой любовью и заботой ухаживают чехи и словаки за могилами воинов Советской Армии, погибших в боях за свободу Чехословакии. Кровь, пролитая в суровой борьбе с фашизмом, еще теснее скрепила узы дружбы и братства советского и чехословацкого народов.

Уральцам принадлежит немалая роль в освобождении Чехословакии. Став важнейшим арсеналом в годы второй мировой войны, индустриальный Урал обеспечивал фронт самым совершенным оружием. Уральские танки принесли свободу Златой Праге. И благодарные пражане танк № 23, сделанный из уральской стали искусными руками уральцев и ими же приведенный к берегам Влтавы, установили на высокий постамент недалеко от

Пражского Града. Этот танк символизирует силу и мощь Урала, могущество Советской Армии, разгромившей фашизм, прочность советско-чехословацкой дружбы. Пражане, да и жители других городов нашей республики, хорошо знают имена всех членов экипажа танка № 23 из 63-й гвардейской танковой бригады 10-го гвардейского Уральского танкового корпуса. Под номером 412582 этот могучий танк вышел из стен уральского завода, чтобы навечно остаться символом вклада уральцев в победу над врагом и освобождения братского чехословацкого народа.

Имена лейтенанта Ивана Гончаренко, членов экипажа Ильи Шкловского, Павла Батырева, Николая Ковригина и Александра Филиппова дороги чехам и словакам. Они рады были узнать, что пулеметчик гвардии сержант Филиппов жив, и счастливы были пригласить его принять участие в праздновании Дня Освобождения Чехословакии.

В Праге, близ Национального памятника на Жиждкове, у стен военно-исторического института на вечной стоянке находится еще один танк-уралец, на башне которого чешскими буквами светится всемирно известное название «Лидице». Этот танк весной 1943 года приобрели чехословацкие воины, собрав свои личные сбережения. Гитлеровцы уничтожили Лидице, расстреляли мужчин этого поселка, отправили женщин и детей в концлагеря и хотели вытравить это название из памяти людей и вычеркнуть с географических карт. Уральская «тридцатьчетверка», по желанию чехословацких воинов названная «Лидице», гордо пронесла это имя от столицы Украины до столицы Чехословакии. Во многих боях участвовал этот уральский танк, ведомый чехословацким экипажем. Следы жестоких боев сохранились на его броне. Танк «Лидице» также символизирует боевое содружество народов Советского Союза и Чехословакии.

Урал не только обеспечивал Советскую Армию оружием. Многие сыны и дочери Урала с оружием в руках вели борьбу за освобождение Чехословакии. Южный Урал явился колыбелью, где возрождалось чехословацкое войско. Бузулук стал местом формирования чехословацкого отдельного батальона в СССР. Подготовившись к жестоким схваткам с врагом, получив оружие, изготовленное тружениками уральских заводов, чехословацкие

воины прошли славный путь от Урала до Праги, приняв свой первый бой в селе Соколово под Харьковом.

Ни у Соколово, ни в последующих боях за освобождение Киева, Белой Церкви, ни на Дуклинском перевале в Карпатах, где плечом к плечу сражались чехословацкие и советские воины, — нигде чехословацкий солдат не был одиноким. Они решали общую боевую задачу, выполняли один боевой приказ. Во многих случаях их боевым соратником был уралец.

В марте 1943 года чехословацкий батальон был придан 25-й, а затем 62-й гвардейской стрелковой дивизии, входил в их оперативное подчинение. Чехословацкие воины были горды, что их, еще даже не принимавших участия в боях, приравнивали к гвардейцам: им верили, на них надеялись, они должны были сражаться по-гвардейски. Советские гвардейцы, оборонявшие Тарановку, расположенную близ Соколово, были примером и образцом для чехословацких воинов. Батальон «Свобода», как его именовали в штабе 3-й танковой армии, во многом обязан гвардейцам полковника К. В. Билютина, оборонявшим Тарановку, ставшую на пути фашистских танков к Соколово и далее к Харькову. Взвод под командованием лейтенанта П. Н. Широина повторил легендарный подвиг панфиловцев. Всем двадцати пяти гвардейцам-широнинцам было позднее присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Полк Билютина и взвод Широина были не только образцом и боевым примером. Они были однополчанами чехословацких воинов, так как наш батальон и полк Билютина входил в состав одной и той же дивизии.

Характерно отметить, что не только наш батальон усиливал гвардейскую дивизию, потерявшую в предшествующих боях много бойцов и офицеров, а и советские подразделения подкрепляли чехословацкий батальон, который почти не имел артиллерии. 8 марта 1943 года воины нашего батальона приняли свой первый бой. Но не только гвардейцы Героя Советского Союза К. В. Билютина и среди них легендарные широнинцы были их непосредственными боевыми соратниками. Плечом к плечу вместе с чехословацкими пехотинцами сражались советские артиллеристы.

В Соколово героически сражалась в расположении роты надпоручика Отакара Яроша батарея лейтенанта

Н. А. Мутле. Находясь на направлении главного удара шестидесяти вражеских танков и десятка бронетранспортеров с пехотой, брошенных гитлеровцами на роту Яроша, оборонявшую село Соколово, артиллеристы коммуниста Мутле вместе с чехословацкими воинами стояли насмерть. Батарея уничтожила в жестоком бою семь танков противника. Артиллеристы лейтенанта Мутле сражались до полного уничтожения матчасти батареи. Орудие младшего сержанта А. М. Шарова подбило два танка противника, но и само было раздавлено вместе с расчетом тяжелой вражеской машиной. В бою погибли и остальные орудия батареи.

Боевыми соратниками чехословацких воинов были и другие советские батареи, приданные нашему батальону. Так, из-за реки Мжа поддерживала защитников Соколово батарея старшего лейтенанта В. С. Петрова. Мастер артиллерийского огня В. С. Петров добился того, что его батарейцы могли каждые три секунды производить выстрел по врагу. Это был такой шквал огня, через который не могли прорваться вражеские танки и пехота. Чехословацкие воины гордятся тем, что их боевым соратником в Соколово был Василий Степанович Петров, ставший впоследствии дважды Героем Советского Союза. Артиллерийский полк, которым он командовал в конце войны, принимал участие в Пражской операции в майские дни 1945 года.

Плечом к плечу сражались чехословацкие и советские воины также и в боях под Киевом и Белой Церковью. Мы тогда не спрашивали домашних адресов уральцев, но многие из них были нашими прямыми боевыми соратниками. Боевое содружество советских и чехословацких воинов в боях за Киев поднимается на более высшую ступень. Если в боях под Харьковом участвовал только батальон, то уже к осени 1943 года была сформирована отдельная чехословацкая бригада, которая могла вести боевые действия в более широких масштабах. В составе 38-й армии наша бригада отличилась в боях за освобождение столицы Советской Украины города-героя Киева, а позднее и при освобождении Белой Церкви, за что была награждена орденами Суворова и Богдана Хмельницкого.

В период совместных боев за освобождение Украины нередки были случаи, когда чехословацкие подразделения, особенно артиллерийские и танковые, поддержива-

ли советских пехотинцев, а советские части обеспечивали успешные действия чехословацкой бригады. Ратное содружество воинов наших братских армий в каждом бою еще более скреплялось совместно пролитой кровью.

Если в битве у Соколово или под Киевом и Белой Церковью среди советских бойцов и офицеров попадались лишь отдельные представители уральцев, и чехословацкие воины и не могли точно определить их место жительства, то в боях на Дукле мы увидели крупное воинское соединение, сформированное на Урале. Мы своими глазами убедились, что, как поется в песне, уральцы бьются и бьются здорово!

В конце августа 1944 года в Словакии вспыхнуло народное восстание. Советский Союз, верный интернациональному долгу, пришел на помощь восставшему словацкому народу. В кратчайший срок была организована операция 38-й армии в Карпатах в помощь повстанцам.

В составе войск 38-й армии 1-го Украинского фронта действовал и 1-й Чехословацкий армейский корпус (ЧАК), сформированный летом 1944 года на территории Украины. Коммунистическая партия Чехословакии, руководя национально-освободительным движением в стране, вела также кропотливую работу по созданию и расширению чехословацкого войска в СССР. Коммунисты стали душой организации и строительства фундамента будущей Народной армии, рассматривая чехословацкое войско в СССР как основу вооруженных сил национально-демократической революции. Выступив на помощь восставшему словацкому народу, бойцы чехословацкого корпуса в СССР были полны решимости не только освободить вместе с Советской Армией свою родную землю, но и участвовать в революционных преобразованиях в освобожденной республике.

8 сентября 1944 года началась Карпатско-Дуклинская операция в помощь словацкому национальному восстанию. Около трех месяцев в горах гремели ожесточенные бои. Противник упорно сопротивлялся, используя каждую высоту, каждую выгодную позицию, цепляясь за каждую складку местности, чтобы не пропустить советских и чехословацких воинов на территорию Чехословакии. В осеннюю непогоду, в холод и грязь, воины наших братских армий с ожесточенными боями пробивались на запад.

Бои за Дуклинский перевал навсегда вошли в историю, как пример самоотверженности и героизма советских воинов, шедших на помощь народам Чехословакии и выполнивших свой интернациональный долг. В ходе ожесточенных боев много советских людей было ранено или убито. Чехословацкий народ никогда не забудет, что на Дукле 85 тысяч советских и шесть с лишним тысяч чехословацких воинов пролили свою кровь за свободу Чехословакии. В суровых боях в Дукле родился лозунг КПЧ «С Советским Союзом — на вечные времена!» Это призыв Коммунистической партии Чехословакии поддерживал весь чехословацкий народ. Все послевоенные годы продемонстрировали верность чехов и словаков этому завету павших героев.

Дукля — символ боевого братства советских и чехословацких войск, высшая ступень их ратного содружества.

Чехословацкий армейский корпус, насчитывавший свыше 16 тысяч человек, был крупным воинским соединением, способным выполнять самостоятельные боевые задачи и вести автономные боевые действия. В корпусе были артиллерийские полки и пехотные бригады, которые поддерживались своей танковой бригадой. Была создана воздушно-десантная бригада и истребительный авиаполк, которые вскоре приняли непосредственное участие в борьбе словацкого народа после переброски их на освобожденную территорию Словакии.

Командование 1-го Украинского фронта в Карпатско-Дуклинской операции выделило чехословацкому корпусу самостоятельный участок фронта. Однако в ходе совместных боев на Дукле нередко бывало так, что чехословацкая артиллерия поддерживала атаки советских стрелковых дивизий, а советские танки поддерживали наступление чехословацкой пехоты. История боев в Карпатах знает и случаи, когда чехословацкие воины были приданы советским танкистам, как например, воздушно-десантная бригада действовала вместе с 4-м гвардейским танковым корпусом генерала П. П. Полубоярова, ныне маршала бронетанковых войск.

В истории чехословацкого войска в СССР было немало случаев, когда чехословацкие воины оперативно

подчинялись более крупным советским соединениям. Однако Дукля является свидетельством еще более тесного сотрудничества советских и чехословацких войск. Оперативная обстановка потребовала, и в состав ЧАК вошла целая дивизия Советской Армии! Штаб корпуса теперь руководил боевыми действиями не только чехословацких пехотных бригад и других подразделений, но и советской 359-й Ярцевской Краснознаменной ордена Ленина стрелковой дивизией, костяком которой были уральцы. Силы чехословацкого корпуса возмужали многократно хотя бы потому, что в те дни в боевых документах писалось: «359-я стрелковая дивизия 1-го Чехословацкого армейского корпуса». Не из нескольких бригад, а не менее как из 360 дивизий состояла теперь сила чехословацкого войска!

Командир корпуса бригадный генерал Людвик Свобода (ныне генерал армии), начальник штаба корпуса майор Богумир Ломский (ныне генерал армии, министр национальной обороны ЧССР) рассматривали факт подчинения корпусу советской стрелковой дивизии как свидетельство огромного доверия чехословацким командирам со стороны командования 38-й армии и штаба фронта.

359-я стрелковая дивизия вошла в состав ЧАК 28 сентября 1944 года и на протяжении нескольких дней была составной частью чехословацкого войска в выполнении боевых приказов. Советские и чехословацкие воины совместно сражались в районе Зындранова — Вышний Комарник. Особенно ожесточенные бои развернулись за гору Кичера и другие опорные пункты врага. Бойцы ЧАК и 359-й дивизии бок о бок сражались, пробиваясь к границе Чехословацкой Республики.

21 октября 1944 года части ЧАК, в том числе и 359-я сд, заняли новый участок для наступления на Крайна Порубка, Крайна Быстра, Нижний Комарник. В совместных боях советские и чехословацкие воины продвинулись вперед и вышли на государственную границу Чехословакии.

6 октября 1944 года чехословацкий корпус вступил на территорию Чехословакии. Прямое содействие в этом ему оказали уральцы из 359-й стрелковой дивизии полковника П. П. Косолапова. Славно сражались бойцы 1198-го стрелкового полка подполковника Д. И. Загребина, 1194-го полка Героя Советского Союза подполковника

Г. К. Мадояна, овладевшие подступами к чехословацкой границе и обеспечившие выход частей ЧАК на родную землю.

Ежегодно 6 октября отмечается как день чехословацкой Народной армии, и этот праздник помогли установить бойцы-уральцы 359-й стрелковой дивизии!

359-я дивизия вскоре вышла из состава ЧАК, но до 15 ноября 1944 года уральцы и чехословацкие воины сражались плечом к плечу уже на территории Чехословакии. 359-я дивизия отличилась в боях за Крайну Быстру и другие населенные пункты. Две недели полки дивизии вели упорнейшие бои за господствующие высоты и к 25 октября овладели населенным пунктом Нижня Писана, г. Явира, г. Грабов.

Особенно ожесточенные бои части дивизии вели совместно с чехословацкими воинами за гору Явира, которая господствовала над окружающей местностью, имела крутые скаты и подготовленную противником мощную оборону. Явира надежно прикрывала шоссе, идущее на юго-запад, поэтому борьба за нее шла днем и ночью.

Чехословацкие бойцы и офицеры восхищались героизмом и самоотверженностью советских солдат, но не знали имен конкретных героев тех памятных боев. Видимо, историки еще не раз будут обращаться к документам о боевом содружестве советских и чехословацких войск в боях на Дукле и назовут конкретные имена отличившихся воинов.

Среди чехословацких героев боев на Дукле прежде всего следует назвать Героя Советского Союза Антонина Сохора. Это был храбрейший и скромнейший офицер, который находился всегда впереди своих автоматчиков и личным примером увлекал их в бой. Взвод автоматчиков Сохора впервые отличился еще в бою в Соколово, за что командир был награжден орденом Красного Знамени. В Соколово Сохор был ранен, но не покинул поля боя. Благодарные харьковчане в честь боевых подвигов Сохора в обороне Харькова присвоили его имя одной из улиц своего города.

Рота автоматчиков, которой командовал Антонин Сохор, в боях за освобождение Киева вновь отличилась в борьбе с врагом. Действуя вместе с чехословацким танковым батальоном, в составе которого был не только танк «Лидице», но также изготовленные на Урале танки

«Соколово», «Капитан Ярош», названный в честь Героя Советского Союза Отакара Яроша, погибшего в Соколово. Автоматчики Сохора были первыми среди тех, кто выбивал врага с территории Киевского завода «Большевик», кто захватил вокзал и вышел к Днепру. Антонин Сохор был удостоен звания Героя Советского Союза и получил награды в Кремле из рук М. И. Калинина.

Во многих боях участвовали автоматчики Антонина Сохора. Но с еще большей энергией сражались они на Дуклинском перевале. И везде Сохор был образцом мужества и отваги. При штурме одной из высот вражеская граната разорвалась неподалеку от командира батальона автоматчиков. Двести одиннадцать мелких осколков извлекли хирурги из тела Сохора, но несмотря на это, он вскоре снова встал в строй.

Исключительное мужество проявил кавалер одиннадцати орденов СССР и Чехословакии автоматчик Димитр Хегедюш, отличившийся в боях за Киев, Белую Церковь. В начале 1944 года он был ранен осколком в лицо, потерял глаз и десяток зубов, но добился, что бы вновь быть в строю. Генерал Людвик Свобода разрешил Хегедюшу нести тыловую службу, но храбрец все же пришел в свой родной взвод. На пятый день боев на Дукле он был ранен, но вновь вернулся в свою роту и неустанно ходил в разведку. В боях был еще несколько раз ранен. Таких, как Димитр Хегедюш, было много.

Тяжело было терять боевых друзей. За несколько метров от родной земли в танке сгорел поручик Рудольф Ясиок, мужественный и храбрый танкист. Коммунист Ясиок был любимцем бойцов, и его гибель была ощутимой утратой в танковой бригаде.

На Дукле погиб и Венделин Опатрный. Коммунист Опатрный в 1936 году прибыл в Испанию, чтобы сражаться с фашистами. Несколько орденов испанского республиканского правительства свидетельствовали о подвигах комиссара одного из подразделений интернациональной бригады Венделина Опатрного. Вернувшись из Испании на родину, Опатрный вскоре вынужден был эмигрировать в Польшу, а затем в Советский Союз. Накануне Отечественной войны Венделин Опатрный вместе со своим боевым другом по испанским событиям Игнацем Шпиглом жил на Урале и трудился на Челябинском тракторном заводе. В начале 1942 года они добровольно

вступили в чехословацкую воинскую часть и прибыли в Бузулук. Оpatrный стал членом бюро партийной организации КПЧ в батальоне. Тяжело пережив гибель в Соколово Игнаца Шпигла, командир подразделения пулеметчиков, мстя за друга, прошел боевой путь от Соколово до границ родной земли. И здесь погиб в ожесточенном бою...

Можно назвать еще сотни имен славных героев боев против фашизма. Они не жалели сил и своей жизни в борьбе за разгром фашистских захватчиков и освобождение Украины, Польши и Чехословакии.

Боевое содружество советских и чехословацких воинов имело многообразные формы. Прежде всего можно сказать о сотрудничестве политотдела 359-й стрелковой дивизии с работниками отдела просвещения ЧАК. Советскими и чехословацкими политработниками совместно был проведен 29 сентября 1944 года митинг дружбы славянских народов, на котором присутствовали русские, украинцы, белоруссы, поляки, чехи, словаки. На митинге выступили начальник политотдела дивизии подполковник А. М. Кузьмин и начальник отдела просвещения ЧАК штаб-капитан Ярослав Прохазка, ныне генерал армии запаса и ректор Карлова университета в Праге. После митинга состоялся концерт солдатской художественной самодеятельности, в котором приняли участие братья по оружию.

12 октября работник политотдела дивизии капитан Лерман совместно с Ярославом Прохазкой проводили беседу с жителями освобожденного чехословацкого населенного пункта Крайна Порубка. В частях дивизии читались лекции и доклады о борьбе чехословацкого народа за свободу и независимость.

Взаимодействие 359-й стрелковой дивизии и чехословацкого армейского корпуса — одна из славных страниц боевого содружества воинов наших армий. На примере конкретного участия уральцев в боях за освобождение Чехословакии можно видеть осуществление советским народом освободительной миссии и интернационального долга перед трудящимися других стран. Отмечая в 1965 году 20-летие освобождения своей родины, чехословацкий народ с благодарностью вспоминал о вкладе уральцев в вызволение Советской Армией Чехословакии. Наша страна в результате диктата западных держав, их

мюнхенского сговора с Гитлером и предательской политики своего буржуазного правительства, явилась одной из самых первых жертв фашистской агрессии. Чехословакия была самой последней европейской страной, освобожденной от гитлеровской оккупации. Героическое восстание словацкого народа осенью 1944 года, пражское восстание в мае 1945 года — важные вехи в национально-освободительной борьбе чехословацкого народа, боровшегося за свободу и независимость.

Боевые действия чехословацкого войска в СССР плечом к плечу с Советской Армией также являются вкладом чехословацкого народа в борьбу с ненавистным фашизмом. Как во время войны, так и в мирные дни народы СССР и Чехословакии идут плечом к плечу в борьбе за мир и построение социалистического и коммунистического общества. Свято храня боевые традиции, чехословацкая Народная армия вместе с братскими армиями стран — участниц Варшавского договора стоит на страже социалистических завоеваний народов социалистического содружества. Боевое содружество братских армий находится на новом уровне. Армии социалистических стран готовы отразить любую авантюру агрессоров.

Яков Мелентьевич Силин родился в 1904 году в деревне Киприно Невьянского района Свердловской области. Член КПСС с 1929 года. С пятнадцати лет начал батрачить, затем работал на лесозаготовках. В 1926 году призван в ряды Красной Армии и до 1929 года нес службу по охране Кремля. На его долю выпала честь стоять часовым на посту № 1 у Мавзолея В. И. Ленина, быть в почетном карауле XV съезда партии, охранять здания Коминтерна, ВЦИК'а и Совнаркома.

С 1930 года Я. М. Силин на партийной работе: секретарь парткома железнодорожников в Нижнем Тагиле, Бисере, Верхотурье, а перед началом войны — инструктор политотдела Пермской железной дороги, заместитель начальника службы пути по кадрам.

Службу в 359-й стрелковой дивизии проходил с сентября 1941 по август 1944 года в должности военкома медсанбата, инструктора политотдела дивизии. После демобилизации — на партийной и хозяйственной работе в Пермской области. В 1962 году с должности начальника отдела кадров Пермского авторемонтного завода вышел на персональную пенсию и проживает в Перми.

Капитан запаса Я. М. Силин награжден пятью медалями, в том числе двумя — за отличия в труде.

Я. М. Силин

Шел третий месяц упорных и жестоких оборонительных боев советских войск с гитлеровскими полчищами. Суровое дыхание войны все сильнее чувствовалось и у нас в тылу. С болью в сердце слушали мы все более тревожные сводки Совинформбюро.

В ту тревожную пору я работал в управлении Пермской железной дороги помощником начальника службы пути по кадрам. Все мы жили и трудились с думами о судьбах Родины, делали все необходимое, чтобы помочь фронту. Большая армия нас, железнодорожников, ценой невероятных усилий старалась максимально увеличить перевозки. Закончив рабочий день, люди еще долго не возвращались домой. На станции Пермь I ежедневно разгружали по несколько составов с демонтированным оборудованием фабрик и заводов, эвакуированных с Украины, Белоруссии и других западных районов страны. Ко всему этому еще овладевали военным делом. В свое время я прошел кадровую службу в армии, и мне поручили командовать взводом в созданной системе всевозбуча.

Трудно, ох, как трудно было: недоедали, недосыпали люди, но не унывали, не падали духом. Верили, что придет время нашей победы над врагом.

Работники управления дороги выезжали на станции, разъезды. Там занимались организацией социалистического соревнования, налаживали обучение военному делу, вели разъяснительную работу среди населения.

...И вот настал черед и мне одеть военную форму, взять в руки оружие. Как-то в сентябре пригласил меня секретарь партийного бюро Кириченко. Спросил о работе, о семье, завел разговор о положении на фронтах. Только не пойму, к какому берегу он клонит свою беседу, и спрашиваю:

— Что же от меня, члена партии, еще требуется?

— Армия наша в пополнении своих рядов нуждается, — отвечает он мне. — У нас на транспорте народ поч-

ти весь забронирован, нужен здесь. Вам, как работнику по кадрам, надо побеседовать с сослуживцами, выявить добровольцев, желающих пойти на фронт. Важно, чтобы нашлись партийцы, люди, имеющие какой-либо военный опыт.

Тут я говорю ему:

— А я уже знаю одного добровольца.

Он нагнулся ко мне через стол, глаза поблескивают, спрашивает пытливо:

— Кто такой, как фамилия?

— Так это я самый и есть доброволец, — отвечаю.

Откинулся секретарь на спинку стула, посмотрел на меня внимательно и говорит сочувственно:

— А все ли обдумал Яков Мелентьевич? Да и жена твоя как на это посмотрит? Работает она на заводе, а у ней на руках дочка маленькая, трудно ей будет.

В точку попал он, да ведь много такого не знал, что было выношено в душе и о чем было переговорено с женой моей Анной Алексеевной. А толковали мы с ней о многом и, конечно, о долге коммуниста, когда дело идет о судьбе не только семьи твоей, но и всего советского народа, страны твоей.

Бедняцким сыном пришел я в 1926 году на срочную службу в армию. А за плечами у меня к той поре было уже семь лет пребывания в Ленинском коммунистическом союзе молодежи. И доверили мне, да таким, как я, сынам бедноты и рабочего люда, служить в Кремлевском батальоне. Учился там военному делу, нес службу часового у Спасских ворот Кремля, у Мавзолея В. И. Ленина. Стоял в почетном карауле XV съезда партии. Запомнился мне на всю жизнь прием кандидатом в члены партии. И потому еще, что на партийное собрание пришел М. И. Калинин. Пришел, сел среди таких же, как я, бойцов и запросто, по-отцовски спросил меня после того, как я рассказал свою автобиографию.

— Что вы охраняете?

Бойкий я был, не из робких. Ответил не задумываясь:

— Охраняю кипринскую бедноту.

Засмеялись, заулыбались участники собрания. Поняли глубокий смысл моих слов.

И еще сказал Михаил Иванович:

— Парень из бедноты. Достоин быть кандидатом в члены партии....

А с 1929 года, после службы в армии, бросала меня партия на разные участки работы вначале в деревню, потом в городе. На моих глазах страна набиралась сил, распрямляла плечи богатырские, осуществляла великие социалистические преобразования. Преобразилась жизнь и в Киприно, как и во всех уральских селах. Заработали тракторы, комбайны. В семьи колхозников пришел достаток. По-новому, счастливо и радостно зажило колхозное крестьянство. Это мы, дети трудового люда, став хозяевами на земле, свершили великое дело, начатое нашими отцами в Октябре 1917 года — построили первое на нашей планете социалистическое общество.

И когда фашистские орды вторглись в нашу страну, замахнулись на то, чтобы отнять у нас свободу, повергнуть в рабство, не мог я спокойно оставаться в тылу. Осторожно, бывало, заговорю с женой:

— Коммунист я, Аня, военному делу обучен. На фронт пойти мне надо. Там такие, как я, очень нужны.

А что Анна? Сама коммунистка с 1936 года, в ту пору токарь завода имени Дзержинского, она понимала меня. Одно только попросила, чтобы малышку-дочурку Зину (три года ей тогда было) вначале в детский садик пристроить. Да куда же было определить ее? Эвакуированных детей с родителями, а часто и оставшихся одних, чуть ни ежедневно привозили поезда с запада.

В кабинете секретаря партбюро я высказал свое желание идти добровольно на фронт, как дело уже решенное, бесповоротное.

Сказано — сделано. Многие в те дни, узнав, что формируются воинские части из уральцев, решили пойти добровольцами в действующую армию. В их числе было 28 коммунистов-железнодорожников из управления дороги.

19 сентября мы переступили порог военного комиссариата. На наши места пришли женщины-домохозяйки и те из мужчин, которые не годились на фронт по состоянию здоровья.

Началась военная жизнь. В звании политрука я был направлен во вновь создаваемую 359-ю стрелковую дивизию. Меня назначили инструктором политотдела, на

партийной конференции соединения избрали членом партийной комиссии дивизии.

В многообразных хлопотах и заботах проходили дни командиров и политработников. Тысячи людей нужно было принять и помыть, обмундировать и экипировать всем положенным, разместить и накормить. Вчерашние рабочие, колхозники, служащие становились стрелками, минометчиками, артиллеристами, связистами. Едва создавались воинские подразделения, как начиналось обучение ратному делу.

В то же время роты, батальоны и полки, дислоцировавшиеся в сельской местности, оказывали помощь колхозам и совхозам в уборке урожая. Воинский транспорт широко использовался на перевозке зерна на ссыпные пункты.

В короткий срок, осенью сорок первого года дивизия была создана. Личный состав получил добротное новое обмундирование, теплую обувь, преимущественно валенки, надежную технику и вооружение. Это еще выше поднимало моральный дух воинов.

...В конце октября дивизией был получен приказ передислоцироваться в город Рыбинск. Думалось, что долгие недели уйдут на погрузку и перевозку частей дивизии. А прошли считанные дни и дивизия сосредоточилась в Рыбинске, а в начале декабря уже выступила на фронт.

В связи с пребыванием в Рыбинске вспоминается один эпизод. Как только части дивизии стали прибывать в город, немцы предприняли нападение с воздуха. Наша авиация как-то принудила приземлиться вражеский самолет, а его экипаж был взят в плен. Из показаний пленного летчика выяснилось, что немецкое командование ставило своей целью воздушными налетами деморализовать прибывшее пополнение. Но враг просчитался. Части противовоздушной обороны успешно отражали вражеские атаки с воздуха, метким огнем сбивали и подбивали самолеты противника. И росла у наших воинов уверенность, что враг и на земле и в воздухе встречает все растущее сопротивление.

Пленные также сообщили, что воздушными налетами гитлеровское командование пыталось разрушить Рыбинскую плотину на Волге и вывести из строя гидроэлектростанцию. Советское командование перехитрило врага. Зима в тот год наступила ранняя, мороз сковал реку

льдом. И вот, в стороне от действующей плотины была сооружена ложная. Враг и обрушивал на нее бомбовые удары. По ночам «разрушения» снежной громады восстанавливались, и авиация противника вновь принималась за бомбежку «плотины». А Рыбинская ГЭС работала бесперебойно.

...Дивизия прибыла в прифронтовую полосу в дни, когда враг был остановлен на многих фронтах. Предпринятая немецко-фашистскими войсками во второй половине ноября отчаянная попытка овладеть Москвой провалилась. Вражеские войска переходили к обороне, топтались на месте, получали сокрушительные удары, когда пытались наступать. С прибытием резервов на решающем фронте — под Москвой — положение изменилось в нашу пользу. Чувствовалось, что наступает время для перехода советских войск в контрнаступление.

В эту пору и вступила в дело наша дивизия. Боевое крещение мы приняли в боях за полное освобождение города Калинина. Прежде чем вступить в бой, дивизия совершила пятидесятикилометровый марш. Ее задачей было: овладеть правобережной частью города, в которой находился поселок Элеватор.

Гитлеровские головорезы под натиском советских войск отступали, предавая все огню и разрушению. В городе Калинине действовали их команды подрывников, которые взрывали предприятия, здания, железнодорожные пути.

Мы вошли в город, охваченный пожарами, повергнутый врагом в развалины. Горел и хлебный элеватор. Наши воины вступили в борьбу с огненной стихией. Элеватор к тому же оказался заминированным. Смелычаки-саперы предотвратили взрыв, общими усилиями был побежден огонь, спасено огромное количество хлеба, в котором остро нуждалась страна.

После полного освобождения Калинина дивизия повела наступление на Ржевском направлении. Мы с боями продвигались вперед по родной земле, где все говорило о злом, тупом, зверином нутре хищного врага.

Не могу без содрогания вспомнить преступление, совершенное немцами-изуверами в селе Пушкино. В нем была психоневрологическая больница, в которой находилось около трехсот больных. Из рассказов местных жителей мы узнали, что гитлеровцы уничтожили в боль-

нице до ста пятидесяти человек, а остальных перед приходом частей нашей дивизии выгнали на улицу разутыми, раздетыми. Зима 1942 года была лютая, морозы доходили до 40—45 градусов. Многие из больных погибли от голода и холода. Советским воинам при участии местного населения удалось найти и подобрать несколько десятков оставшихся в живых. Все они были эвакуированы в тыл.

Вокруг Ржева враг возвел мощные оборонительные сооружения, которые с ходу наши части, понесшие потери в людской силе и боевой технике, не смогли взять. Дивизия под Ржевом заняла оборону вдоль левого берега Волги.

В этот период, зимой 1942 года, главная группировка противника по-прежнему была нацелена на Москву. Но немецко-фашистским войскам на московском направлении больше не удалось ни повторить «блицкрига», ни прорвать обороны наших войск. Части дивизии под Ржевом, непрестанно навязывали противнику бои, вгрызались в его оборону, огнем артиллерии и минометов наносили урон его живой силе и технике, разрушали сеть фортификационных сооружений. Наши снайперы метким огнем поражали вражеских солдат и офицеров.

В феврале 1942 года вновь развернулось наступление. Волга была форсирована и на ее правом берегу наши части выбили немцев из деревень Кулики, Соломино, Гусево, захватили плацдарм, продвинувшись вглубь на 3—4 километра. В обеспечении успеха наших боевых действий немалую роль сыграла авиация, которая наносила ощутимые удары по врагу с воздуха.

Осенью того же года дивизия с боями заняла правобережную часть Ржева. В марте 1943 года объединенными усилиями частей вражеская линия обороны здесь была прорвана и город Ржев взят штурмом.

Немецкая грабь-армия отходила на запад. На нашем участке вражеские части откатились до районного центра Духовщина. Таким образом, мы продвинулись по направлению к Смоленску еще на 80—90 километров. Советские войска, в их числе и 359-я дивизия, снова временно перешли к обороне.

За 25 лет в памяти выветрились, стерлись многие эпизоды боев, фамилии и имена героев. Сколько можно было бы рассказать, например, о стойкости и отваге тех

солдат и офицеров, которые как на пороховой бочке долгие дни и ночи находились лицом к лицу с гитлеровцами в кирпичном сарае на окраине Ржева! Одну половину этого сарая с ходу захватили наши храбрецы, другая осталась у врага, пока он не был изгнан из города. Сколько тут было проявлено нашими воинами примеров мужества, воинской сметки, дерзких и смелых ночных вылазок, внезапных ударов, доходивших до рукопашной... В памяти сохранилось только то, что были эти воины одного из батальонов 1198-го стрелкового полка, которым командовал майор Василий Иванович Кацурин — сам отчаянный храбрец, по национальности цыган.

Перебирая в памяти суровые картины сражений за Ржев, я зримо, осязаемо вижу перед собой советского человека в шинели, готового на ратный подвиг и на смерть во имя великих целей. И мне, политработнику, особенно хочется вспомнить добрым словом воина-коммуниста.

Велики заслуги коммунистической партии в организации общего дела по разгрому врага. Велики заслуги перед Родиной коммунистов-фронтовиков. Нашим неписаным правилом было всегда и всюду:

— Служи примером солдату.

Коммунист свято соблюдал воинскую дисциплину, в бою находился там, где было трудно, первым поднимался в атаку, стоял насмерть, а если и погибал во имя Родины, то оставался в памяти других примером храбрости и верности нашему великому делу.

Немало моих однополчан-коммунистов отдали свои жизни на полях сражения с врагом. В боях за расширение плацдарма под Ржевом героически погиб секретарь дивизионной парткомиссии Ширинкин из Верхних Муллов.

Я в ту пору временно исполнял обязанности комиссара 1196-го полка. Вместе со мной пришел Ширинкин в расположение нашей части. Было это зимой 1942 года после совещания у комиссара дивизии Корнякова. Разговор там шел о политическом обеспечении предстоящей ночной атаки под Ржевом.

— Место коммунистов — в цепи атакующих, — напутствовал нас комиссар, — долг коммуниста — служить примером в бою.

Так коммунисты и действовали. Направились мы с

Ширинкиным на позиции третьего батальона. Этому батальону предстояло выполнять трудную задачу: атаковать с правого фланга высоту возле деревни Лебзино, господствующую над местностью. Ширинкин пошел в девятую роту, а я — в восьмую.

Тяжелый это был бой. Фашисты, откатываясь под нашими ударами от одной траншеи к другой, вели огонь из глубины своей обороны из орудий и минометов; с флангов и в стыки между нашими подразделениями — из пулеметов. Наш натиск временами ослабевал, цепи наступающих залегали на снегу.

— Коммунисты, вперед! В атаку, ура! — раздавались в ночи возгласы, и вновь вскакивали пехотинцы, устремлялись вперед.

Продвинулись мы в эту ночь на 400—500 метров. Овладели четырьмя рядами траншей. Подбили три немецких танка, которые контратаковали нас.

Малая победа, но наша победа! Отполз, откатился враг...

В эту ночь и погиб Ширинкин. Он все время находился в цепи атакующих, все время был впереди. Воины видели перед собой живой пример бесстрашия, мужества и смело шли на приступ вражеских позиций...

Хочется сказать несколько слов, связанных с работой медико-санитарного батальона, комиссаром которого некоторое время был я. (Командовал им и ныне здравствующий в Перми Константин Федорович Рыбков). Нашей общей заботой было, как можно скорее возвращать в строй легко раненных солдат, сержантов и офицеров, быстро оказывать медицинскую помощь всем нуждающимся в ней. С этой целью медсанбат размещался в двух эшелонах: первый — в двух — трех километрах от переднего края обороны, второй — в 7—8 километрах. Приближение части средств и сил батальона к переднему краю позволяло быстро выносить и вывозить раненых с поля боя, своевременно оказывать им медицинскую помощь. После первичной хирургической обработки легко раненные направлялись в стационар медсанбата и находились здесь до излечения и возвращения в строй. Тяжелораненные направлялись в госпитали.

Медперсонал трудился с большим напряжением, особенно во время боев. Мне особенно запомнился главный хирург Дионис Петрович Подойницын, возглавлявший первый эшелон медсанбата. Много сил и умения отдал он спасению жизней наших воинов, часто работая сутками напролет.

При такой организации работы медсанбата все легкораненые после излечения обычно возвращались в свои же подразделения. Довольные приходили они в воинские коллективы, спаянные фронтовой обстановкой, сроднившиеся в походах и боях.

И последнее, о чем стоит упомянуть. Во время оборонительных боев под Ржевом зимой и летом 1942 года действовал дом отдыха на 40—45 человек. В деревне Черменины, в стороне от Волги, для обслуживающего персонала и отдыхающих использовалось 15 домов. Три — пять дней проводили воины в доме отдыха. Их хорошо кормили. В меню были различные мясные блюда, компоты из фруктов. Здесь воины набирались сил, отдыхали душой и телом. Проводили время за настольными играми, чтением газет, журналов, слушали радио. Летом можно было позагорать, покупаться в реке, поиграть в волейбол, городки. Зимой совершали лыжные прогулки, даже катались на коньках.

В дом отдыха направлялись отличившиеся в боях, больше всего снайперы, разведчики. Побывал на отдыхе и прославленный снайпер Кузьма Захаров.

Наш опыт организации и обеспечения отдыха фронтовиков командование армии распространило и в других дивизиях.

Много раз я раздумывал над истоками массового героизма, мужества и отваги земляков-уральцев. В литературе о военных годах нередко пишется об особенностях характера уральцев, сибиряков. Верно это отчасти: крепкой закваски люди с Урала и Сибири, закаленные морозами, суровыми природными условиями, в которых они живут и трудятся. Но что бы стоили эти качества уральцев, если бы ими не руководило сознание священной правоты своего дела, если бы каждый из нас не по-

нимал, что в этой войне решались судьбы нашей Родины, судьбы народов Советского Союза?

Шагая с полной боевой выкладкой по опаленной земле, коченея от холода в окопе у пулеметов или орудий, готовясь к атаке, убивая врага, советский воин не раз спрашивал себя: «Во имя чего я воюю, переношу тяготы и лишения фронтовой жизни?» И отвечал самому себе: «Для того, чтобы не угасло солнце свободы, чтобы не вернулась обратно власть капиталистов и помещиков, чтобы не оборвалась счастливая и радостная жизнь, обретенная при социализме».

В эти минуты раздумий виделись воинам свои родные русские березки, поля и луга, деревни и города. Виделись в пору цветения, в пору обновления и роста. За этим виделось все то светлое и радостное, чем ярко озарил нашу землю Великий Октябрь, чем щедро одарила наш народ Советская власть, все то прекрасное и счастливое, которое открывалось перед нами в прекрасном будущем. За все это и воевал советский солдат, воин-освободитель, воин-победитель.

Литературная запись П. Налепова.

Николай Михайлович Шиврин родился в 1904 году в городе Перми. Член КПСС с 1929 года. Рано лишившись родителей, жил в чужих людях, батрачил. В 1926 году призван в армию, а после увольнения в запас работал на заводе имени Ленина. С 1932 по 1934 год учился в Ленинградском институте журналистики. В течение нескольких лет работал в районной газете в Пермской области.

Службу в составе 359-й стрелковой дивизии проходил с сентября 1941 года по декабрь 1943 года вначале в 924-м артполку, а затем в 1196-м стрелковом полку, в редакции дивизионной газеты «Боевая красноармейская». После тяжелой контузии был признан ограниченно годным к несению воинской службы и находился в тыловых частях. В августе 1945 года демобилизовался и работал пропагандистом в Мотовилихинском райкоме партии, редактором Еловской и Пермско-Сергинской районных газет.

Старший лейтенант Н. М. Шиврин награжден медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» и «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

В настоящее время — персональный пенсионер,

И первый бой в Калининe за поселок Элеватор, и первые освобожденные села, и радость и горе вызволенных из фашистского плена советских людей, и гибель боевых товарищей... И встречи с только что возвратившимися из самого пекла бойцами... Все то осталось в памяти навсегда, на всю жизнь. Такое — не забывается.

ПЕРВОЕ БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Вот и Рыбинск. Стрелковые полки 359-й дивизии расквартировались в городе. Наш 924-й артиллерийский полк разместился в Рабочем поселке катерного завода.

Здесь мы получили новое вооружение — 76-миллиметровые пушки и боеприпасы. Снова боевая подготовка. Но времени на учебу отведено мало, считанные дни.

Через несколько дней снова погрузились в эшелоны. Дивизия двинулась к фронтовой полосе. На рассвете разгрузились на небольшой станции Кулицкой. Здесь дивизия вошла в состав 31-й армии Калининского фронта.

После разгрузки орудий и конского состава походными колоннами двинулись к переднему краю. На горизонте уже видны отблески орудийных выстрелов. Слышна пулеметная и автоматная стрельба. Дивизия заняла оборону во втором эшелоне между населенными пунктами Романово и Пушкино, в 12 километрах от города Калинина.

Трое суток дивизия стояла в обороне и готовилась к предстоящим боям.

На рассвете 15 декабря 1941 года наша дивизия в районе Элеватора вступила в бой. Артиллеристы массированным огнем уничтожали укрепленные позиции противника. Минометчики непрерывно обстреливали огневые точки врага. Кинжальный огонь по фашистам вели и пулеметчики.

Бой принимал исключительно ожесточенный характер. Враг шел на все, чтобы удержать за собой город.

Под прикрытием огня артиллерии и минометов стрел-

ковые полки перешли в атаку. Вскоре завязалась рукопашная схватка. Сражение шло за каждый дом, за каждую улицу. Во второй половине дня 17 декабря пригородный район был освобожден от немецких оккупантов. В этот же день в ожесточенной схватке советские войска очистили от врага город Калинин.

Отступая из Калинина, гитлеровцы поджигали дома, взрывали мостовые. Мост через Волгу фашисты тоже взорвали.

В районе Элеватора мы впервые увидели страшное зрелище: на улицах были виселицы с посиневшими трупами советских людей, на тротуарах и во дворах — расстрелянные женщины и дети.

Так мы познакомились с гитлеровским «новым порядком», с их чудовищным замыслом превратить советскую землю в «зону пустыни».

Кровь стыла в жилах от страшного зрелища, к мести звали подлые злодеяния фашистов. С чувством исполненного долга читали наши бойцы и командиры переходившую из рук в руки листовку со сводкой Советского Информбюро за 18 декабря. В ней сообщалось: «В боях за Калинин советские войска разгромили немецкую 86-ю пехотную дивизию генерала Видгоф, 110-ю пехотную дивизию генерала Зехерт, 129-ю пехотную дивизию генерала Риттоу, 161-ю пехотную дивизию генерала Вилк, 162-ю пехотную дивизию генерала Франке, 251-ю пехотную дивизию генерала Бурда.

Ведя ожесточенные бои с противником, наши войска продолжали продвигаться вперед и заняли ряд населенных пунктов».

...Заняли ряд населенных пунктов... В боях за них была пролита кровь и наших бойцов, командиров и политработников. Погиб инструктор политотдела дивизии старший политрук Павел Александрович Пьянков, бывший заведующий оргинструкторским отделом Пермско-Сергинского райкома партии. После боев за село Ипатово и совхоз «Искра» появились первые братские могилы павших смертью храбрых воинов 359-й стрелковой дивизии.

Иванцево, Чухино, Фролово, Васильевка, Ново-Александровск, Брюханово, Степанцево, Подол, Пачурино... Память хранит названия этих сел и деревень, лежащих

на пути к старинному русскому городку Старица. От них остались дымящиеся пепелища и руины.

Не забудутся эти села и деревни, а особенно Брюханово и Чухино.

Перед бегством из Брюханово фашисты загнали в сарай более полутора ста мирных жителей — женщин, стариков, детей. Три дня без пищи томились они в ожидании смерти. Но гитлеровцы не успели учинить кровавую расправу. Внезапным ударом подразделения 1194-го стрелкового полка, поддержанные артиллеристами, выбили фашистов из деревни и спасли обреченных на смерть людей. Голодные и полураздетые, выходили они из сарая и, увидев своих освободителей, плакали от радости.

Воины тут же развязывали свои вещевые мешки и, извлекая их содержимое, давали детям кто сухари и сахар, кто колбасу или консервы. Стариков угощали махоркой. Всем была немедленно оказана медицинская помощь. Радовались они вновь обретенной свободе безмерно. Помнится, кто-то из жителей деревни сказал:

— Вы, дорогие сынки, принесли нам оттепель после страшной зимы.

Да, действительно, в этот декабрьский студеной день и впрямь на двор заглянула весна, весна освобождения из-под ненавистного фашистского ига...

А село Чухино запомнилось мне разыгравшимся здесь кровавым боем.

Рядом с нашей армией, на левом ее фланге, вела упорные бои 29-я армия. Стрелковая дивизия этой армии, бывшая с нами по соседству, глубоко вклинилась в тыл противника, где была окружена гитлеровскими войсками. Дивизия героически сражалась, чтобы выйти из окружения.

Перед нашей дивизией поставлена боевая задача — выручить из беды левофлангового соседа. С этой целью был предпринят ряд мер. В подразделения направились политработники во главе с начальником политотдела батальонным комиссаром Сидоренко, его заместителем старшим политруком Одаренко и инспектором политотдела 31-й армии Костроминим.

Штурмовые группы ворвались в село Чухино — крупный и сильно укрепленный узел противника. Завязался неравный бой. Боеприпасы иссякли. Связь прервалась. Многие погибли смертью храбрых. Гитлеровцы окружи-

ли остатки одной штурмовой группы и прижали ее к сараю. Схватив израненных людей, они зверски их избили, затем загнали в сарай и заживо сожгли.

Мы никогда не забудем эту изуверскую расправу фашистов над нашими боевыми товарищами.

Полки наши сражались отчаянно, стараясь вывести из окружения соседнюю дивизию 29-й армии. Много воинов погибло в бою за село Чухино. Пали смертью храбрых командир 1194-го стрелкового полка Хаустович, командиры Кунгуров, Абросимов, Баранов, политработники Мартынов, Псморцев, Алтынцев и многие другие. Немало полегло в том бою пехотинцев и артиллеристов, связистов и минометчиков.

Страшны рассказы крестьян села Чухино о пережитых ими черных днях фашистского ига. Страшны не только зверства, но и омерзителен сам облик гитлеровца. Понаслышались мы рассказов всяких о них...

— Простите, — говорит молодая колхозница, — при мне, при женщине, в избе фашисты опраивались. Видите ли, холодно на улице, и потому не выходят на двор. Меня убирать заставляли. Ох и тошно было...

— У меня в хате, — рассказывал один дед, — фашист жрет за столом кашу из котелка, а другой снял белье, сел голый рядом с ним, вшей ловит и бьет на столе. Глядеть противно на них.

— Ну и паразиты они, — промолвила женщина. — Свое грязное белье проклятый пес в ведро положил. Я ему говорю «ведро чистое», а он смеется и заставляет меня стирать. Опоганили они нас.

— Все украли, грабители, — сказала старушка. — Домашние вещи, детские игрушки — все забрали. Даже трубу самоварную и ту унесли. И еще требуют: «Отдай то, другое». Говорю: «Нет у меня ничего». «Не даешь?» — спрашивают и ружье приставляют.

Жители села рассказывали нам, что парней и девушек, которые не успели попрятаться, гитлеровцы угнали в Германию. А тех женщин и стариков, кто хоть чем-то выказал недовольство «новым порядком», гитлеровцы замучили и расстреляли.

Своими глазами видели мы кошмарные следы хозяйничанья фашистов. Освободив от врага село Желудово, мы были очевидцами страшного зрелища. На улице лежали трупы истерзанных маленьких детей, много малю-

ток было заживо заморожено голенькими. По этим детским трупикам озверелые бандиты ездили, топтали их погаными сапожищами. Это было ужасное и чудовищное зрелище.

На другой день после освобождения Желудово по селу вели группу пленных гитлеровцев. Пожилая женщина, стоявшая у колодца, признала в этой банде фашиста, который зверствовал в колхозных домах. Оставив ведра, она побежала к пленным и замахнулась кормыслом на высокого бандита, на голове которого была шаль, а на ногах намотаны тряпки. Похож он был на чучело.

— Это он, он изнасиловал мою дочь на моих глазах и застрелил ее, — навзрыд кричала женщина. — Это он схватил из люльки грудного ребенка за ножки и размозжил ему головку о косяк. Растерзать его надо, проклятого зверя!

Бойцы, конвоировавшие пленных, еле удержали измученную горем женщину. Один из них сказал ей:

— Успокойся, мамаша, зверье сполна получит.

Не успокоили женщину эти слова. Она продолжала идти сзади колонны пленных, посылая им проклятия.

После того, что мы видели в освобожденных деревнях и селах, слышали из уст испытанных ужасы людей, сердца бойцов переполнялись лютой ненавистью к врагу. Со словами «Смерть немецким оккупантам!» они шли вперед и мстили фашистам за слезы и горе русских людей.

И несли не только освобождение, но и слова правды. Ведь, чтобы сломить дух советских людей, гитлеровская пропаганда из кожи лезла вон, распространяя ложь, всякого рода небылицы. Помнится, на всем пути дивизии от Калинина до Старицы во всех населенных пунктах люди нас спрашивали:

— А правду немцы говорят, что Москва пала, что наш Генеральный штаб взят в плен и увезен в Берлин?

— Правда ли, что фашисты разбомбили весь Урал?

Тут невольно каждый рядовой солдат становился агитатором и рассказывал, что в Москве 7 ноября на Красной площади состоялся традиционный парад войск Красной Армии, что парад этот принимал В. И. Сталин, что идет великая битва с фашистами и советские войска

гонят их от стен столицы. А насчет Урала бойцы так говорили:

Ветераны 359-й Ярцевской Краснознаменной ордена Ленина стрелковой дивизии (Пермь, январь 1966 года).

— Брехня все это, что Урал фашисты разбомбили. Вот мы — уральцы. Совсем недавно прибыли сюда.

ЗАРЯД БОДРОСТИ

В конце декабря 1941 года наш артиллерийский полк (тогда я служил в нем) расположился в только что освобожденной деревне Ново-Александровка. Штаб разместился в чудом уцелевшем от пожара домике. Дело было ночью. Окна замаскированы плащ-палатками. Керосиновая лампа, подаренная механизаторами Путинской МТС перед нашим выездом на фронт, подвешанная под самым потолком, освещала комнату.

За большим, под цвет дуба, квадратным столом, на старом венском стуле сидит преклонных лет немножко грузноватый и широкоплечий командир полка Краснобородков. На его гимнастерке рубином отсвечивает орден Красного Знамени — награда за отличия в боях еще в

годы гражданской войны на Дальнем Востоке, когда он был командиром батареи. Награду в Кремле вручал ему сам Михаил Иванович Калинин.

Здесь же комиссар полка Матвеев, начальник штаба Смирнов, командиры и комиссары дивизионов, командиры батарей. Все они пришли в штаб, чтобы ознакомиться с приказом командира дивизии на предстоящий бой. Когда с оперативными делами было покончено, парторг полка политрук Семен Захаров, достав из полевой сумки номер газеты «Красная Звезда» за 27 декабря, обратился к офицерам:

— А вы читали, что о нас пишет газета?

Разом все зашумели, просили прочесть, что говорится об артиллеристах в «Звездочке». И Захаров начал читать:

«Калининский фронт. 26 декабря. Части Калининского фронта продолжают продвигаться вперед, отвоевывая у врага рубеж за рубежом.

Одно из подразделений части, где комиссаром тов. Матвеев, вело огонь по деревне. В результате меткой стрельбы уничтожен один пулемет и до взвода немцев. Этот огонь весьма умело корректировал лейтенант Вотинов. Он занял удобный наблюдательный пункт, откуда быстро подготавливал данные для стрельбы».

Комментируя газетную информацию, парторг продолжал:

— Командир второй батареи лейтенант Вотинов служит примером мужества и стойкости для всего полка. С удовлетворением могу сказать, что коммунисты и комсомольцы, весь личный состав первого дивизиона во главе с командиром старшим лейтенантом Иваном Васильевичем Никитиным и комиссаром политруком Иваном Ивановичем Денисовым за короткое время научился сражаться с врагом. Опыт меткой стрельбы из орудий должен стать достоянием и второго дивизиона. Мы, уральцы, перед Родиной не посрамимся. Будем драться, как подобает русским пушкарям!

Поздравления лейтенанту посыпались со всех сторон, и он явно был смущен похвалой. На лице его застыла улыбка, и он словно хотел сказать: «Ну, что вы, право... Ничего же тут особенного нет».

...Маленькая газетная информация, в ней всего несколько фраз. Но какую она оказала моральную под-

держку офицерам-артиллеристам перед завтрашним боем! Из штаба они расходились в приподнятом настроении. Этот заряд бодрости понесли они в землянки к своим бойцам.

...Заряд бодрости... Фронтовики знают, что это значит, когда каждый день — кровопролитные бои, когда сегодня ты не знаешь, будешь ли жив завтра...

Так вот, зарядом бодрости для фронтовиков были и письма от родных с далекого и милого Урала.

...В канун нового 1942 года мне довелось видеть, как связной третьей батареей Толя Серков вручил батареяцам письма и открытки.

Вот на лафете орудия сидит наводчик Иван Третьяков. Лицо веселое, улыбочное. Читает письмо от родителей. Они поздравили его с наступающим Новым годом, пожелали ему бодрости, крепкого здоровья. К нему подошел заряжающий Сергей Дылдин.

— Наверно невеста пишет: «Целую горячо»? — спрашивает он у Ивана.

— Нет, папа с мамой пишут. Наказ дают нам.

— Что за наказ?

— А вот послушай, Сережа: «Дорогой сын Ваня и все твои друзья по оружию! Смелее уничтожайте фашистов, гоните их с нашей русской священной земли и возвращайтесь домой с победой!»

— Слушай, что дальше пишут: «У нас в городе Кунгуре собирают теплые вещи для воинов фронта. Мы сдали твой новый полушубок, а мама связала две пары шерстяных носков и две пары варежек, даже с указательным пальчиком, чтобы удобнее стрелять по фашистам. Вчера я был в военкомате, меня призвали в действующую, получил путевку и литер, завтра выезжаю в Пермь. Мама остается дома с ребятами. Дорогой сын Ванюша, вместе будем воевать до победного конца. Может быть и встретимся мы с тобой на фронте», — Вот и бате бы попасть в наш расчет, — добавил Иван и спросил Дылдина: — А тебе, Сережа, что пишут из дому?

— Мне Маруся пишет, что связала из козьего пуха теплый свитер, шерстяные носки и варежки. Сдала все это в Пермско-Сергинский райисполком. Поздравила с Новым годом. Ждет домой с победой.

— У тебя жена, наверно, еще молодая?

— И я не старик. Позапрошлый год только уволился с действительной, а весной женился. Жена пишет, что родился сын, говорит, «весь вылитый в тебя». Спрашивает: «Какое ему дать имя?».

В нескольких шагах от орудия на снарядном ящике сидит ящичный Леня Верхоланцев. На днях, после ожесточенного боя, он был принят в комсомол. В руках разорванный конверт с почтовым штемпелем «Верхние Муллы». Прочитав письмо от невесты, он увлекся разговорами с друзьями, но косит глаза в сторону Третьякова и Дылдина, пританцовывающих на снегу, и улыбается. Он тоже радуется за Сергея, что у того родился сын.

— Спасибо вам, друзья, за поздравление и за добрый совет! — улыбается Дылдин. — Так и напишу Марусе от вашего имени, что «военный совет третьей батарее энской части постановил: нашему новорожденному сыну присвоить имя Сергея!»

На огневой позиции оживление и смех.

— Нас интересует, что пишет тебе невеста Фая, — обратился Третьяков к Верхоланцеву.

— Прислала новогоднее поздравление и еще поздравила с вступлением в комсомол.

— Еще какие новости?

— Новостей хоть отбавляй, — продолжает Леня. — В фонд оказания помощи фронту сдала отцовские новые валенки. Он тоже на фронте. Пишет, что была в райвоенкомате, подала заявление, чтобы ее отправили в действующую армию медицинской сестрой. Заявление взяли и сказали: «Жди повестку».

— Молодец у тебя Фая. Хорошо бы было, если бы ее направили в нашу дивизию, в наш медсанбат...

Лишь одно письмо не вручил в тот день связной третьей батарее Толя Серков. Оно было адресовано наводчику Пермякову, бывшему чувовскому доменщику. На рассвете, во время артиллерийской канонады, от разрыва неприятельского снаряда было выведено из строя орудие и пал смертью храбрых коммунист Константин Михайлович Пермяков.

Воины воздали последние почести отважному артиллеристу. Похоронили Пермякова в братской могиле в освобожденной деревне Степанцево. Артиллеристы у

могилы дали клятву: мстить, мстить и еще раз мстить за погибшего в бою товарища.

Письма, письма... Как они согревали души фронтовиков! Помнится, когда мне довелось быть политруком восьмой роты 1196-го стрелкового полка (переведен туда из арtpолка в феврале 1942 года) солдаты сами, без чьей-либо подсказки, устраивали громкие читки писем, полученных от друзей и родных, а уж о посланиях с предприятий и говорить не приходится: их непременно читали коллективно и ответы тоже составлялись сообща.

Вот, например, читали бойцы вслух письмо, полученное рядовым А. М. Одинцовым. Оно было из Верхних Муллово от жены Одинцова. Она писала:

«Поздравляю с пролетарским праздником — днем Первого Мая! Желаю провести его с большими успехами в боевой жизни. Будь, дорогой, стойким и мужественным, громи немецкую свору. Будь здоров! Твоя Маруся и дети: Гена, Вова и Валерик Одинцовы».

Был у нас отважный санинструктор Ермаков. До войны он много лет работал председателем колхоза «Боевой» в Коми-Пермяцком национальном округе. Многим и многим воинам он спас жизнь, вынеся их с поля боя вместе с оружием. За проявленное бесстрашие и мужество его наградили орденом Красного Знамени. Весть о награждении дошла до колхоза. Колхозники прислали на фронт коллективное письмо, в котором писали:

«Товарищ Ермаков хорошо руководил нашим колхозом. Его труды не пропали даром. Колхоз выполнял и выполняет все задания. Наш колхоз весенний сев встретил во всеоружии. Мы уверены, что дадим и в этом 1942 году высокий урожай всех культур.

Дорогие бойцы, командиры и политработники! Гоните в шею немецких собак. Мы с вами, мы приложим все силы, чтобы фронт был обеспечен продуктами, а промышленность — сельскохозяйственным сырьем.

*Радостева, Кудымов, Ермакова,
Баталова, Тотьянина, Распопова».*

Такие воодушевляющие письма с Урала и других областей страны мы направляли в свою дивизионную

газету «Боевая красноармейская». Их читал весь личный состав дивизии. Эти письма были дороги сердцу каждого воина.

ТРУЖЕНИКИ ВОЙНЫ

Солдатами никто из нас не родился. Война, ненавистные гитлеровцы вынудили нас стать солдатами. А уж коль советский человек брался за оружие, чтоб отстоять свое Отечество, он дрался с врагом, как исстари повелось: гвоздил неприятеля без устали.

И солдаты, и офицеры были тружениками войны, настоящими героями-богатырями. Можно до бесконечности называть их имена. Приведу лишь некоторые, сохранившиеся в памяти.

На село Васильевку наступали подразделения 1198-го стрелкового полка, которым командовал майор Загребин. Более тысячи мин выпущено по огневым точкам противника.

Сержант Кожевников со своим отделением, под прикрытием минометного огня, ворвался в село. Завязалась рукопашная схватка. Минометчикам трудно стрелять, можно зацепить и своих. Тогда к минометам встали самые опытные: лейтенант Чернышев, бойцы Лобовой и Власов. Посланные ими мины ложились точно по целям, расчищая путь пехоте.

В этом бою отличился и взвод комсомольца лейтенанта Баранова. Выдвинувшись вперед, лейтенант из ручного пулемета скошил около трех десятков гитлеровцев.

Фашисты не выдержали натиска, начали отходить. Перед этим они подожгли половину села. По пылающим улицам подразделения полка вступили в Васильевку.

Враг неоднократно переходил в контратаки. Он никак не мог смириться с тем, что его мы гоним от Калинина без остановок. Во время одной из таких контратак удар врага пришелся по подразделениям 1196-го стрелкового полка, которым командовал майор Кацурин. В контратаку фашисты шли пьяными.

Подпустив поближе пьяную ватагу немцев, командир взвода лейтенант Ренев, ефрейтор Грязнов и боец Носков открыли ураганный огонь из пулеметов. С левого фланга фашистов косили пулеметчики из восьмой роты старшего лейтенанта Музычука. А ефрейтор Сыромятников встретил гитлеровцев градом мин.

Не выдержали огня фашисты. Отступили. Деревня Фролово в наших руках. Много вражеских трупов чернело на свежем снегу. Захвачены трофеи и пленные.

Нельзя не отметить геройский поступок сержанта Афанасия Деряги, прославленного воина-уральца.

Под деревней Подол лейтенант Ренев с сержантом Дерягой незаметно подползли к вражескому дзоту. Ренев бросил гранату в амбразуру и побежал к траншее противника.

— Немцы, товарищ лейтенант! — крикнул Деряга.

Лейтенант оглянулся. Группа фашистов обходила их с фланга, намереваясь захватить в плен. Помощи ждать неоткуда. Пришлось отходить. Сержант шел сзади. Он отстреливался от наседавших немцев. Несколько вражеских солдат бежали следом. Но Деряга не растерялся, бросил гранату в фашистов и продолжал прикрывать отход.

Вражеская пуля тяжело ранила сержанта, но он спас жизнь своего командира. Ренев также был ранен. Окровавленных, их подобрала наша солдаты.

В боях за Старицу смертью героя пал пулеметчик комсомолец Степкин.

Степкина ранило в голову, он оглох на левое ухо. На предложение товарищей отправиться в медпункт, заявил:

— Поле боя не покину. Буду драться до последнего дыхания.

А кровь залила все лицо пулеметчика. Бойцы перевязали ему рану. Пока видели его глаза, пока послушны были руки, он меткими очередями продолжал косить фашистскую нечисть.

Родина по достоинству оценила героев декабрьских боев на подступах к городу Старица. Перечисленные мною отважные воины были награждены орденами и медалями. Это были первые награды в дивизии после боевого крещения.

Хочется немного рассказать о командире взвода Жученко — тюменском пареньке. Он из колхозной семьи, окончил среднюю школу. В дивизию с пополнением прибыл в январе 1942 года. От рядового восьмой роты 1196-го стрелкового полка вырос до командира взвода разведчиков, ему было присвоено звание лейтенанта. Это был знаменитый разведчик в дивизии и даже в армии.

Вот что говорилось о его боевых делах в вечернем сообщении Советского Информбюро 3 июля 1942 года:

«Деятнадцать наших разведчиков под командованием лейтенанта Жученко (Калининский фронт), пробрались в тыл противника и устроили засаду в одном населенном пункте. На следующий день в этот населенный пункт пришло до 250 немцев. Несмотря на численное превосходство противника, разведчики решили вступить в бой. Первыми же выстрелами они уничтожили 17 гитлеровцев. Опомнившись от внезапного удара, немцы пошли в атаку. Им удалось окружить дом, в котором находился лейтенант Жученко с группой бойцов. Отважные разведчики гранатами и огнем из автоматов уничтожили 80 гитлеровцев, прорвали вражеское кольцо и вернулись в свою часть».

Уж коль речь зашла о разведчиках, то нельзя не назвать Килина, Чернышева, Крамаренко, Якубова, Покровского, Козина. Это были прямо-таки знатные разведчики дивизии. Они не раз проникали в глубь вражеской обороны и под носом у врага доставали «языков». Отважные разведчики порой создавали такую панику в стане врага, что он долго не мог опомниться.

Однажды разведчики седьмой роты нашего полка в составе пяти человек, во главе с младшим лейтенантом комсомольцем Даниловым, в тылу врага встретились с группой фашистов, по численности вдвое большей. Завязался бой. Три фашиста были убиты, двое сдались в плен, остальные разбежались. Разведчики забрали у живых и мертвых немцев оружие, письма, документы и вернулись в часть без потерь, приведя двух «языков».

В одну из майских ночей и я изъявил желание сходить на охоту за «языками». Нас было пятеро. Ночь выдалась пасмурной, моросил дождичек. Проползли через немецкую оборону. В кустарнике, метрах в 20—25

Ф. И. О.	18/09/42																	
	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	сумма
Захаров	✓	-	✓	✓	✓	✓	✓	-	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	6
Свищнев	✓	✓	-	-	✓	✓	✓	-	✓	✓	✓	✓	-	-	-	-	✓	8
Зорин	-	-	-	-	✓	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
Иванов	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	✓	✓	-	-	-	-	2
Кузьмов	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	✓	✓	-	2

Убито 36 чел.
ранено 31 чел.
-11-11 дождь 9

Знатный снайпер Кузьма Захаров (справа) с одним из своих учеников на огневой позиции. Внизу — боевой счет снайперов. (Снимки 1942 года. Фото Б. Игнатовича).

перед нами, блеснул свет. Открылась дверь, и из блиндажа вышли три фашиста. Дверь быстро закрылась. Трое шли по траншее навстречу нам, посматривали в сторону нашей обороны и о чем-то разговаривали.

Мы прижались к земле. Немцы нас не замечали. В то самое время, когда они приблизились, сержант Иван Козин быстро вскочил в траншею и полусшепотом скомандовал:

— Хенде хох!

Гитлеровцы сдернули автоматы с плеч, хотели было сопротивляться, но поздно. Наши автоматы, взятые на изготовку, охладили их пыл. Перепуганные гитлеровцы подняли вверх трясущиеся руки.

Забрав оружие, Козин вытолкнул их из траншеи. Быстро заткнули кляпом им рты, заставили ползти тем же следом, по которому мы шли вперед. Трех «языков» доставили в часть, среди них был унтер-офицер.

...Дивизия в обороне. Наступило временное затишье, хотя перестрелки были. В такую пору, когда мы в обороне, для снайперов наступает сезон «охоты». Среди них есть настоящие мастера своего дела.

Полторы сотни фашистов истребил снайпер Кузьма Захаров. Его грудь украсили ордена и медали. От рядового бойца вырос до лейтенанта, ему поручили командовать взводом снайперов.

Кузьма Викулович Захаров — коренной уралец. До войны он был председателем Захаровского сельского Совета Камышловского района Свердловской области. Откуда и был призван на защиту Отчизны. Стал отличным стрелком, грозой для немцев. Овладев искусством сверхметкой стрельбы, он терпеливо передавал свои знания бойцам, готовил кадры снайперов.

По всему Калининскому фронту разнеслась слава об отважном снайпере Кузьме Захарове. О его боевых делах писал Илья Эренбург. Он был в нашей дивизии, встречался и беседовал с Кузьмой Захаровым. «А как работает снайпер Захаров! — писал Эренбург. — Нужно будет, он попадет пузатому Герингу в каждый орден, в каждую пуговку».

Молва о Кузьме Захарове разнеслась и в стане противника. Немецкое командование выделило своих лучших снайперов и разведчиков, и перед ними была по-

ставлена задача: живым или мертвым достать русского снайпера Захарова. Но Кузьма Захаров был неуловим.

«По фрицу в день и не меньше» — таков был девиз снайпера. Этому девизу следовал и Александр Неклеса. Полсотни гитлеровцев уничтожил Неклеса за короткое время. Бил их за погибших на фронте братьев.

В частях выросли такие отличные снайперы, как Нестеренко, Казаков, Папка, Сошников и многие другие. Это были лучшие бойцы дивизии. Приезжали воины из других частей 30-й армии, которым Кузьма передавал свой богатый боевой опыт. Он учил их, как пользоваться оптическим прицелом, как вести стрельбу из снайперской винтовки, учил практически, как нужно маскироваться, выслеживать часами цель и поражать ее первой пулей.

В ожесточенном бою под Ржевом в сентябре 1942 года смертью героя пал знатный снайпер дивизии, коммунист, лейтенант Кузьма Викулович Захаров. Ученики Захарова продолжали его дело, уничтожали фашистов по-захаровски.

«БОЕВАЯ КРАСНОАРМЕЙСКАЯ»

Недолго пришлось мне быть политруком восьмой роты. В начале июня 1942 года политотдел назначил меня инструктором дивизионной газеты «Боевая красноармейская».

Жаль было расставаться с бойцами роты, с офицерами, особенно с ротным командиром старшим лейтенантом Михаилом Филимоновичем Музычуком. Мы с ним очень подружились. Родом он тоже с Урала, из города Карабаш Челябинской области. Товарищи по оружию пожелали мне успеха на новой работе и просили навещать их, не забывать.

Редакция в то время находилась в деревне Кольцово, в четырех километрах от Свеклино, где размещался штаб и политотдел дивизии. В Кольцово я и отправился. Разыскал редакционный блиндаж. Меня встретил небольшого роста худощавый блондин. Это и был редактор газеты, батальонный комиссар Павел Александрович Чунтомов. Он посмотрел внимательно на меня через очки и с доброй улыбкой, протянув руку, сказал:

— Будем знакомы, товарищ политрук.

— Шиврин, — добавил я.

— Знаю, Николай Михайлович, — вставил редактор. — Мне начальник политотдела Воронов уже говорил о вас. Значит, вы до войны в газете работали?

— Да, редактором районной газеты.

— Очень приятно. К тому же приобрели кой-какой боевой опыт в артиллерии и в пехоте.

— Ну, положим, опыт весьма невелик, — возразил я.

— Во всяком случае, знакомых среди артиллеристов и пехотинцев немало, а это уже хорошо, — заметил батальонный комиссар.

Тут же началось знакомство с работниками редакции и типографии. Виктор Мулев был ответственным секретарем редакции. По публикациям в газете я уже знал, что он являлся автором сатирических стихов. Живет он ныне в Свердловске. Фотокорреспондентом был Александр Мальцев. Он же был и за художника. В каждом номере газеты публиковались портреты героев боев, рисунки и карикатуры, клишированные заголовки. Все это было делом рук Александра Мальцева. Причем он мастерски вырезал штриховые рисунки и заголовки на линолеуме.

Этим искусством он ранее не владел. В боевой обстановке Мальцев проявил инициативу — делать собственные клише. Попробовал — получилось удачно. Вначале вырезал перочинным ножиком, затем сделал лезвие штихеля из иголки. Постепенно сам смастерил полный набор инструмента из стальной проволоки. Сфотографирует отличившегося в бою воина, переведет через копирку на линолеум, вырежет гравюру. Получалось хорошо.

Александр Григорьевич Мальцев до конца войны пробыл в этой редакции. Сейчас живет в Перми и работает в художественном фонде отделения Союза художников.

Познакомился я и с работниками типографии Иваном Михайловичем Овсянниковым и Борисом Георгиевичем Любимовым. Оба они набирали газету и по очереди печатали на «бостонке».

Сейчас они живут в Перми. Овсянников — на пенсии, а Любимов работает в типографии одного из заводов.

Между прочим, у Бориса Георгиевича уже имелся немалый фронтовой опыт. В 1939 году он был печатником газеты 82-й стрелковой дивизии, участвовавшей в боях с японцами на реке Халхин-Гол в Монгольской Народной Республике. Тогда еще его наградили медалью «За боевые заслуги». В минувшую войну он был награжден орденом Красной Звезды, медалями «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией» и «За победу над Японией» (закончил он войну в Манчжурии, работая в типографии одной армейской газеты).

В редакции началась для меня жизнь фронтового журналиста. С этого дня я стал постоянно навещать артиллеристов, снайперов, разведчиков, минометчиков, саперов, связистов. Не забывал третью батарею артполка и восьмую стрелковую роту. Эти подразделения были моими «подшефными».

Солдаты и офицеры любили свою дивизионку, как они любовно называли «Боевую красноармейскую». А она была в полном смысле этого слова боевой. Боевой не только по духу своему: небольшой коллектив дивизионки не раз бывал в жарких переделках, нес потери.

С приходом в редакцию я, например, узнал подробности гибели бывшего редактора газеты старшего политрука Чернякова. Это было в январе 1942 года. Шел ожесточенный бой под Старицей. Редактор отправился на огневую позицию к минометчикам, чтобы собрать материал для очередного номера. Немцы начали артиллерийский обстрел. Старший политрук был убит осколком снаряда. Работники редакции рассказали и о том, как 11 мая 1942 года в 2 часа ночи, когда они только что закончили выпуск очередного номера и легли отдыхать, начался обстрел. Оказывается, это вел огонь из орудий немецкий бронепоезд, который находился между городом Ржевом и станцией Панино. Прямым попаданием вражеского снаряда был разбит угол крестьянской избы, где находились редакция и типография. Наборщику Митрошину, который в это время разбирал шрифт по кассам, оторвало левую руку. Взрывом снаряда разнесло кассы со шрифтами, но печатная машина уцелела. Лишь через несколько дней получили новый шрифт. Редакция и типография переселились в блин-

дажи. Там было безопаснее. Выпуск дивизионки продолжался.

На страницах «Боевой красноармейской» звучал голос не только агитаторов и пропагандистов, но и самих героев боев. Писали в газету бойцы из окопов, с наблюдательных пунктов, огневых позиций батарей. Рассказывали они о своих товарищах по отделению, пулеметному, минометному и орудийному расчетам. Поэтому каждая опубликованная заметка дивизионки, написанная бесхитростным языком, дышала фронтовой жизнью. Это делало газету близкой каждому воину.

Дивизионка держала тесную связь с рядовыми воинами. В любом номере можно встретить до десятка заметок и корреспонденций, авторами которых являлись бойцы и сержанты.

Уж сами по себе описания того или иного боевого эпизода, поскольку рассказ вел непосредственный участник событий, содержали много ценного, раскрывали практический боевой опыт. Во всех случаях коллектив дивизионки придерживался такого принципа: публиковать в газете не только краткие сообщения об отважных, мужественных героях боев, но и показывать их мастерство в использовании оружия.

Однако дивизионка не ограничивалась только такими описаниями боевых эпизодов, используя письма или рассказы воинов, приходивших в редакцию (а их ежедневно бывало до десятка человек). И мы, журналисты, сами выходили на передний край, беседовали с людьми и предоставляли слово лучшим бойцам того или иного подразделения.

Однажды мне пришлось быть в артиллерийском полку. Встретился с комиссаром первого дивизиона Иваном Ивановичем Денисовым. Попросил его назвать одного из лучших командиров орудий.

Он привел меня в блиндаж артиллеристов. Тепло и уютно. На стене висит свежий номер «Боевого листка».

— Вот командир орудия сержант Опарин из второй батареи, — показал взглядом Денисов.

Я попросил Опарина рассказать о своем боевом опыте. Он был скуп на слова. Заявил лишь одно:

— Знай дело, умело владей нервами. На войне бы-

вает и страшно. Растеряешься — проиграешь. Выдержка решает успех боя.

В беседу вмешались бойцы. Они рассказали, что Опарин прошел со своим орудийным расчетом большой боевой путь, накопил немалый опыт. И всегда действовал смело. В трескучие зимние морозы расчет выезжал на открытые огневые позиции и с расстояния 400—500 метров метко разил врага. В жестоких боях в районе деревень Пачурино и Бураково орудийный расчет Опарина разбил шесть пулеметных точек и подавил два миномета врага.

— После этого боя, — вставил Денисов, — отважного командира расчета приняли кандидатом в члены ВКП(б). И он с еще большей энергией стал овладевать снайперской стрельбой. Учился сам и учил бойцов. Кроме этого, Опарин научил пользоваться оптическим прицелом замкового Ключвина и ящичного Клейпина, и они стали наводчиками. Вот в недавнем бою, — продолжал Денисов, — расчет снова показал свое уменье. Противник шел в атаку, артиллеристы достойно встретили его. Опарин обнаружил наблюдательный пункт врага. Быстро определил расстояние, подал команду, и снаряд разнес НП. Еще выстрел — замолк пулемет.

Из беседы узнал я и о том, что командир расчета за умелые боевые действия, решительность и смелость награжден орденом Красной Звезды.

Мой блокнот был полон записей, и по ним я написал корреспонденцию «Отважный командир».

По заданию редактора пошел в восьмую роту, где раньше я был политруком. Встретился с бойцом Иваном Пашковым. Его знал с того дня, когда он прибыл в роту с пополнением. Ему, помнится, поначалу было многое непонятно и страшновато. Постепенно Иван закалялся, обогащался боевым опытом, изучил снайперскую винтовку. Он мне и рассказал, как овладевает снайперским искусством.

— Один раз немецкий наблюдатель в бинокль отыскивал наши огневые точки. Я дал выстрел. Фриц упал замертво. Через несколько дней увидел, как немецкий пулеметчик маскировал свою огневую точку, готовился вести огонь по нашему расчету. Прицелился и выстрелил. Фашист замолчал навсегда. На днях у немецкого

наблюдательного пункта появился офицер в шинели, по-видимому, из старшего командования, потому что у немецких солдат и младших офицеров на лето шинели отбирают. Он смотрел в бинокль и смеялся. Я тоже смотрел в бинокль. «Смейся, гадина, — думаю я, — жить тебе осталось считанные секунды». Взял на мушку, затаил дыхание и выстрелил. Гитлеровец отправился на тот свет.

В заключение Иван Пашков сообщил, что на днях его приняли в ряды Ленинского комсомола.

Репортаж под заголовком «Год рождения 1923» был опубликован в дивизионке.

В самом коллективе редакции «Боевая красноармейская» и среди военкоров были начинающие поэты, частушечники. Они прославляли героику боевых дней, поэтическим словом воодушевляли воинов на разгром фашистских оккупантов.

Однажды в редакцию пришел старшина Николай Николаевич Кумзерский. Он принес стихотворение, которое мы опубликовали 12 июня 1942 года. Вот оно:

Мы идем на запад

Мы идем по земле, оскверненной ногами
Опьяневших от крови убийц-палачей.
Мы идем по земле, орошенной слезами
Беззащитных детей, стариков, матерей.
Мы идем по земле, опаленной огнями
От разрывов снарядов, пожаров и мин.
Мы идем на врага и мы знаем, что с нами
На борьбу поднялся наш народ-исполин.
Мы смываем с земли вместе с вешней водою
Безутешное горе и слезы детей.
И в победных боях мы проносим с собою
Знамя мира, свободы и счастья людей.
Будем помнить всегда мы приказ боевой:
Бить врага, если враг не сдается!
Будем драться за Родину, край свой родной,
Пока сердце в груди у нас бьется!

Кто такой Николай Николаевич Кумзерский? До войны он — музыкант-виолончелист оркестра Пермского оперного театра. Вместе с начальником походного клуба дивизии политруком Александром Филипповичем Ковровым, кизеловским шахтером, они в часы отдыха между боями организовывали концерты художественной самодеятельности. Выявление участников самодея-

БУДУТ ЗНАТЬ, ЖИВА ЛИ РУСЬ!

Стихи В. М. ПЕДА, рисунки А. МАЛЫШЕВА

КОСТЯ СМЕЛЫХ И ФАШИСТСКИЙ ТАНК

Стихи В. М. ПЕДА, рисунки А. МАЛЫШЕВА

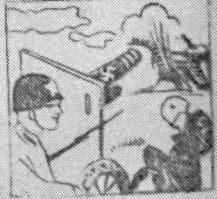

Вспомогательный танк Костя выводит из строя

В атаку идет

ДЫБОМ ТАНК... КОПЫТА ВРОЗЬ...

Стихи В. М. ПЕДА, рис. А. МАЛЫШЕВА

Револьверу фашистский танк
Костя дорвался в кусты,
ждет Костя, на пушке
руины возятся у пушки.
— Пушка? Видно, на орудост?
Францы жмут советский танк

— Не дожарте! Я не дам
Смазку францу по зубам.
Поверну на месте пушку
— Поладать мне в лобушку.
Танк фашистский на орлом
Мнез катится орлом

Подхватит его на мушку
Разрывает Костя пушку.
— Капдасть на каша брешь,
Дыбом танк... копыта врозь.

Отв. редактор П. А. ЧУПТОВИЧ

Рисунки и сатирические стихи, публиковавшиеся в газете «Боевая красноармейская».

тельности, подбор репертуара, разучивание песен, плясок, скетчей — все это было делом рук старшины Кумзерского. Он выступал в роли конферансье, умел развеселить зрителей искристой шуткой, острой эпиграммой. На одном из совещаний политработников начальник политотдела Воронов сказал, что старшина Кумзерский по праву стал любимцем дивизии, что потому и любят воины провести свой досуг в походном клубе.

Николай Николаевич Кумзерский ныне на пенсии, живет в Перми и продолжает трудиться в филармонии. Он помог юным следопытам 31-й школы города разучить «Марш дивизии», посвященный 359-й Ярцевской Краснознаменной ордена Ленина стрелковой дивизии. Слова этой песни написал Иван Иванович Денисов, а музыку — Николай Николаевич Кумзерский.

Иван Иванович Денисов был частым гостем редакции «Боевая красноармейская», приносил сатирические стихи, написанные им в часы досуга. К сатирическим стихам И. И. Денисова наш художник Александр Мальцев рисовал карикатуры.

Фронтвики помнят, какой популярностью пользовался литературный герой Василий Теркин.

— Вот бы и нам в дивизии завести такого героя, — говорили бойцы.

В коллективе редакции возникла мысль создать своего Теркина. Так появился и у нас собрат Василия — Костя Смелых. Журналист В. Мулев сочинил стихи про Костю Смелых, а художник А. Мальцев делал рисунки. Были опубликованы «Утро бойца Кости Смелых», «Костя Смелых и фашистский танк», «Нужно действовать умело...» и многое другое. Появились и «Частушки Кости Смелых», написанные И. И. Денисовым.

Наш литературный герой полюбился воинам и они в письмах и устно просили почаще публиковать сатирические и юмористические стихи о Косте Смелых.

Мне хочется отметить еще такую сторону деятельности редакционного коллектива, как распространение сводок Совинформбюро. За новостями с фронтов Великой Отечественной войны к нам ежедневно приходили десятки связных из подразделений. Первым их вопросом было: «Что нового в сводках?»

В редакции был радиоприемник и каждую ночь поочередно мы слушали однообразный, педантично-деловой голос знакомого всем газетчикам диктора, передававшего информацию для публикации в газетах. Пусть не обижается на нас московский диктор, что мы в шутку называли его «Иваном кратким». Такое имя дано ему было за то, что он, диктуя какое-либо слово, в котором встречалось «й», говорил: «Иван краткий».

После приема информации, мы сразу же набирали и печатали листовки, а связные разносили их по подразделениям. В газете сообщения от Советского Информбюро мы не публиковали, так как размер ее был невелик — всего две полосы малого формата, да и выходила газета три раза в неделю. А листовки с сообщениями Совинформбюро позволяли оперативно ознакомить воинов дивизии с новостями на всех фронтах.

За это очень ценили нашу дивизионку и бойцы и командиры. Ее коллективу постоянно уделял внимание командир дивизии генерал-майор Владимир Романович Вашкевич. А начальник политотдела Владимир Ильич Воронин был частым гостем редакции. Он всегда горячо поддерживал всякую ценную инициативу и близко к сердцу принимал все наши дела.

С полюбившимся мне коллективом «Боевой красноармейской» я расстался в январе 1943 года. Собратья по перу, типографские товарищи преподнесли мне скромный, но дорогой подарок — подшивку газет за 1942 год в красном переплете с тиснением: «Боевая красноармейская».

Подшивка газеты хранится ныне в краеведческом музее Перми. Пусть ее читают однополчане и вспоминают боевые годы. Пусть читает ее молодежь, чтобы узнать, как их отцы и старшие братья сражались с заклятым врагом и защищали священную советскую землю. Пусть читают газету и учителя-историки и расскажут молодому поколению о летописи Великой Отечественной войны, о боевом подвиге воинов прославленной 359-й Ярцевской Краснознаменной ордена Ленина стрелковой дивизии.

Тимофей Карпович Некрасов родился в 1914 году в Тульской области. Член КПСС с 1940 года. После окончания в 1934 году средней школы работал на стройках Москвы. В 1935 году перешел на журналистскую работу, был литературным сотрудником фабрично-заводских и центральных газет.

В октябре 1941 года ушел добровольно на фронт. Был пулеметчиком в составе 3-й Московской Коммунистической дивизии. В боях против гитлеровских захватчиков в составе 359-й стрелковой дивизии принимал участие с января по ноябрь 1943 года в качестве сотрудника органов госбезопасности.

Офицер Т. К. Некрасов дважды тяжело ранен, и по этой причине в 1944 году был уволен из рядов Советской Армии со снятием с военного учета. В настоящее время — он персональный пенсионер, но продолжает вести большую общественную и журналистскую работу, является членом Союза журналистов СССР. Живет в Москве.

За отличия в боях Т. К. Некрасов награжден орденами Отечественной войны I и II степеней, пятью медалями.

Когда меня попросили рассказать о боевых делах однополчан на фронте, я невольно задумался: с кого начать? Кому отдать предпочтение? Ведь пермяки, находясь на поле брани, вершили массовый героизм, и рассказать об их подвигах в небольших по размерам воспоминаниях просто невозможно.

Я извлек из письменного стола пожелтевший от давности дневник, который вел между боями и изнурительными походами. Стал перелистывать его страницы. Разобрать написанное своей рукой оказалось непростым делом: листки, где значатся имена друзей, названия пунктов, в ряде случаев пробиты осколками фашистских снарядов.

Все же дневник — большое подспорье. Он в значительной степени помог восстановить в памяти бессмертные дела на поле боя. На одной из страниц записей сохранилась фамилия командира стрелкового батальона капитана Ивана Баютина.

Сразу вспомнились черты этого молодого, энергичного офицера, воспитанника детского дома. Это был любимец всех воинов. Он хорошо знал подчиненных ему солдат и командиров. Уважал их, верил им, вместе с ними делил все тяготы и невзгоды трудной походной солдатской жизни.

У капитана Ивана Баютина была еще одна любопытная особенность: он с необыкновенной любовью относился к бывшим беспризорникам, которых Советская власть взрастила и воспитала. Однажды в батальон прибыло новое пополнение. Принимал его сам капитан Баютин.

— Много ли среди вас питомцев детских домов? — спросил он новичков, находившихся в строю. — Если есть такие, три шага вперед.

Воины, поглядывая друг на друга, молчали, не двигались с места. Последовала команда, и бойцы расположились в заросли зеленых кустов на отдых. А одному

солдату — Павлу Перкину было не до этого. Выбрав удобный момент, он, раздвигая ветки, шел к штабу батальона. Увидев комбата, спросил:

— Разрешите к вам обратиться по личному вопросу? Мне нужно с вами поговорить по душам.

— Обращайтесь. Слушаю вас.

— Вы интересовались беспризорниками, — начал Перкин. — Я к ним отношусь. Только прибыл сюда не из детдома, а из лагеря заключенных.

— Что же вы об этом не сказали перед строем? — Баютин испытующе посмотрел на солдата.

— Не хотел, чтобы об этом все знали с первого дня.

— Так, так... За какие же грехи попали в лагерь?

— За неудачную кражу. Дело-то, однако же, не в этом. На фронт я прибыл добровольно.

— Искупать грехи? Понятно. — Баютин задумался. Перкин смотрел на него в недоумении. Слова комбата не особенно ему понравились. Он сказал:

— Грехи-то грехами. Но ведь фашисты-то могут сожрать нас со всеми потрохами. Так что надо спасать свой дом, свою Родину.

— Молодец! — Баютин похлопал его по плечу.

— В какое подразделение меня зачислите?

— Каким оружием хорошо владеете?

— В мирное время владел отмычкой. Но я неплохо стреляю из винтовки и автомата. Могу и из пулемета. С «максимкой» я сдружился в запасном полку.

— Хорошо, дело найдем.

На том беседа прервалась. Павел Перкин отправился в те же кустарники, где находились его товарищи. Комбат занялся своими делами. К нему один за другим, по его вызову, приходили командиры рот. У всех был большой вопрос — не хватало людей. Особенно мало было пулеметчиков. В беседе с командиром пулеметной роты Баютин рассказал о Павле Перкине.

— Если хотите, берите его, — советовал комбат ротному, с которым у него давно сложились товарищеские отношения.

— Что вам негоже, то нам пригоже? — подергивая плечами, заметил командир пулеметчиков.

— Вижу, в людях не научились разбираться, — отрезал Баютин. — Не желаете, не берите. Оставлю Перкина у себя связным.

Новое пополнение было распределено по всем подразделениям. Шла боевая подготовка. А спустя пять дней фашисты предприняли наступление. Им удалось несколько потеснить наших воинов, а пулеметная рота оказалась отрезанной врагом. Сражались пулеметчики мужественно и стойко. Но у них были на исходе боеприпасы. Положение становилось критическим.

— Нуждаемся в помощи, нуждаемся в помощи, — передавалось по радиации. — Шлите семечки! Шлите семечки!

«Семечками» тогда называли патроны. На складе боепитания их было много. Как их доставить в роту, находившуюся в огненном кольце противника? Капитан Баютин собрал подчиненных ему штабистов, а было их не так уж много.

— Кто берется добровольно проскочить к пулеметчикам? — спросил комбат.

Первым согласился Павел Перкин. Нагрузившись коробками с пулеметными лентами и повесив на шею автомат, он мгновенно исчез. Кустарниками и низинами, ползком и короткими перебежками, Перкин шел на выручку воинам, оказавшимся в большой беде.

Добравшись до роты, связной комбата заметил раненых и убитых. Санинструкторша, переползая от одного пулеметчика к другому, перевязывала раны. Командир роты лежал. Забинтованная правая нога была коричнево-красного цвета. Перкин, не раздумывая, лег за умолкший пулемет. Вставил ленту. Ждал подходящего момента.

Фашисты наседали. Подпустив гитлеровцев совсем близко, связной комбата угостил их свинцовым дождем. Место схватки было усеяно неприятельскими трупами. В образовавшуюся брешь «по проторенной» дорожке Павел Перкин выводил пулеметчиков, помогал передвигаться раненому командиру роты. А когда ротного переправляли в медсанбат, он сказал капитану Баютину:

— Замечательный у вас связной. Передайте его в пулеметную роту.

— Я его вам предлагал, — ответил комбат, — но что вы ответили? Впрочем, поправляйтесь, возвращайтесь, а потом поговорим...

Дивизия пермяков продвигалась по смоленской земле. Где-то в районе села Лядищи Баютин повел свой батальон на штурм безымянной высоты. Перепугавшиеся немцы в панике убежали в лес. И вдруг началась вражеская артиллерийская канонада. Снаряды ложились кучно, но позади наступавших советских воинов. Видимо, фашисты решили отсечь пермякам путь к отступлению...

Комбат, разгадав замысел противника, поднял воинов и бросился вперед на врага. И вот возле лица Баютина, зацепив за маленький березовый сук, словно кнутом, щелкнула разрывная пуля. Ее мелкие осколки вонзились в щеки комбата. Почувствовав, как струйками потекла кровь, он стал вытирать лицо носовым платком. Связной Павел Перкин тем временем заметил сидевшего на дубу неприятельского снайпера, целившегося в комбата. Врагу в это роковое мгновение не удалось спустить курок. Перкин опередил его.

На гимнастерке Павла Перкина сначала появилась медаль, а потом орден Красной Звезды. Боевые награды окрылили бывшего беспризорника.

Однажды после наступления дивизия перешла к обороне. На этом участке гитлеровцы сильно укрепились. И проникнуть в их оборону было не так-то просто. Дивизионные и полковые разведчики несколько раз пытались достать «языка» и все безрезультатно.

— Разрешите мне сходить за «языком», — попросил Перкин комбата.

— Не в свои сани не садитесь, — ответил ему Баютин.

— Слово даю, приведу фашиста. Утру нос нашим разведчикам.

Комбат задумался. Он понимал и верил, что его связной способен выполнить задание. Но знал также и о другом: чтобы послать Перкина в тыл врага, надо на это получить разрешение. Но кто его даст? Ведь связной-то прибыл из лагеря заключенных, куда он попал за преступления перед советским законом. Но не только это беспокоило Баютина. Он уже имел замечание от командования за самовольные действия. За повторение подобного он мог нарваться на новую неприятность... А вдруг затея Перкина завершится успехом? Какие основания есть у него, комбата, не верить этому солдату?

И Баютин после недолгого колебания и раздумья на свой страх и риск разрешил Перкину отправиться на задание. Решился, видимо, проверить его на очень опасном и важном деле. Причем лично сам комбат долго и тщательно инструктировал солдата.

Наступила темная ночь. Небо заволокли тучи. Моросил дождь. Павел Перкин, накинув на плечи телогрейку защитного цвета, скрылся в зарослях.

Но тут произошло непредвиденное. Как только отправился разведчик, был получен приказ. Подразделения дивизии снимались с занимаемых позиций и отходили во второй эшелон. Их место тут же заняли воины из других частей.

Комбат Баютин заволновался не на шутку. Больше всего его беспокоила дальнейшая судьба Павла Перкина. Где он? Как он будет разыскивать свой батальон? И хотя он об этом поставил в известность командира, которому передал боевой участок, волнение не покидало его. И Баютин, размышляя, сокрушенно подвел итог: «Опять ты, капитан, влип в скандальную историю».

Переправившись через линию фронта, Перкин недалеко от штаба немецкого подразделения залег в засаду. Он зорко наблюдал за тем, как от блиндажа к блиндажу проходили неприятельские автоматчики. И вдруг появился гитлеровец, у которого на боку болтался планшет, видимо, с картами и документами. Перкин внезапно набросился на него. Первым делом крепко зажал противнику рот, чтобы, если крикнет о помощи, не было слышно.

Фашист оказался сильным. Он в поединке успел выхватить из кармана нож и вонзить его в бок разведчика. Перкин, преодолевая боль, продолжал бороться и вышел победителем. Обезоружив фашиста и связав ему руки, он повел его в свое расположение.

Счастливо миновав все преграды, Перкин разыскал штаб батальона и капитана Баютина. Радость этой встречи была прямо-таки неопишуемой. А сведения, добытые Перкиным, невозможно было переоценить. С этого момента капитан Баютин стал время от времени «втихаря» посылать своего связного в тыл врага. Там Перкин умел находить честных советских людей и с их помощью узнавать о том, что творилось на оккупированной смоленской земле.

Сведения он приносил тревожные. Стало известно, что недалеко от Радимских мхов зверства над советскими людьми чинят не только фашисты, но и их ставленники из числа изменников и предателей, во главе которых стоял дорогобужский бургомистр Яков Капранов.

Этот негодяй вырос на нашей русской земле, в волжском селе Запланове. В свое время в Сталинграде окончил строительный институт. В начале Отечественной войны проходил службу в дорожно-этапном полку, занимал должность начальника отдела, имел звание воентехника 1 ранга. Полк, в котором он служил, под Вязмой попал в окружение. Все воины, подвергая себя смертельной опасности, вырывались из огненного неприятельского кольца. А Капранов добровольно сдался в плен фашистам и сразу пришелся им ко двору. Они сделали его бургомистром.

Вновь испеченный «местный» правитель стал подбирать себе кадры из таких же подлецов, каким был сам. В селе Струково ему приглянулся некий Иван Гвоздев, уроженец Пензенской области, дезертировавший из армии. Гвоздев дал согласие быть начальником волостной полиции в селе Васильево. Затем к ним присоединились забулдыги и пьяницы Дмитрий Новиков из деревни Гончарово, Сергей Харламов из села Морозова и Максим Чичасов — из Прослищ. Все они совершили тяжелое преступление, дезертировав из своих частей.

Так образовалась мерзкая кучка негодяев, продавшихся гитлеровцам «за тридцать серебряников». Ими руководили фашистский офицер Алекс Шталь и белогвардеец-колчаковец, бывший помещик Бишлер. Приказы они получали из штаба сорок первого немецкого танкового корпуса.

Организация, в которую входили изменники и предатели, имела условное название «Падающая звезда». О зверских делах ее можно судить по тем данным, которые добыли Павел Перкин и другие советские разведчики. Поясним лишь то, что действовала «Падающая звезда» в селах и деревнях Батурина, Дорогобужского, Сафоновского и Ярцевского районов, то есть там, где проходила с боями пермская дивизия.

...Августовский день 1942 года был солнечным, знойным. Все кругом утопало в зелени. Начиналась уборка

урожая. И вдруг в село Леоново ворвались обезумевшие пьяные каратели. Они ходили по домам и выгоняли всех людей на улицу. Потом их согнали в сарай. Не сразу жители поняли, что случилось.

Эсэсовцы и их прислужники из «Падающей звезды» установили пулеметы с обоих концов села. Появились патрули. Много разбойников шныряло по избам крестьян. Забрали все, что было ценного в хатах колхозников, а потом с двух сторон подожгли село.

Из 130 домов и надворных построек ничего не осталось. Люди, оказавшиеся без крова, вырыли себе землянки и разместились в них. А спустя два месяца на леоновцев вновь налетела «Падающая звезда». Каратели выгнали людей из землянок и снова учинили разбой. Они отобрали у населения случайно уцелевшие вещи, а те, которые оказались им ненужными, уничтожили.

Наступившие зимние холода принесли леоновцам новые бедствия. Нагрывшаяся в третий раз банда учинила над народом неслыханные зверства. Фашисты и их пособники согнали леоновцев в одно место, сфотографировали их и повели к кустарникам «Борщевы Ляды». Изверги вырывали из рук матерей грудных детей и тут же убивали их. Не пощадили палачи и стариков. Затем они принялись за остальных. Группами по пятнадцать-двадцать человек изуверы отводили людей в сторону и расстреливали их в спину.

Из 256 граждан в живых чудом осталось лишь пятеро: Лидия Иванова, Мария Новикова, Петр Новиков, Ольга Косырева и ее малолетняя дочь Тоня. Но и они были ранены. До наступления темноты истекавшие кровью люди пролежали среди убитых в куче трупов, а затем уползли в лес.

— Сможем ли мы их разыскать и спасти им жизнь? — спросил Баутин Перкина.

— Постараемся, — ответил связной-разведчик.

Продолжая рассказ о ставших ему известными фактах, он поведал о том, что натворила «Падающая звезда» только в нескольких смоленских селах.

Капрановская банда получила приказ блокировать Вадинские леса, где действовали партизанские отряды. Гитлеровские прислужники из Сафоново двинулись на выполнение этого задания. Стоял холодный январский

день 1943 года. Разбойники промерзли. Они решили остановиться в селе Мужилово, чтобы обогреться.

Главарь банды Яков Капранов приказал своим подручным собрать всех селян и построить их в шеренгу. Перед ними выступил бургомистр:

— Кто не укажет нам место нахождения партизан и членов их семей, — сказал он, — тот будет расстрелян вот этим пистолетом. — Он ударил рукой по кобуре.

Люди молчали. Среди мужиловцев не оказалось Иуды-предателя. Это обстоятельство взбесило местного правителя. И он тут же приказал полицая Сергею Харламову взять группу людей, стоявших около него, и отвести их на опушку леса.

Харламов с полуслова понимал бургомистра. На опушке раздались выстрелы. Потом последовали еще выстрелы на том же месте. Это очередную партию истребляли изверги рода человеческого. Оставшихся в живых они увели с собой, и судьба их осталась неизвестной.

В Вадинских лесах гитлеровские головорезы наткнулись на партизанскую засаду и были разбиты. Все же Якову Капранову и его подручным удалось бежать. Они укрылись в деревне Залазно. Мирных жителей бандиты выгнали на трескучий мороз, а сами разместились в их домах. Пригнали сюда молодых женщин и девушек якобы для работы на кухне. Изнасиловали их, а потом отвели в овраг и вместе с другими залазненцами расстреляли «за связь с партизанами».

В те дни геббельсовская пропаганда на весь мир расхваливала Якова Капранова и его палачей «за образцовое наведение нового порядка на Смоленщине». Позднее бургомистр, как на деле доказавший свою преданность оккупантам, был переведен на ответственную должность в немецкие контрразведывательные органы. Вскоре там оказался и Иван Гвоздев.

Шпионя за советскими людьми, они выполняли роль провокаторов. Под видом благодетелей-партизан или беженцев из гитлеровской неволи они втирались в доверие к советским людям, боровшимся против оккупантов, потом предавали их фашистам.

Слушая эти рассказы Павла Перкина и других разведчиков, а также партизан и мирных жителей, бежавших из фашистской неволи, капитан Иван Баятин ждал

приказа о наступлении. Ему хотелось не только разгромить фашистов, но и выловить изменников и предателей.

И вот такой приказ был получен. Батальону капитана Баютина предстояло под городом Ярцево овладеть безмянной высотой, откуда начинался большой лес, где как раз и находился штаб «Падающей звезды». Гитлеровцы яростно сопротивлялись. Место схватки, особенно подступы к штабу банды, были усеяны неприятельскими трупами. Блиндажи врага оказались пустыми, но заминированными. Верхушка фашистских главарей, в том числе Шталь, Бишлер, Капранов и их приближенные, бежала.

Когда бой уже стих, вдруг раздался артиллерийский залп. Шальной осколок вражеского снаряда насмерть сразил бесстрашного комбата Ивана Баютина. Чтобы сполна отплатить фашистам за смерть любимого командира, Павел Перкин перешел в пулеметную роту и продолжал в ней славный боевой путь.

На каждом участке боевых действий пермяки проявляли массовый героизм. На всю дивизию гремела слава о легендарном подвиге молодой девушки Люси Виноградовой. Она была красивой девчиной. Смуглое лицо и черные волосы делали Люсю похожей чем-то на цыганку. Солдаты в подразделении ее называли Цыганочкой. Потом — «Цыганочкой-пулеметчицей».

Однажды случилось так. На том боевом участке, где находилась Люся, фашисты пошли в наступление. Среди некоторой части наших воинов произошло замешательство. И вот в этот решающий момент прозвучал властный голос Виноградовой:

— Ни шагу назад! Вперед, за мной, на фашистов!

Солдаты, пораженные смелостью и отвагой бесстрашной девушки, устремились за ней. Ряды гитлеровцев дрогнули. Воспользовавшись сложившейся ситуацией, советские воины нанесли сокрушительный удар по врагу. После этого боя на гимнастерке славной героини засиял орден Красного Знамени.

Высоких правительственных наград были удостоены тысячи ветеранов пермской дивизии. И они этого заслужили героическими ратными делами. Вот Константин Воронин. Он был любимцем однополчан. Уважали его

за храбрость, воинское умение, за то, что в трудную минуту он мог развеселить любого воина шуткой-прибауткой. Костя умел приятно исполнять на гитаре фронтовые песни, сам пел их. С большим подъемом читал отрывки из поэмы Александра Твардовского «Василий Теркин». Да, собственно, и сам он несколько походил на этого литературного героя.

Советские люди возвращаются в освобожденные села.
(Снимок 1944 года. Фото старшины А. Г. Мальцева).

Вместе со своими земляками Воронин мужественно и стойко сражался против фашистов. Однажды в ненастную дождливую погоду гитлеровцы на узком участке фронта пустили на пермяков десятки танков. Фашисты задумали прорваться в расположение траншей советских воинов и проутюжить их. Однако у гитлеровцев из этой затеи ничего не получилось. Когда танкисты противника двинулись на пермяков, Костя Воронин со связкой гранат ожидал их уже на «узенькой дорожке». Подпустив неприятеля совсем близко, храбрец бросил гранаты под головную машину. Танк завертелся на месте и застопорил движение остальных машин.

После этого гитлеровцы двинули свои танки в обход по болотистой местности. Но и там им прорваться не удалось. Они застряли в трясине. Подоспевшие воины

истребили гитлеровцев, а танки, вытащив их из болота, направили против самих же фашистов.

О бессмертных подвигах пермяков на фронте можно рассказывать без конца. Они этого заслужили. Они этого достойны.

Впрочем, сделаю оговорку: читателям я поведал лишь о боевых делах некоторых воинов из полка, которым командовал майор Д. И. Загребин. О его мужестве и отваге, о его семье можно написать увлекательную книгу.

Небезынтересно отметить, что Дмитрий Иванович Загребин, так же как Баютин, как Перкин, тоже воспитывался в детском доме. У Загребина было девять братьев. Все они участники или гражданской, или Отечественной войн. В пермскую дивизию майор Загребин прибыл в начале марта 1943 года, когда пермяки, как и все воины, штурмовали старинный русский город на Волге — Ржев.

С этой дивизией Дмитрий Иванович прошел славный боевой путь до Бреслау, в ней он вырос до заместителя командира дивизии. Он и теперь продолжает службу в славных рядах Советской Армии, и на его плечах ныне генеральские погоны.

Много воды утекло с тех пор, как окончилась Великая Отечественная война. А что произошло там, где с боями проходили пермяки более двадцати лет назад? И вот я задался целью совершить поездку по тем памятным местам. С собой захватил фронтовой дневник — изрешеченную осколками фашистских снарядов записную книжечку.

Мое путешествие началось от Ржева. В войну город был в развалинах. Воины, выбив фашистов из Ржева, продвигались через груды обломков из кирпичей и камней. Помнится, на остатках белой стены разрушенного дома была сделана надпись автоматчиком полка. Запись об этом я нашел в своем блокноте, но фамилию автора надписи не мог прочесть: это место пробито осколком. Но сохранился в блокноте списанный мною со стены текст. Вот он:

«Ф. Логач! Я жив и здоров. Возможно на днях забегу. Напиши на этой стене, где тебя искать...»

Трудно сейчас сказать, довелось ли встретиться Ф. Логачу с автором этих слов. Нашли ли они друг друга? Не знаю. Что же касается дома, на обломках стены которого была сделана эта надпись, то его не сохранилось. Ржев давно залечил раны, нанесенные войной. Город отстроен заново. Здесь много красивых, добротных домов, новых улиц и проспектов, освещаемых в вечерние часы многочисленными электрическими фонарями. Ржев преобразился, стал одним из крупнейших районных центров Калининской области. Здесь крупный железнодорожный узел, фабрика льняных тканей. Восстановлены и построены заводы: литейно-механический, кирпичный, стандартного домостроения и другие предприятия. Здесь готовится немало технических специалистов для сельского хозяйства.

А рядом начинается Смоленщина. Первое на пути большое село — Сычевка. Это здесь еще в наполеоновскую войну партизанка бабка Василиса совершила легендарный подвиг. Это тут недалеко Гжатск — родина первого в мире космонавта Юрия Гагарина. Это здесь пермская дивизия пробивала себе путь на запад, истребляя немецких фашистов.

Что ни село, то воспоминания о подвиге, что ни город, то немеркнущая слава. Вот Дорогобуж. Он был разрушен в годы войны. Здесь хозяйничала гитлеровская свора, именовавшая себя «Падающей звездой». Теперь это центр химической промышленности, всесоюзная ударная комсомольская стройка.

В Дорогобуже на полную мощность работают маслосыроваренный, льнообрабатывающий, лесопильный, кирпичный заводы. А сколько здесь трудится замечательных людей: и тех, которые громили гитлеровцев, и тех, которые в мирном труде продолжают боевые традиции своих отцов, матерей, старших братьев и сестер.

А вот и Сафоново. Перед войной в этом селе был районный центр. Его разорили и сожгли фашисты. Сейчас это крупный промышленный горняцкий город с многотысячным населением. Здесь дворцы культуры, учебные заведения. Все выглядит по-новому.

А город Ярцево, имя которого было присвоено прославленной 359-й стрелковой дивизии! Он тоже поднялся из руин, в которые его превратили фашисты. Теперь это один из красивых городов в области. Здесь

развита текстильная промышленность, работает литейно-механический завод.

На пути по следам дневника было много приятных встреч и душевных бесед. Душа радуется тому, что сделано руками советских людей. Неузнаваем стал и областной центр — древний русский город Смоленск, раскинувшийся по берегам Верхнего Днепра. Всюду новостройки жилых домов. Город хорошеет с каждым днем. Здесь набирают темпы предприятия различных отраслей промышленности: металлообрабатывающей, швейной, трикотажной, обувной, мебельной, пищевой и других. В городе многотысячная армия студентов институтов: медицинского, физической культуры, педагогического и зооветеринарного. Немало тут и среднетехнических учебных заведений.

Всего не опишешь, обо всем не расскажешь. Но в то памятное октябрьское утро, когда я прибыл в старинный русский город, у жителей Смоленска были хмурые лица, а у некоторых на глазах — даже слезы. И не сразу можно было понять, чем это вызвано. Только из бесед я понял причину. Оказывается, обстоятельства заставили их вспомнить о мрачных годах гитлеровской оккупации.

Дело в том, что советские чекисты выловили оставшихся в живых и скрывавшихся участников банды из «Падающей звезды». На скамье подсудимых оказались Яков Капранов, Иван Гвоздев, Дмитрий Новиков, Сергей Харламов и Максим Чичасов. Желающих попасть в зал судебного заседания было более, чем достаточно, но помещение не позволяло вместить всех.

Привезенный мной дневник военных лет послужил пропуском в зал, где выездная сессия Военного Трибунала разбирала дела по обвинению предателей и изменников Родины. Там удалось увидеть чудом оставшихся в живых леоновских женщин Марию Новикову, приехавшую из-под Рязани, и Ольгу Косареву, прибывшую из Калининграда, о которых поведал Павел Перкин более двадцати лет назад.

Преступники были схвачены в разных районах страны. Якова Капранова чекисты поймали под Волгоградом, где он работал старшим инженером на строительстве гидроэлектростанции, а Ивана Гвоздева — под Краснодаром, где жил этот изверг и тунеядец. Сергей

Харламов около десяти лет бродяжничал по стране под чужой фамилией с фальшивыми документами. Потом темной ночью прибыл в Дорогобужский район в деревню Морозово. Почти семь лет он прятался от односельчан в подвале и на чердаке. Тут советские чекисты и схватили его. На смоленской земле были пойманы Дмитрий Новиков и Максим Чичасов.

Советский суд сурово покарал изменников и предателей Родины: Яков Капранов и Иван Гвоздев были расстреляны, а их соучастники по бандитским делам были осуждены на длительные сроки заключения. Колчаковец Бишлер не попал на скамью подсудимых: он подох собачьей смертью несколько раньше.

На этом мне хочется прервать путешествие по следам своего дневника, хотя много интересного можно было бы рассказать о своей поездке в Оршу и различные города Польши, где сражались против фашистов пермяки.

Скажу лишь, что по-разному сложилась судьба у ветеранов 359-й Ярцевской Краснознаменной ордена Ленина стрелковой дивизии. Одни из них погибли геройской смертью, защищая честь, свободу и независимость своего народа; другие продолжают службу в рядах Советской Армии; третьи, уволившись в запас, трудятся в народном хозяйстве. Например, бывший начальник штаба полка Г. П. Мурашко сейчас проживает в Москве и работает в одном из троллейбусных парков. Бывший заместитель начальника особого отдела дивизии В. И. Панченко находится в Донбассе, в Горловке. Там он трудится в одной строительной организации. А бывший помощник командира полка по материальному обеспечению майор М. С. Орлов является завучем Полвинской восьмилетней школы Кудымкарского района Пермской области.

Куда бы судьба ни забрасывала ветеранов прославленной дивизии, всюду они продолжают подвиг в мирном труде.

Михаил Иванович Липанов родился в Перми 22 октября 1901 года. Член КПСС с 1942 года. Перед войной работал заведующим коммунальным отделом Свердловского райисполкома Перми.

В армию призван в сентябре 1941 года. Командовал орудийным расчетом в 924-м артиллерийском полку 359-й стрелковой дивизии. Пять раз ранен, причем трижды — тяжело. Получил контузию. За отличия в боях произведен в офицеры. Демобилизовался в звании старшего лейтенанта в 1945 году.

После войны возвратился в Пермь. Работал в райисполкоме, а затем начальником складского хозяйства при главном механике на одном из предприятий города. Ныне пенсионер.

За мужество и героизм, проявленные в боях, М. И. Липанов награжден орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», юбилейной медалью «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Нам, бывалым солдатам, прошедшим немалый путь по тревожным и опасным дорогам войны, молодые люди задают вопрос: за какие отличия в боях получены нами награды? И когда меня спрашивают об этом, я с гордостью отвечаю:

— За солдатский труд.

Бессмертие и слава солдата — в его делах. А на войне дел много, но главное у солдата — умение бить врага. Советский солдат — самая благородная, но и самая ответственная должность на земле.

В годы войны не ради славы и не ради наград шли люди в бой. Жестокий и коварный враг топтал нашу землю. Вот и нужно было идти и защищать великие завоевания Октября.

За смелые вылазки в тыл врага, участие в рейдах по тылам противника на 2-м Белорусском фронте, я был награжден орденом Отечественной войны II степени, потом медалью «За освобождение Варшавы», а боевые подвиги в самом логове фашистского зверя отмечены орденом Красной Звезды. Но всего памятней мне тот бой, за который был награжден медалью «За отвагу»...

Не успел я разменять пятый десяток лет, как в сентябре 1941 года меня зачислили в состав артиллерийского полка 359-й стрелковой дивизии. Ревностно обучались военному делу мы, солдаты. Понимали, что только упорный солдатский труд может сделать из нас настоящих и умелых воинов. И потому военное дело изучали не жалея сил, забывая об отдыхе.

Помню, во время формирования дивизии встретил меня приятель — рабочий одного из наших пермских заводов. Он спросил: «Скоро ли на фронт?» Я ответил, что вот как только малость подучимся, так и поедем. Он задумался, затем проникновенно посмотрел мне в глаза и строго сказал:

— Смотри, брат, не на прогулку едешь. Боевую славу Урала надобно пронести умело и с честью!

Никогда не забыть мне этих слов. Много раз я повторял их своим молодым боевым друзьям, старался, чтобы они поняли, что война — это большой труд, а солдат на войне — не гость.

До декабря 1941 года мы настойчиво учились военному делу, осваивали оружие, овладевали навыками ведения боевых действий в условиях дня и ночи. Доставалось нам крепко, но уральский характер, настойчивость, опыт наших командиров помогли нам изучить основы «науки побеждать». Перед отправкой на фронт в числе других мне было присвоено звание мастера прямой артиллерийской наводки. Хорошую военную выучку получили и все мои однополчане.

И вот в первой половине декабря 1941 года для нас, воинов-уральцев, наступила самая ответственная пора. Наша дивизия прибыла на фронт и с ходу вступила в бой под селом Пушкино на Калининском фронте. Нам предстоял трудный солдатский экзамен.

Помню, как наша пехота вступила в бой. Уральцы действовали отчаянно, храбро и смело. Враг сразу почувствовал, с кем он имеет дело. Нам, артиллеристам, выпала почетная задача — поддержать наступление пехоты. Собрал я своих товарищей и говорю:

— Ну что ж, друзья, покажем на деле, на что мы способны. Обстоятельства сложились так, что мы с вами бойцы первого орудия, первой батареи, первого дивизиона. Сделаем же так, чтобы и в этом бою мы показали себя как первые, а не последние.

Сейчас отрадно вспомнить, что наш орудийный расчет с честью справился со своей задачей. Мои товарищи наводчик Плотников, а также номера расчета Иванов, Баранов и Колчанов трудились самоотверженно, действовали четко, слаженно. Наши знания и практика, полученные во время учебы, оченьгодились. Ведя огонь с закрытой позиции, наша батарея сумела успешно выполнить поставленную командованием задачу — вместе с пехотинцами подавили живую силу и огневые средства врага в деревне Мишкино.

О результатах боевой работы мы узнали на второй день после боя. К нам в подразделение приехал начальник артиллерии дивизии, который стал наводить справ-

ки: какое орудие стреляло зажигательными снарядами. Ему доложили, что это было первое орудие первой батареи. Тогда он объявил мне и моим товарищам благодарность.

Первая схватка с врагом явилась хорошей боевой школой, она вселила в нас уверенность, подняла боевой дух.

Воюя с фашистами, мы в боевых условиях не прекращали учиться. Как сейчас помню такой случай. Прямо на фронт прислали нам новые орудия. Мы очень обрадовались. Это были хорошие 76-миллиметровые пушки. Нужно было в условиях фронта, в предельно короткий срок освоить стрельбу из них, знать их как свои пять пальцев.

Потрудиться пришлось немало, но изучали мы новые орудия с охотой, с особым рвением. Ведь это наши пушки, сделанные руками наших земляков. Уже к следующему бою мы их освоили в числе первых. Уральцы из своего же оружия метко разили врага.

Добросовестный солдатский труд не оставался незамеченным. О боевых делах орудийного расчета неоднократно писала фронтовая газета. Как-то приносят свежий номер. Читаем заметку «За один день». Оказывается, это о нас. Эту заметку я и до сих пор храню. Вот что там сообщалось:

«Два дзота с огневыми точками противника, фашистский штаб, минометную батарею, 76-миллиметровое орудие, один крупнокалиберный пулемет и три ручных пулемета, до двух взводов гитлеровцев уничтожили артиллеристы за день боя с противником.

Особенно отличились артиллеристы тт. Липанов, Никитин, Польшгалов, Ушаков, Сиротин, Крымский.

Они работали четко и слаженно, метко разили фашистскую нечисть».

Приятно было нам всем от таких слов.

В боях мы мужали, закалялись, а война подвергала нас все новым и новым испытаниям, причем каждое из них было все более сложным и суровым. Одно из таких испытаний было под Ржевом зимой 1941—1942 годов. Ожесточенные бои здесь не стихали ни днем ни ночью.

Фашисты предпринимали одну атаку за другой, вводили в бой свежие силы, непрерывно бомбили наши

позиции. Целый день над головами бойцов висели самолеты с ненавистной фашистской свастикой.

Наш артиллерийский дивизион выполнял сложную боевую задачу по овладению населенными пунктами МТС, Свекольная, Соломино, Лебзино, Нелидово. Бой длился несколько часов. Почти все строения в населенных пунктах были сожжены или разбиты. Но фашисты сдаваться не собирались. Перейдя к обороне, они особенно упорно отстаивали деревню Лебзино. Там у них были сосредоточены большие силы пехоты и много огневых средств.

Несколько раз пехотинцы и танкисты ходили в атаку на Лебзино, но сильный огонь противника не давал им возможности овладеть этим населенным пунктом. В разгар боя у нас произошел крупный казус. Расчет, которым в ту пору командовал я, на подступах к Лебзино расстрелял все снаряды. Как же быть? Даже малоопытному воину ясно, что в такой ситуации без артиллерии боевую задачу не выполнить.

Обстановка, таким образом, сложилась тяжелая. Выйти из такого положения нам помогла солдатская находчивость, без которой, как известно, на войне никак не обойтись. Быстро и внимательно оглядев подступы к деревне, я обнаружил брошенные немцами две противотанковые пушки, а неподалеку от них большой комплект снарядов. Вот это здорово!

Мгновенно родилось решение: взять немецкие орудия и снаряды и ими же колотить фашистов.

Но одно дело задумать, другое дело осуществить замысел. Едва только мы приступили к выполнению своего плана, как немцы сообразили, в чем дело, и открыли хлесткий пулеметный огонь. Но у нас другого выхода не было. Используя хитрость, ловкость, умение действовать быстро и находчиво, мы притащили немецкие пушки и снаряды, выбрали удобную позицию и стали готовить орудия к бою.

— Товарищ командир, — обратился ко мне один из моих бойцов, — посмотрите: на фрицевских пушках нет оптических прицелов.

— Ну что ж, ребята, выйдем и из такого положения, — сказал я им. — Ведь нас учили стрелять и без оптики. Вот и будем целиться по нижней направляющей канала ствола.

Я показал, как это нужно делать, сам стал за одно орудие, а за другое поставил товарища.

И мы приступили к делу. Наша испытанная в боях батарея вновь вступила в схватку с врагом, и немецкие пушки стали бить по гитлеровцам. Вскоре я убедился, что мы успешно накрываем снарядами одну за другой огневые точки врага.

Смелые действия артиллеристов воодушевили пехотинцев, они сделали еще один рывок вперед, и деревня Лебзино была в наших руках. Немцы потеряли еще одну опорную точку и господствующую высоту.

За солдатскую доблесть, проявленную в этом бою, командование в числе других представило и меня к награде. И вот 23 февраля 1942 года, в годовщину Советской Армии и Военно-Морского Флота, мне вручили первую боевую награду за солдатский труд — медаль «За отвагу».

Вскоре после этого о моей первой награде стало известно и на родине, в городе Перми. Начальник и комиссар штаба дивизии прислали моей матери и жене поздравительное письмо, в котором сообщили о моей первой правительственной награде.

С тех пор прошло много лет, давно окопы заросли травой, давно отгремели орудия. Но жаркие схватки с врагами я помню до сих пор, не забывая о своих товарищах, которые не жалея сил и даже своей жизни, совершали героические подвиги во славу нашей Родины. Горжусь, что был в их рядах и прошел с ними большой и тернистый путь войны.

Литературная запись *Е. Вахнова*.

Григорий Павлович Саламатов родился в 1910 году в Чайковском районе Пермской области. Член КПСС с 1930 года.

Семья была большая, одних ребятишек тринадцать человек. С ранних лет пришлось помогать родителям.

Учился с перерывами, но уже с 1932 года работал преподавателем Осинского педагогического техникума, затем — завучем Беляевской семилетней школы Осинского района и директором детского дома в городе Осе.

Службу в составе 359-й стрелковой дивизии в качестве начальника библиотеки дивизионного клуба, инструктора политотдела соединения и комиссара 1196-й стрелкового полка проходил с сентября 1941 года по февраль 1942 года.

Выбыл из дивизии по ранению. Затем снова на фронте в должности инструктора политотдела 78-й бригады 27-й артиллерийской дивизии. Капитан запаса Саламатов награжден двумя орденами Красной Звезды и медалями.

После войны Григорий Павлович находился на партийной работе. В настоящее время — директор Осинской райзаготконторы.

Все дальше и дальше уходят в прошлое суровые годы войны. Время, как терпеливый врач-исцелитель, зарубцевало кровавые раны, смягчило боль, притупило остроту трагических переживаний. И все же у нас, участников войны, навсегда останутся в сердце метки, стереть которые не дано никакой силе. Время беспомощно перед памятью людской, запечатлевшей все, что было на войне.

А было там всякое: победы и поражения, горечь и радость, минутная слабость и потрясающая сила духа.

...Передо мной — выцветшие от времени любительские фотоснимки военных лет, пожелтевшие вырезки из газет. Я редко заглядывал в этот альбом: жена убрала его подальше, чтобы не берeditь старые раны воспоминаниями. А сейчас перелистываю страницу за страницей и в памяти встают встречи с людьми, события тех страшных лет.

...Стояла осень сорок первого. Сентябрьским утром мне вручили повестку. Когда я вошел в приемную, меня встретил человек с худощавым, чисто выбритым энергичным лицом.

— Вы, товарищ Саламатов, направляетесь в политотдел дивизии, — сказал он мне. — Будете начальником библиотеки дивизионного клуба.

Начальником библиотеки?.. Война бушевала уже несколько месяцев. Люди спешили на фронт, на боевую работу. Именно спешили. Рвались в бой всей душой. И в это время меня назначили в библиотеку!

Признаться честно, такое сообщение раздосадовало меня. Правда, еще в годы срочной службы в армии на Дальнем Востоке в 1932—1935 годах мне приходилось заведовать библиотекой. Я был свидетелем громадного интереса наших советских людей к книге, жажды познания нового. Тогда я любил свое дело, гордился тем, что мне доверена пропаганда книги. Так то же было мирное время!

«До книг ли сейчас людям?»

Моя обеспокоенность не укрылась от внимательных глаз собеседника.

— Напрасно огорчаетесь, Григорий Павлович, — сказал он мне. — Во-первых, это не библиотека где-то на тихой улочке в мирное время, как вы себе представляете. Ваша библиотека, что называется, будет на колесах, и вы всегда будете на линии фронта. А книга? Книга нужна солдату, как воздух. Запомните это.

Эти слова мне потом вспоминались не раз и всегда я убеждался в их правильности.

Библиотеку я получил в самом деле небольшую, походную. Не велик был ее фонд: немного художественной и политической литературы, периодическая печать. Но уже на учениях солдаты крепко подружились с книгой. Едва успев умыться и наскоро перекусив, они просили:

— Товарищ лейтенант, дайте что-либо почитать.

Я приглашал зайти в библиотеку и подобрать для чтения свежие журналы, газеты.

— Мне бы стихи Маяковского, — попросил один из молодых солдат. — Люблю Маяковского.

К сожалению, я не смог удовлетворить просьбу этого парня.

Как уже говорил, художественной литературы в моей библиотеке было немного. Но через пару дней смог обрадовать солдата. Привез ему томик стихов Маяковского. С того дня, кажется, началась наша дружба. Молодой солдат стал часто навещать в библиотеку. За ним потянулись и другие. Любителей книги оказалось так много, что я не смог обеспечить их литературой. Выход подсказал мой новый друг.

— Товарищ лейтенант, разрешите в библиотеке организовать громкие читки, — сказал он.

Он подобрал наиболее активных ребят, договорился с ними. Получился своего рода совет библиотеки. Вместе мы и устраивали громкие читки. Помню, как бойцы, усталые после учений спешили в библиотеку. Особенный интерес вызвала небольшая по размеру, но такая громадина по заложенной в ней силе, книга Николая Островского «Как закалялась сталь». Читали ее по очереди. Потом мой новый друг стал читать ее тут же, в библиотеке, группе бойцов.

«Жизнь человеку дается один раз. И прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы...»

Голос чтеца зазвенел. Он остановился на минуту, обвел пристальным взглядом притихших солдат и как-то особенно торжественно произнес:

— Как верно сказал Островский! Как будто специально для нас.

— Для нас? Нет, это в укор нам сказано, — поднялся веснушчатый русоволосый боец. Вот вы лучше послушайте, что я вам прочитаю.

Он достал из кармана вчетверо сложенную вырезку из газеты.

— Это из «Комсомольской правды», — и стал читать:

«На мою долю выпало огромное счастье: в рядах героической Красной Армии с оружием в руках бороться против злейшего врага всей молодежи мира — гитлеризма. Я говорю — счастье, потому что нет большего удовлетворения, чем участвовать в великой борьбе народов против варварства и рабства. Я говорю — счастье, потому что нет большей радости, чем находиться в передовых рядах борцов за свободу, в рядах Красной Армии...»

Он на минуту остановился, посмотрел на ребят и продолжал:

«Гитлер думал, что никто не сможет положить конец военной прогулке его кровожадной армии. Он предательски напал на Советский Союз. Но перед полчищами фашистских зверей встала несокрушимая мощь единого, счастливого, вооруженного народа. На гигантский бой кинулась советская молодежь. В едином порыве, в священном вдохновении борьбы за свою свободу, за свое счастье, за освобождение человечества от кровавого кошмара идут в бой и на работу миллионы советских юношей и девушек.

Каждый день я вижу небывалые образцы героизма: в рядах Красной Армии, в партизанских отрядах, на земле, на воде и в воздухе. На заводах и в селах советская молодежь показывает такую решимость отдать все на защиту Родины, какой еще не видел мир. Советская молодежь знает: фашизм несет ей рабство и смерть. Она отвечает: «Нет!». Пусть же услышат это

гордое слово каждый юноша, каждая девушка Европы!
Молодежь всего мира, вот пример для тебя!

смерть героини Бжовицкой

БЕРИТЕ ПРИМЕР С ГЕРОЕВ!

Слава храброму, умелому воину парторгу роты Дунаеву!

Парторг роты красноармеец Сергей Дунаев в уличных боях показал исключительную храбрость и воинское мастерство. Он личным боевым примером и большевистским словом увлекает бойцов на славные ратные подвиги.

Вот один из многих примеров:

Шел бой за угловой дом. Силиться ни — значил выиграть славу, звать врага и выигрывать победу.

Иногда держась рукой под уральской шапкой, Тарас...
слезы, герой, расчетливый воин ног, лучший человек,
перелетел улицу. Это сделал Дунаев. А за ним пошли авто-
матички Чубарь, Бузарев, Зубенко, Шумки, и затем, подальше
от врага, и все красноармейцы.

Завершалась драка в доме. Бойцы прочно сидели на крыше
и подвале. Дунаев и туда пошел первым. Грозными и ог-
нем автомата он уничтожил там 5 немцев.

Еще не закончилась отсечка дома, и бойцы продолжали
драться героически. Дунаев сел на парточки и быстро на-
писал «листовку молнии» о подвиге Шумкина, Чубаря, Зу-
бенко и Бузарева. Это еще больше подняло боевой дух.
Дом был взят без потерь.

Успех боя решил личная отвага и мастер-
ство коммунистов и в первую очередь парт-
орга Дунаева, увлекшего бойцов за собой.

Слава герою-большевику!

Равняйтесь в бою по коммунисту парторгу роты Дунаеву!

Одна из листовок, выпущенная политотделом дивизии
в ходе боев.

Молодежь всего мира! Участник гражданской войны в Испании и боец Красной Армии, я говорю вам, юноши и девушки: перед нами выбор — свобода или смерть. Так выше голову в общей борьбе! Будем едины, будем мужественны, как один и мужественнен весь советский народ! Будем такими же героями, как каждый боец Красной Армии! С нами все свободные люди мира!»

Читавший перевел дыхание и прочел последнюю строчку — подпись под письмом в газете: «Лейтенант Рубен Ибаррури».

В комнате стояла напряженная тишина. Солдат сложил газетную вырезку и спрятал ее в нагрудный карман. И обращаясь к товарищам, произнес:

— Понимаете, это пишет лейтенант Рубен Ибаррури! По-ни-ма-ете! Испанец защищает русскую землю...

Что тут началось! Заговорили все разом, зашумели, заспорили. В комнату заглянул начальник политотдела Сидоренко.

— О чем спорит молодежь? — спросил он.

— В бой хотят, — сказал я.

— Ну, что ж, настроение, стало быть, боевое. Это хорошо. Скоро-скоро, товарищи бойцы, придет и наш черед бить фашиста.

И в самом деле, вскоре мы уехали на фронт.

Мелькают станции, полустанки, разъезды... Рыбинск. Здесь мы впервые услышали эхо войны. Видели налеты авиации, разрывы бомб.

...Вот и фронт. Лютый мороз. Зима сорок первого. Мы — на Калининском фронте. Идут жестокие, кровопролитные бои.

Нужно ли говорить, что значили в то время для солдата остроумная шутка, веселая побаска, уничтожающая ирония, метко сказанное слово?

— Солдату нужны книги и газеты наравне с патронами, хлебом и махоркой, — сказал мне как-то начальник политотдела Сидоренко.

Я согласился с ним. Был он человеком простым, веселым, общительным. Умел словом, вовремя сказанной шуткой подбодрить солдата, вселить уверенность в победу. Был всегда подтянут, чисто выбрит. По-украински любил задушевные песни, хорошо их исполнял сам. И хотя был строгим и требовательным, в политотделе любили батальонного комиссара. Меня в нем покоряла его неиссякаемая любовь к книге. Несмотря на свою громадную занятость, Сидоренко много и с увлечением читал, мог поддержать спор о художественной литературе, об искусстве. Не раз он говорил:

— Вот закончится война, сам книгу напишу. Это я вам точно говорю. Мы еще побываем с вами в Большом театре, посидим тихими вечерами в центральной библиотеке. За это стоит сражаться.

Да, сражались наши солдаты мужественно. В нашей дивизии я не видел трусов. В течение дня несколько раз стервятники с крестами на крыльях сбрасывали бомбы на наши позиции. Кругом шелкали пули, пахло гарью. Многие воины ранены, они в бинтах, некоторые уже не могли передвигаться, но не оставляли оружия.

Мы продвигались вперед. Наша дивизия освободила село за селом, деревню за деревней. Какое счастье войти в первую деревню, из которой выбиты немцы! Но как часто на месте сел и деревень мы заставляли одни пепелища. Там, где когда-то были красивые дома, одиноко стояли развалившиеся печи,

Помню, на окраине одного села увидели чудом сохранившуюся крышу не то амбара, не то сарая. Поспешили туда. То, что мы там увидели, заставило содрогнуться. На земле валялись растерзанные трупы троих детей. Самому старшему, видимо, не было и десяти. Солдаты стояли молча, обнажив головы.

Моя «библиотека на колесах» кочевала из полка в полк, из батальона в батальон, из роты в роту. Было у меня немало боевых помощников — настоящих пропагандистов книги. Некоторые из них, рискуя собственной жизнью, доставляли почту на передовые позиции. Особенно удалью отличался Саша, Сибиряк, как звали его солдаты. Не знаю, то ли фамилия у него была такая, то ли Саша был родом из Сибири.

Так вот, какой бы ни была обстановка, Саша всегда аккуратно доставлял почту. О Сашиной смелости славились в дивизии легенды. По-моему, о нем даже в дивизионной газете писали. Об одном случае из Сашиной жизни мне рассказывал мой земляк, комиссар полка Минаев.

Ночью, после похорон погибших, Минаев хотел немного отдохнуть. Только расположился ко сну, как подошел дежурный красноармеец.

— Товарищ комиссар, — сказал он, — посыльный пришел.

— Какой посыльный? — удивленно спросил Минаев. — Откуда?

Вошел небольшого роста красноармеец с сумкой и винтовкой.

— Откуда вы, товарищ боец?

— Из штаба дивизии, почту принес.

— Как же вы прошли, ведь дорога отрезана?

— Пробрался, товарищ комиссар. Километра четыре на пузе полз. Ночью наткнулся на немцев, пришлось прикончить одного.

Почту обычно мы передавали через связных. Иногда ее брали с собой командиры, комиссары, если им случилось в это время бывать в штабе дивизии. Бывало и такое, что письма, газеты и журналы доставляли на передовые позиции подносчики боеприпасов. А иногда, заполнив до отказа вещевой мешок книгами и журналами, я отправлялся на передовые позиции. С какой неподдельной радостью встречали меня солдаты!

— Ребята, налетай! — кричали они. — Духовная пища прибыла. Минута — и мой вещмешок, еще полчаса назад казавшийся непомерно тяжелым, был пуст. Книги шли нарасхват. Журналы — тоже. Читали здесь же, на передовой, пристроившись поудобней в окопе.

Друг мой, Иван Ефремович Минаев, любил литературу. Был он по призванию пропагандистом. В прошлом партийный работник, он и на фронте с большой партийной ответственностью относился к пропаганде книги, считал ее верным своим помощником. Часто проводил беседы с солдатами. Даже в короткие промежутки между боями брал в руки книгу, собирал людей и читал. Мои поручения — проводить громкие читки — выполнял охотно, с большой аккуратностью.

Я много раз вспоминал слова батальонного комиссара Сидоренко, убеждаясь в их справедливости. Да, солдату нужны книги и газеты наравне с патронами, хлебом, махоркой. Не случайно газеты «Правда», «Красная звезда», «Известия», «Комсомольская правда» зачитывались до дыр. Солдаты с нетерпением ждали их, хранили вырезки.

— Ну-ка, посмотрим, что пишет сегодня газета, — с такими словами солдаты смотрели очередной номер, ища знакомые фамилии писателей — Михаила Шолохова, Алексея Толстого, Ильи Эренбурга, Константина Симонова, Евгения Петрова, журналистов Григория Нилова, Петра Белявского, Льва Иж, Александра Кулакова. А журналистов из нашей дивизионной газеты солдаты знали в лицо. Частенько писали и сами в свою газету. Иногда командиры звонили сотрудникам редакции Чунтому или Мулеву:

— Слушай, братец, приезжай, — просил кто-либо из них. — Отличились наши вчера в бою. Надо бы рассказать. Здорово лупили фашистов.

И газетчики спешили в полк. А назавтра дивизия знала о своих смельчаках, героях боя.

Случалось, были сообщения о нашей дивизии, рассказы о наших людях и в центральной печати. Тогда подолгу не смолкали разговоры среди солдат.

Начальником библиотеки я был недолго. В январе сорок второго получил новое назначение — инструктором политотдела дивизии. Многих работников политотдела я уже знал.

Только тот, кто был на фронте, знает, что такое потеря близких, с которыми ел солдатскую кашу из одного котелка, хлебал горе из одной чаши. В одном из боев за село Соломино, мы, помню, не досчитали многих своих боевых друзей. Тяжело переживали их гибель. По-военному коротки были почести.

Нас, осинцев, было много в дивизии. Встречались мы нечасто, но короткие встречи были радостью, оставались в памяти надолго. Встречались мы как родные и первым делом интересовались: все ли живы? Остановил меня как-то земляк, говорит:

— Ты слышал?

— Ты о чем? — не понял я.

— Минаев убит...

Нет Ивана Минаева... Не расскажет больше Ефремович о своих детях, которых так любил. Не услышим больше его волнующих рассказов о родном прикамском крае. Сколько буду жить, никогда не забуду той минуты.

...В Осинском райкоме партии на самом видном месте помещен портрет Ивана Ефремовича Минаева. Здесь, до ухода на фронт, работал мой земляк. Товарищи свято хранят о нем память.

Немногим позже по ранению выбыли из строя Ефим Константинович Карташов, Александр Александрович Ушахин, Иван Федорович Копылов, Михаил Степанович Мазунин, Николай Тимофеевич Чекменев — тоже мои однополчане. А многие и умирали на поле боя. Потеряли мы и многих комиссаров батальонов.

Шел февраль сорок второго. В это время начальником политотдела дивизии был Владимир Ильич Воронин. По-моему, был он из Ярославля. Покорил нас своей исключительной душевностью, умением строить свои отношения с подчиненными просто. Необыкновенным спокойствием, железной выдержкой даже в самые тяжелые минуты он поражал всех окружающих.

Как-то раз меня пригласили к телефону. Звонил начальник политотдела Воронин.

— Убит комиссар стрелкового полка, — услышал я его взволнованный голос. — Политотдел решил направить в полк комиссаром вас, Григорий Павлович. Приезжайте сейчас же.

Через несколько минут я был в землянке, в которой

разместился командный пункт дивизии. Рядом с Ворониным сидел командир дивизии генерал-майор В. Р. Вашкевич. Они познакомили меня с командиром полка. И тут же заговорили о предстоящих делах.

— Обстановка такая, — сказал Воронин. — Идем на соединение с дивизией, попавшей в окружение. Необходимо встретиться с ней как можно раньше, поддержать товарищей, оказавшихся в беде. Вашему полку ставится задача — занять деревню Соломино, выбить оттуда фашистов.

Он развернул перед нами карту. Подробно и обстоятельно рассказал о предстоящей операции. Говорил он, как всегда, спокойно, и волнение, вначале охватившее меня, понемногу улеглось. Успокоенным, с бодрым настроением я и поехал в полк. Это было числа десятого февраля. А спустя четыре-пять дней к нам в полк на танке прибыли Вашкевич и Воронин. Побеседовали с солдатами, рассказали о задачах в предстоящей операции, пожелали успехов в бою. Уезжая, Воронин тепло, по-отцовски, простился со мной, пообещав:

— Вот проведете эту операцию и заберем мы вас снова в политотдел.

Этому, однако, не суждено было сбыться. Шестнадцатого утром мы пошли в генеральное наступление. От окруженных нас отделяли всего четыре километра. Но каких! Враг занял очень удобную позицию. Мы же были внизу, под горой. Фашистами был пристрелян каждый кустик. Стоило лишь поднять голову, как тут же раздавались очереди.

Продвигались вперед мы очень медленно, ползком, а если чуть приподнимались, то тут же приходилось снова ложиться на снег. Под страшным автоматным огнем двигались вперед. С воздуха на бредущем полете нас расстреливали фашистские самолеты. Их было не менее десяти, они дважды пронесли над наступающими цепями.

Обстановка была трудной, но люди не дрогнули. Медленно, но верно двигались к цели. Нас от противника отделяли уже считанные метры, и в этот момент меня ранило. Помню, как молодой солдат, совсем мальчишка (звали его Павлом, а вот фамилию позабыл) перетащил меня за небольшой холмик и все уговаривал не поднимать голову. Фашисты держали нас на при-

целё, вели такой страшный огонь, что Павлик долгое время даже не мог меня перевязать. Раненого меня завезли в политотдел.

— Вот и отвоевался, — неловко, через силу пошутил я.

Простился с товарищами, в последний раз говорил с Ворониным. Позже мне так и не удалось разыскать его.

Рана оказалась очень серьезной и меня отправили в Москву, а оттуда в Казань. Долечивался в Осинском госпитале. В июне же сорок второго был уже в Горьком. Прошел трехмесячные курсы подготовки политработников артиллерийских частей — и в Москву за назначением.

На всю жизнь останется в памяти день 9 октября 1942 года. В этот день я впервые видел Кремль и из рук Михаила Ивановича Калинина принял орден Красной Звезды. Эта дорогая награда мне была вручена за участие в боях на Калининском фронте.

Из Москвы отправился на фронт. Победа застала меня в Латвии. Отгремели, наконец, бои, пришел долгожданный день, когда люди свободно вздохнули полной грудью.

...У меня выросли дети, они получили высшее образование. Подрастают внуки. И как хорошо, что зарубки на сердце, память тех страшных лет, остались только у нас, старшего поколения...

Среди снимков военных лет я отыскал и тот, где мы сфотографировались в День Победы, под цветущей яблоней. Мы по-особому радовались ее цветению, радовались, как дети, чистому небу, пению соловья в саду. И как хорошо, что эта радость и сейчас с нами.

Литературная запись *М. Арбузовой*.

Василий Григорьевич Третьяков родился в 1920 году в селе Серга Пермской области. Член КПСС.

После окончания в 1935 году семилетней школы работал счетоводом, бухгалтером и заместителем главного бухгалтера Пермско-Сергинского отделения госбанка.

Военную службу в составе 359-й стрелковой дивизии комсомолец В. Г. Третьяков проходил с сентября 1941 и до конца войны. В июле 1946 года был демобилизован из рядов Советской Армии и до 1957 года работал главным бухгалтером Пермско-Сергинского отделения госбанка. В 1957 году по состоянию здоровья вышел на пенсию. В настоящее время — продавец сельпо в своем родном селе.

Старший сержант запаса В. Г. Третьяков награжден орденом Красной Звезды и четырьмя медалями, одна из которых «За трудовое отличие».

★ **В БОЯХ ЗА ГОРОД ЯРЦЕВО**
(Из фронтовой записной книжки)

В. Г. Третьяков

Когда я работал техническим секретарем политотдела 359-й стрелковой дивизии, мне приходилось иметь дело с донесениями, поступавшими от политработников частей. В них приводилось немало боевых эпизодов. Пользуясь этими сведениями, а также рассказами очевидцев, я вел нечто вроде дневника. Мне удалось сохранить часть своих записей, относящихся к тому времени, когда дивизия вела бои за освобождение города Ярцево. Их я и предлагаю вниманию читателей.

8 августа 1943 года. Сегодня дивизия получила боевой приказ о наступлении. Короткой передышке пришел конец.

В назначенный час подразделения выходят на исходные рубежи для наступления. Артиллерийские и минометные батареи в готовности, напряженно ожидают сигнала «Огонь!»

О чем же думают и о чем идут разговоры у бойцов в эти короткие минуты перед новыми боями?

— Мне не раз приходилось лицом к лицу встречаться с гитлеровцами на поле боя, — говорит старшина Н. Дудин, дважды удостоенный правительственных наград. — Плохо для гитлеровцев кончились эти встречи. Я уложил из своей верной трехлинейки 15 фрицев.

Ефрейтор 1198-го стрелкового полка М. Маслов выразил свои думы и чувства перед боем так:

— До моей деревни, где я родился и вырос, где пока еще хозяйничают фашистские изверги, — всего 20 километров. Там осталась моя семья: старушка-мать, пятеро сестер и младший братишка. Я жду минуты, чтобы за все отомстить проклятым гитлеровцам. Я иду освобождать тебя, моя семья, и клянусь беспощадно истреблять фашистскую нечисть.

— В боях с немецкими захватчиками, я трижды был ранен, — рассказывает рядовой Хамитов Ариткабай. Я иду сегодня в бой мстить за свою пролитую кровь, кровь наших братьев и сестер, за все страдания, причиненные фашистами нашему народу.

Артиллерист рядовой Т. Петрюк служит в оружейном расчете, которым командует сержант Тимонов. На боевом счету этого расчета 8 уничтоженных огневых точек врага, пять разрушенных дзотов, около сотни истребленных немецких солдат и офицеров. Рядовой Т. Петрюк заявил перед боем:

— За время отдыха в обороне мы еще лучше научились стрелять из пушки. Немцы сегодня испытают на своей шкуре, как умеют вести огонь советские артиллеристы. Вместе со стрелками, поддерживая их огнем и колесами, пойдем смело вперед до полной победы над врагом.

10 августа 1943 года. Идет третий день наступления частей дивизии. Противник сильно укрепился, оборона его глубоко эшелонирована. Сотни тонн снарядов, мин и реактивных снарядов обрушивается на противника. Он несет большие потери, но продолжает ожесточенно сопротивляться. Значительные потери несут и наши подразделения.

По всему участку наступления дивизии передний край обороны врага взломан. Бои идут в глубине обороны, один за другим подавляются очаги сопротивления немцев. Отходя, они оставляют прикрытие из автоматчиков, замаскированные орудия и огневые точки.

Над полем боя идут воздушные бои. То там, то тут, оставляя шлейфы черного дыма, падают сбитые самолеты и кострами догорают на земле. Который наш, который немецкий — порой трудно разобрать.

10 августа противник в течение дня пять раз предпринимал контратаки, пытаясь отбить захваченную нашим подразделением высоту, и каждый раз пулеметный огонь наводчика пулемета сержанта Василия Матросова заставлял врага откатываться на исходные позиции. Под вечер противник предпринял шестую контратаку, и в этот момент отказал пулемет. Сержант Матросов спокойно принялся устранять задержку. Немцы приближались, им оставалось пробежать каких-нибудь 50-60 метров до наших окопов. Но вот пулемет Матросова снова

заработал. Гитлеровцы вынуждены были отойти. Больше они уже не пытались вернуть высоту.

В этот день славный пулеметчик Матросов истребил более шестидесяти немецких солдат и офицеров.

12 августа 1943 года. Отважно и храбро сражаются воины частей дивизии. Донесения политработников полны фактов, свидетельствующих о мужестве и отваге солдат и офицеров.

Комсорг 1-го батальона 1198-го стрелкового полка гвардии лейтенант Пищулин во время атаки был ранен, но поле боя не оставил. Находясь на фланге батальона, он увидел, что немцы переходят в контратаку на соседнем участке. Подняв бойцов своего подразделения и соседней части, Пищулин нанес удар с фланга, в результате чего контратака немцев была отбита, они понесли немалые потери. За проявленную инициативу в бою командование полка представило Пищулина к правительственной награде — ордену Красной Звезды.

Командир 1-й стрелковой роты 1198-го полка гвардии лейтенант Заболотный получил боевой приказ: занять ротой высоту 208,0, закрепиться на ней и быть готовым овладеть особо важной для наших подразделений высотой «Безымянная».

С высоты 208,0 противник вел ружейно-пулеметный огонь, а справа из-за рощи он простреливал подступы к высоте двумя станковыми пулеметами.

Ознакомив с приказом личный состав роты и приданного пулеметного взвода, гвардии лейтенант Заболотный выдвинул роту на исходный рубеж для атаки. Учитывая наибольшую угрозу с правого фланга, командир роты усилил правофланговый взвод половиной приданных роте станковых пулеметов. Вторую половину пулеметов сосредоточил в центре боевого порядка роты, чтобы удобнее было совершать маневр огнем.

С выходом на исходный рубеж рота Заболотного стремительным броском выдвинулась вперед. В это время немцы контратаковали правого соседа роты. Заболотный немедленно принял решение — поддержать соседа. Правофланговый взвод развернулся и ударил во фланг контратакующей группе немцев. Направляющий первый взвод роты в это время решительно продвинулся вперед, угрожая противнику зайти в тыл. Видя это, гитлеровцы поспешно отступили в рощу.

Продолжая выполнять задачу, командир роты Заболотный выдвинул резерв станковых пулеметов для фланкирующего огня и сбил немцев с высоты 208,0. Противник, не ожидавший такого стремительного удара, откатился назад, а рота Заболотного, не задерживаясь на высоте, преследуя врага, на его плечах ворвалась на высоту «Безымянная». Штыковой удар завершил ее захват. Комсомолец рядовой Родионов водрузил на высоте красный флаг.

Закрепившись на новом рубеже, рота Заболотного успешно отразила четыре вражеских контратаки. Она удержала высоту «Безымянная» до подхода главных сил полка.

14 августа 1943 года. Бой продолжался весь день. Сдерживая напор наших подразделений, противник бросался в одну контратаку за другой. Наши бойцы держались стойко и каждый раз отбрасывали фашистов на их исходные позиции. Особенно яростной была последняя контратака. Гитлеровцы бросили против одного нашего подразделения превосходящие силы.

Вместе с другими бойцами в цепи находилась и ждала приближения немцев девушка-пулеметчица 1194-го стрелкового полка Люся Косоротикова. Цепь контратакующих гитлеровцев была совсем близко, но Люся огня не открывала. Солдаты, бывшие с ней рядом, несколько раз кричали ей:

— Начинай, Люся! Давай, Люся!

Напряжение росло с каждой секундой, но пулемет молчал. Только когда до бегущих немцев оставалось всего метров семьдесят, Люся нажала на гашетку. Гитлеровцы заметались по полю. Многие падали замертво, а бегущих настигали меткие очереди пулеметчицы. Теперь уже Люся кричала номерам своего пулеметного расчета:

— Ленту подавай, быстро, не мешкай!

Контратака немцев захлебнулась. Храбрость и выдержка помогли пулеметчице одержать победу.

Свыше пятидесяти истребленных гитлеровцев осталось лежать на поле боя — таков итог этого боевого дня героя-девушки.

15 августа 1943 года. «Будем сражаться, как партизаны Хадимуллин! Мы тебя никогда не забудем, товарищ лейтенант!»

Что же сделал этот воин, сын татарского народа, парторг батальона 1194-го стрелкового полка лейтенант Хадимуллин? Почему его имя, память о нем так чтут его товарищи по батальону?

Будучи смертельно раненным в бою, он до последней минуты жизни оставался с бойцами и призывал их громить врага беспощадно, мстить за павших товарищей. В ответ на призыв своего парторга роты батальона лавиной обрушились на противника, опрокинули его и овладели рубежом, который он занимал.

Узнав о гибели парторга, 19 солдат и офицеров батальона подали заявления о приеме в партию.

Отделение старшего сержанта Кирмана (1196-й стрелковый полк), следуя за разрывами снарядов нашей артиллерии, стремительно продвигалось вперед. Вот и немецкие траншеи. Оттуда затрещали автоматы немцев. Бойцы пустили в ход «карманную артиллерию», заставили замолчать гитлеровцев. Затем наши солдаты ворвались во вражеские окопы, завязалась рукопашная схватка.

Храбро дрались солдаты Пятин и Ванин, истребившие десять фашистов. Из-за поворота траншеи на Пятин бросились два немца. Пятин не растерялся: первого гитлеровца он принял на штык, а второго прикончил прикладом винтовки.

Сильный пулеметный огонь вели немцы с небольшой высоты, где у них был сооружен трехамбразурный дзот. Его огонь мешал продвижению нашим стрелковым подразделениям. Уничтожить этот дзот было приказано саперам.

Под прикрытием артиллерийского огня группа саперов в составе Д. Дашеева, В. Юшкова и Н. Данилко с трех сторон по-пластунски поползла к дзоту. Первым подобрался рядовой Дашеев. Он швырнул в амбразуру несколько гранат. Вслед за этим рядовой Юшков пополз к замолчавшей основной амбразуре и заложил в нее двадцать килограммов взрывчатки. Поджечь шнур было делом секунды. Саперы быстро отползли назад, а через минуту на высоте раздался сильный взрыв. Дзот с гарнизоном взлетел на воздух.

17 августа 1943 года. Бой длится уже несколько часов. Вышли из строя командиры взводов, тяжело ранен и командир роты. Парторг роты рядовой Дидарев принял командование. Собрав бойцов, он организовал оборону рубежа. Несмотря на численное превосходство противника и сильный огонь, Дидарев со своими бойцами удержал рубеж.

Командованием 1194-го стрелкового полка парторг Дидарев за проявленную инициативу и отличные действия в бою представлен к правительственной награде.

Вместе со стрелками в наступление шли бронбойщики и артиллеристы. Подразделение, которое они поддерживали своим огнем, выдвинулось вперед по отношению к своему левому соседу, сдерживавшему контратаки противника. Командир орудия сержант Холмов заметил, как появилось пятнадцать немецких танков, а за ними — до роты пехоты противника. По всему было видно, что гитлеровцы намеревались ударить по левому флангу.

Артиллеристы и бронбойщики немедленно пришли на помощь соседнему подразделению. Первым открыл огонь наводчик Адильбек Кашев. Несколькими снарядами он подбил головной танк. А сержанту Касьянову, командиру орудия, потребовалось сделать всего два выстрела, чтобы подбить вторую вражескую машину. Примеру артиллеристов последовали бронбойщики.

Немецкие танки повернули обратно. Сосед слева получил возможность продвигаться вперед.

18 августа 1943 года. В перерыве между вражескими контратаками от одного бойца к другому по цепи передавался небольшой лист бумаги. Это была листовка-«молния», написанная от руки. В ней парторг полка Мохначев и агитатор политотдела дивизии Дада Ашурович Раджабов рассказывали о героях сегодняшних боев...

«Бейте проклятых фашистов, как било их сегодня подразделение командира т. Осколок, уничтожившее 50 гитлеровцев. Берите пример с героев-минометчиков расчета сержанта Давлетова, отбившего три вражеских контратаки, снайпера Хохловой, истребившей за один день 19 гитлеровцев».

Листовку-«молнию» бойцы быстро перебрасывали друг другу, завернув в нее небольшой камешек. Она обошла всех пехотинцев, побывала на позициях пулеметчиков и минометчиков.

В тот же день минометный расчет Улетбаева беглым огнем из миномета уничтожил две пулеметные точки, 15 гитлеровцев и подавил огонь двух дзотов противника. Предпринятая немцами очередная контратака была успешно отбита. Преследуя отступавшего противника, подразделения полка продвинулись на новые рубежи.

23 августа 1943 года. Десять раз за этот бой обрывалась связь командного пункта с подразделениями. Десять раз старший сержант Демин вызывал рядового Галиева и говорил ему:

— На линии снова порыв. Ищите его на опушке леса, куда фрицы кладут мины.

Под разрывами мин и снарядов, ползком пробирался Галиев на опушку леса, пока не находил, где поврежден провод. Нелегко бывало найти другой конец провода, чтобы восстановить связь. Были за этот день случаи, что линию рвало осколками одновременно в нескольких местах. «Семь потов прольешь, пока найдешь концы и свяжешь их», — говорит Галиев.

— Линия рядового Галиева работает безотказно, — с похвалой отзывался о связисте командир его подразделения.

31 августа 1943 года. О том, как проходил бой в траншеях противника, рассказал участник этого боя ефрейтор Тишкин.

...Вчера наше подразделение получило приказ о наступлении. Ночью мы скрытно сосредоточились на исходном для атаки рубеже. Когда чуть-чуть рассвело, по сигналу бросились в атаку.

Вот и немецкая траншея. Перед тем, как в нее прыгнуть, бойцы забросали ее гранатами. Разделившись на группы по два-три человека, продвигаемся по траншее. Я действовал в паре с рядовым Павловым. Из-за поворота траншеи на нас неожиданно бросились четыре гитлеровца. Двух из них мы сразили автоматными очередями, а остальные, отпрыгнув назад, скрылись за поворотом траншеи, откуда открыли огонь. Затем я остался сторожить немцев в траншее, а Павлов незаметно выбрался на бруствер, прополз метров десять

и гранатами «обработал» улизнувших немцев. После этого мы беспрепятственно двигались дальше, а чтобы не попасть в ловушку, перед каждым поворотом траншеи делали маленькую остановку и «карманной артиллерией» обезвреживали следующее колено траншеи. Так же действовали и другие бойцы нашего подразделения...

Ничего не скажешь, здорово воюют наши ребята.

3 сентября 1943 года. Отступая под напором наших войск, гитлеровцы в бессильной злобе сжигают деревни и села, угоняют в рабство советских людей. На каждом шагу своего отступления они творят чудовищные преступления: вешают, расстреливают и сжигают живьем советских людей. На одной из дорог Смоленщины бойцы одного из подразделений дивизии нашли небольшой обрывок бумаги с наспех набросанными строками. Вот что было написано на нем:

«Здравствуйте, дорогие отцы, братья и сестры, подруги и друзья. Ждем вас с нетерпением. Нас угоняют от вас немцы-шкуродеры на запад. Мы идем и обливаемся слезами, не надеемся встретиться с вами.

Жители деревни Суетино».

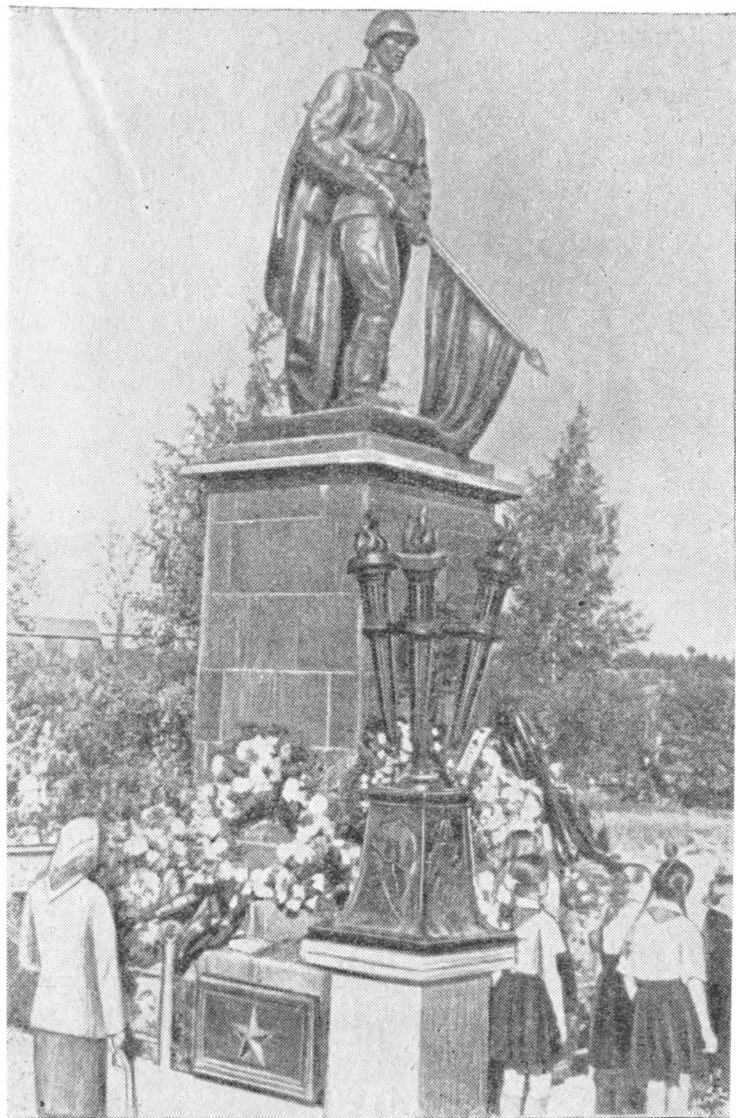
15 сентября 1943 года. Бои идут на подступах к станции и городу Ярцево Смоленской области. Части дивизии, ломая сопротивление противника, все ближе продвигаются к окраинам города. Артиллерия огнем прокладывает дорогу стрелковым подразделениям.

Гитлеровское командование понимало, что потеряв Ярцево, откроет ворота на Смоленск. Поэтому задолго до нашего наступления немцы вели большие работы по созданию вокруг Ярцево фортификационных укреплений. Оборона их здесь была глубокоэшелонированной.

Героически сражаются наши воины. Каждый день все новые факты отваги и мужества, проявленные в боях, становятся известными всему личному составу частей и подразделений дивизии.

Рядовой Шакура из 6-й стрелковой роты 1196-го полка в рукопашной схватке сразил двух фашистов. Шакура был сам ранен, но оставить поле боя отказался.

Рядовой Дмитрий Чехнов этого же полка из ручного пулемета сбил фашистский самолет. Командованием полка Чехнов представлен к правительственной награде.

Памятник воинам, погибшим при освобождении города Ярцево. (Снимок из музея боевой славы 1-й Ярцевской средней школы).

Комсомолец-сержант, командир отделения 1-го взвода 8-й стрелковой роты 1196-го полка Александр Байдуков во время атаки первым ворвался в траншею, увлекая за собой бойцов отделения. Он лично уничтожил двух немецких солдат. Получив ранение, Байдуков не покинул поле боя, продолжал командовать отделением.

Командир батареи 924-го артиллерийского полка капитан Горяйнов, будучи окружен на наблюдательном пункте пехотой и танками противника, вызвал огонь своей батареи на себя и погиб как герой. Памяти капитана Горяйнова посвящено стихотворение, написанное товарищем по оружию лейтенантом Пирожковым и напечатанное в дивизионной газете «Боевая красноармейская». Пусть оно не совершенно, но мне хочется его привести:

Нелегко мне, но я вспоминаю
На опушке смоленской лесной:
Русский сын капитан Горяйнов,
Вел с врагами неравный бой.
Его пушки бросались смертью
В наступающих фашистских зверей.
За народ, за страны бессмертье,
За замученных наших людей.
«Стоять насмерть! Назад — ни шагу!» —
Так народа приказ гласил.
Бил по скопищу немцев в овраге,
По танкеткам и пушкам бил.
Но враги просочились с флангов
И НП окружен его был,
Но Горяйнов ровной командой
На себя свой огонь открыл.
Долго била его батарея,
Разметая фашистский сброд,
Никогда не забудет героя
Наш советский герой-народ.

19 сентября 1943 года. Враг сметен и опрокинут! Город Ярцево и железнодорожная станция сегодня освобождены нашими войсками. Население радостно встречает своих освободителей. На улицах стихийно возникают митинги. Ярцевские ткачи благодарят наши части за освобождение города. Гремят прощальные салюты-залпы у братской могилы погибших бойцов и офицеров в боях за город.

Трофейные команды частей ведут сбор и учет захваченной военной техники, оружия, снаряжения.

Совинформбюро передало сообщение об освобожде-

нии нашими войсками города и железнодорожной станции Ярцево. Приказом Верховного Главного Командования объявлена благодарность войскам, участвовавшим в овладении городом Ярцево. За отличные боевые действия при освобождении города и железнодорожной станции Ярцево наша 359-я стрелковая дивизия удостоена наименования Ярцевской.

...359-я Ярцевская стрелковая дивизия продолжает наступление. Впереди — Смоленск!

Федор Ефимович Филиппов родился в 1918 году в Суксунском районе Пермской области. Член КПСС с 1939 года.

Трудовую деятельность начал в 1923 году. Работал избачом, председателем рабочкома и заместителем редактора газеты леспромхоза.

В 1937 году призван в Советскую Армию и находился в ее рядах в течение двадцати лет. Участник Великой Отечественной войны с первых ее дней. В составе 359-й стрелковой дивизии прошел боевой путь до Бреслау. За это время вырос от комиссара батареи до заместителя командира 924-го арtpолка по политчасти. За время войны был тяжело контужен и дважды легко ранен.

В мае 1945 году направляется на учебу на Высшие курсы усовершенствования политсостава, которые в октябре 1946 года успешно закончил и продолжал службу в Советской Армии. В 1957 году уволился в запас.

Подполковник запаса Ф. Е. Филиппов награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны II степени, Красной Звезды и тремя медалями.

В настоящее время работает заместителем председателя Суксунского райисполкома.

В конце трагического лета 1941 года оказался я в родном Прикамье, где комплектовались полки 359-й стрелковой дивизии.

Со мной, то ли как с младшим политруком, а скорей всего, как с уже побывавшим в боях, часто заговаривали люди, которые еще не успели привыкнуть к военной форме. Помню, тогда всех волновал один вопрос: «Правда, что фашист такой сильный?»

— Да, товарищи, враг силен и коварен, к тому же врасплох навалился, — отвечал я и рассказывал, как на границе с Восточной Пруссией, близ литовского города Таураге, погранотряд, в котором я служил тогда, первым принял бой. Пограничники дрались стойко, самоотверженно, но силы были неравными, и мы начали с тяжелыми кровопролитными боями отходить на северо-восток. Отряд таял на глазах. Гитлеровские колонны, словно им не было конца и края, рвались в глубь страны. Во второй половине августа, когда остатки отряда вышли из боя, я получил приказ: выехать на один из пунктов формирования в Пермской области.

Меня назначили политруком второй батареи первого дивизиона 924-го артиллерийского полка. В бесконечных заботах и хлопотах летело время, сколачивались подразделения. Вчерашние гражданские люди прямо-таки на глазах становились военными. Легко сказать: «становились». Занятия в поле начинались с рассветом, а кончались затемно. Там досконально изучали материальную часть оружия, проходили тактическую подготовку, там проводил я и политические занятия.

Седьмого ноября личный состав принял военную присягу. Помнится, в те дни в батарее выступил с докладом о двадцать четвертой годовщине Великого Октября. В только что родившихся партийных и комсомольских организациях проходили собрания.

Полк остановился в тихом Пушкино, но было понятно, что в резерве нам быть недолго.

Тяжелое было время. Люди находились в насто-
роженном ожидании. Поэтому настроение воинов больше
всего волновало нас, политработников.

В мирное время нас многому учили: как вести поли-
тическую работу в наступлении и обороне, на марше и
в разведке. Но одно дело — учебные будни, другое —
практическая работа в боевой обстановке, в которую
нам предстояло скоро окунуться.

От батарейцев то и дело можно было слышать: «Что
с Москвой?»

Никто не мог до войны и подумать, что Красная Ар-
мия окажется в таком положении. Я искал средства для
поднятия духа людей, чтобы они прониклись верой в на-
шу победу.

На одном привале, когда бойцы присели прямо на
снег, я повел разговор о Смоленском сражении, которое
задержало наступление фашистов на Москву. Говорил
артиллеристам о том, что хотя и подошли гитлеровцы к
столице, но они уже не такие, с какими довелось встре-
титься на границе, что им бока намяли.

Вскоре полк начал выдвигаться на передовую, а в
ночь на пятнадцатое декабря 1941 года первому артди-
визиону был отдан боевой приказ: поддержать огнем
наступление одного батальона 1198-го стрелкового пол-
ка. Командир дивизиона капитан Никитин кратко до-
вел суть приказа, поставил задачу и второй батарее.
Мы должны были помочь пехотинцам огнем прямой на-
водки уничтожить выявленные огневые точки противни-
ка, а на случай контратаки танков — вести борьбу с
ними.

С простыми и задушевными словами обратился к
офицерам комиссар дивизиона Иван Иванович Дени-
сов.

— Идите к бойцам и расскажите о предстоящем
бое. Каждый в расчетах должен твердо знать, что от
него требуется. Помните: мы — коммунисты, и с нас
спрос втрое за выполнение боевой задачи. Не забудь-
те хорошо накормить людей, проверьте еще раз готов-
ность к бою командиров орудий и наводчиков...

На рассвете ярко вспыхнули ракеты. Пехотинцы по-
шли в атаку без криков «ура». Они бежали к враже-
ским траншеям в белых маскировочных халатах.

Фашисты поначалу, чувствовалось, были в замеща-

тельстве. Не ждали, видно, наступления по такому глубокому снегу. Потом начали с остервенением огрызаться. Вскоре в контратаку пошли их танки.

— За Родину! За родной Урал! — слышались возгласы, и наша батарея открыла огонь.

Расчеты действовали собранно, сноровисто. Никто не дрогнул перед танками, хотя и ползли они по белоснежно угрожающими черными громадами. Я был у головного орудия и видел, как артиллеристов полностью захватил порыв первого боя. Пахло терпко пороховой гарью, а я улавливал еще и еле различимый запах раскаленного металла.

Закрепляя успех пехотинцев, вторая батарея начала выдвигаться вперед. Барахтаясь в снегу, расчеты, что называется, несли орудия на руках. С новой позиции батарея продолжала подавлять огневые точки врага, вела огонь по танкам, угрожавшим стрелкам флангового батальона 1198-го полка.

Только к вечеру стих бой. Ночью немислимо было двигаться по заснеженной местности. И только теперь бойцы замечали, что их мокрые от пота шинели парили на декабрьском морозе.

После боя первое дело политработника — рассказать об отличившихся. Тут уж ни об одном смельчаке нельзя умолчать. Рассказывал бойцам не только о решительных и умелых действиях огневииков. Смелостью и отвагой отличился молодой коммунист младший сержант Аврусский. Он трижды восстанавливал связь под минами и пулями врага. Не обошлось и без шутки.

Помнится, вечером Аврусский подошел к орудью младшего сержанта Репина и сказал:

— Вот и все! Вынесли, братцы, эту страсть, и ничего. Когда я пошел первый раз искать, где порвало провод и рядом грохнула мина, мне почудилось, что пришел конец...

Командир орудия спросил его с улыбкой:

— А как портки, менять не надо?

— Нет, — тоже с улыбкой ответил Аврусский, — с портками все обошлось, а вот каску посеял и пришлось обратно махать за нею. Добрался, а фашист как даст, как даст. Ну, думаю, теперь уже точно: конец. Но, как видите, все на месте, и портки замены не требуют...

Батарейцы смеялись, а я думал: коль люди шутить не разучились, значить драться будут крепко.

Более четверти века минуло с тех пор. Многое позабылось, стерлось в памяти. Запомнились фамилии, названия населенных пунктов, которыми, как вехами, был отмечен боевой и долгий путь 924-го артиллерийского полка. Но никогда не забыть дорогих моему сердцу лиц однополчан, никогда не забыть тревог и хлопот, которыми я жил на войне.

Первый бой прошел в основном успешно. Уральцы достойно выдержали испытание. Были, конечно, и недостатки. В пылу боя некоторые командиры орудий пытались разделаться и с целями, по которым им задачу не ставили. Увлечшись побочными целями, артиллеристы могли нарушить взаимодействие с тем стрелковым подразделением, которое как раз и должно надежно и непрерывно поддерживать огнем. Командир батареи обратил самое серьезное внимание на эту сторону дела.

«Нужно в перерыве между боями пригласить пехотинцев на огневую позицию, чтобы рассказали, как поддерживали огоньком. Да и артиллеристы пусть сходят в окопы, покурят со стрелками, узнают хорошо друг друга. Словом, пусть взаимодействие продолжается и в часы затишья», — рассуждал я про себя, пока командир батареи беседовал с командирами орудийных расчетов.

Ночь после первого боя скоротали в добротных землянках, которые отбили у гитлеровцев. А утром — снова бой.

Фашисты все упорнее держались за каждую траншею, дзот. Я был в расчете младшего сержанта Репина, когда на отдаленном взлобке показались первые танки. Гул их моторов потонул в грохоте орудий второй батареи, и взлобок скрылся за взметнувшимися столбами земли и снега.

Вечером, когда на поле догорали еще фашистские танки, мы хоронили земляков на опушке леса. Прост и скромн был воинский обряд... На могиле товарищей мы поклялись беспощадно бить фашистов.

Наши бойцы крепкими нитями были связаны с родным Уралом. Батарейный почтальон у нас не дремал. Хорошие письма были крепким подспорьем во всей политработе с людьми. Но письма бывали разными.

Однажды повнимательнее присмотрелся к пожилому бойцу Осокину. Всегда степенный и сдержанный, расположенный к доброй шутке, стал он вдруг вспылчивым, замкнутым, молчаливым. Все норovil уединиться и служба у него пошла ни шатко ни валко. А причина была та, что письма жены растревожили его. Сетовала она на нужду, на тяготы семейные.

И вот, написал я его жене на Урал. Она ответила, рассказала в письме, что семья большая, а трудности все легли на ее плечи. Местные организации помощи не оказывают.

Написал я и второе письмо. Теперь уже в «местные власти». Как вскоре узнал, крутые слова до товарищей в тылу дошли и они оказали помощь семье солдата. Кроме того, собрали мы, командиры и политработники, полторы тысячи рублей и отправили переводом жене Осокина. С Урала начал он получать бодрые письма. Глаза Осокина потеплели.

Сердца людей особенно радовались, когда из глубокого тыла приходили посылки. Мы старались подарки распределять всем поровну. А я, в свою очередь, непременно рассказывал о героях тыла, которые недосыпали, недоедали, отказывали себе в необходимом, чтобы в окопах фронтовика ни в чем не испытывали нужды.

В одной посылке был вложен батистовый носовой платок. Гладью по нему были вышиты слова «Молодому храброму воину».

Вручили этот подарок молодому разведчику Цыганкову, которого артиллеристы по-дружески называли Цыганком.

Разведчик завел переписку. Батарейцы шутили:

— Ну, наш Цыганок нашел судьбу на Алтае. После войны поедет на свадьбу.

Молодому разведчику наскучило писать одно и то же: «Здравствуйте, дорогие товарищи» и он попросил фотографию автора писем, надеясь, что им окажется славная дивчина. Ответ ждал с нетерпением.

Наконец, пришло ответное письмо. В это время Цыганок был на задании. Кто-то из друзей, сгорая от любопытства, вскрыл аккуратно конверт и вынул фотографию. На ней был запечатлен степенный и бородатый колхозник. Из письма выяснилось, что посылку собирал старый пчеловод, а письма писала под его диктовку его

внучка-пятиклассница. После сердечных приглашений в гости, они обычно подписывались фамилией во множественном числе. Конверт так же аккуратно заклеили и вечером в землянке торжественно вручили Цыганкову.

Разведчик отошел в сторонку и вскрыл конверт. Артиллеристы украдкой посматривали на него. Когда он осторожно спрятал конверт в карман гимнастерки, признанный всеми шутник и весельчак рядовой Митюшкин подошел к нему и с ехидцей спросил:

— И что тебе пишет невеста? Дал бы хоть глянуть. Небось, загляденье?

В землянке раздался хохот.

— Слышал, с медком нашел невесту, — привязался Митюшкин.

Цыганков покраснел, вылетел как пуля из землянки.

Долго потом пришлось его уговаривать, чтобы он отвечал на письма старого пчеловода. А Митюшкина не только пожурил, но и наказал. Пересолил он. Жили мы на фронте на виду друг у друга, никто не таился, но это не означало, что можно вскрывать и письма товарищей. Ведь тот же Цыганок, может быть, на другой день сам рассказал бы о курьезном случае с колхозным пчеловодом. Надеюсь, Митюшкин не был на меня в обиде.

Наказывать на фронте вообще приходилось очень редко. Если и случались отступления от правил службы, то для устранения недостатков вполне хватало твердого, но спокойного слова.

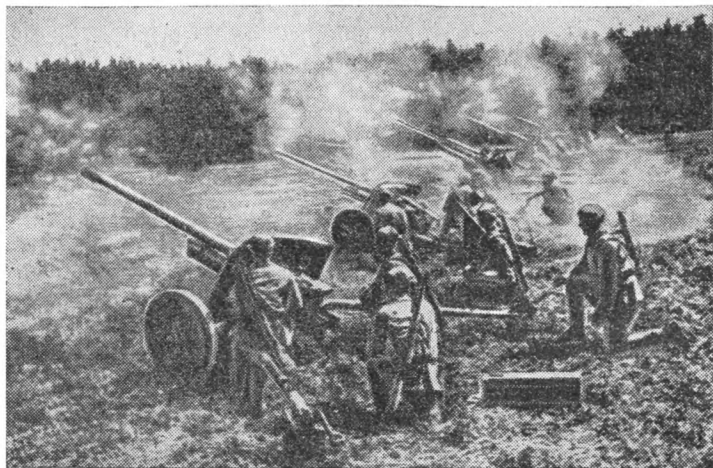
Разговаривать с подчиненными на фронте окриком, грубо — последнее дело. Люди так выматывались на огневых позициях, что им на пользу шло только теплое слово. Знал я эту истину, но, чего греха таить, бывало, срывался.

Когда уже были на подступах к Ржеву, назначили меня комиссаром дивизиона. Выдалось как-то затишье на нашем направлении, и нас с командиром дивизиона вызвали на совещание в штаб дивизии. Выслушали нас. Потом сделали разбор политической работы, проводившейся в подразделениях. А в конце учинили «разнос». Особенно досталось мне. Ругали меня за то, что старшина дивизиона вовремя не накормил людей.

Только пришел в дивизион, сразу же в хозяйственный взвод. Спрашиваю:

- Где старшина Витушкин?
- Ушел, товарищ комиссар.
- Куда? — допытываюсь я.
- На батарею прямой наводки.

Помню, не стал ужинать, взял ординарца и отправился на поиски. Добрались до батареи в два часа ночи.

Артиллеристы ведут огонь по Бреслау. (Снимок сделан весной 1945 года. Фото старшины А. Г. Мальцева).

— Стой! Кто идет? — остановил часовой на батарее. И в это время из ровика выходит Витушкин. Не дослушал его рапорта, принялся отчитывать. Долго «внушал». Все в кучу свалил. Вдруг слышу: «Товарищ комиссар, вас к телефону вызывают». Я по голосу сразу узнал, что слова эти сказал комиссар полка Матвеев. Понял, что, оставаясь незамеченным, он слышал мой «любезный» разговор со старшиной.

Комиссар выслушал мой рапорт, и мы направились к землянке. Не дойдя до нее, свернули. Когда сзади стихли голоса артиллеристов, он мне на плечо положил руку и тихо сказал:

— Я был о тебе другого мнения. Зачем же горячку пороть?

И хотя впереди часто постреливали фашистские пулеметчики, я очень хорошо слышал эти слова. А он продолжал:

— Вовремя, оказывается, подоспел... Запомни, Федор Ефимович, если ты кем-то и чем-то расстроен, то никогда с дурным настроением не ходи к бойцам. Не показывай людям свою злость. Они обращаются к тебе в самую трудную минуту, доверяют самое сокровенное. Вот ты сейчас распек старшину. Он даст нагоняй командирам орудий. Те — бойцам. А, боец, спрашиваю, на ком душу отведет? С подчиненных надо требовать, им надо приказывать, но их никогда нельзя оскорблять вот такими нотациями.

Как мне было не согласиться с этими словами старшего товарища, боевого и уважаемого мною комиссара?

У Витушкина я попросил извинения, и к людям потом всегда шел только с добрым сердцем.

Когда позволяла обстановка, в праздничные дни мы собирали артиллеристов в самой большой землянке. После доклада зачитывался приказ с объявлением благодарностей отличившимся. Был у нас и свой коллектив художественной самодеятельности.

Землянка сотрясалась от хохота, когда выступали свои доморощенные артисты Васильев, Пирожков, Коля Завьялов — комсомольский вожак дивизиона. Васильев вел программу, Пирожков танцевал, Коля Завьялов пел. Они выступали не только перед артиллеристами, но бывали не раз любезно приняты и пехотинцами. На баяне играл наш земляк из Кунгура, артиллерийский мастер Мельников. Любили бойцы слушать его баян, а особенно песенку про Гитлера. В ней были такие крепкие слова, от которых, по мнению артиллеристов, фюреру должно было отрыгиваться не меньше месяца.

Концерт самодеятельности обычно завершался коллективным исполнением любимых песен. Пела вся землянка «По долинам и по взгорьям», «Варяга» и, конечно, «Катюшу». Становилось легче на душе после таких вот вечеров в нашей землянке-клубе...

В бою шли политработники туда, где складывалась наиболее напряженная обстановка. Однажды задержалось продвижение батальона 1196-го стрелкового пол-

ка. Нашему дивизиону необходимо было немедленно подавить минометную и артиллерийскую батареи врага, подразделение автоматчиков.

Командир дивизиона решил выдвинуть на прямую наводку огневой взвод коммуниста младшего лейтенанта Михаила Ивановича Липанова, уроженца Перми.

Командир взвода понимал, что катить по глубокому снегу орудия прямой наводки под носом у фашистов — задача тяжелая, опасная. Понимали это все бойцы. Перед командой: «К орудиям!» по доброму русскому обычаю присели на снег.

— Пора, товарищи! — сказал Михаил Иванович, и мы пошли.

Фашисты пока молчали, не разобрались еще видно, что намерены делать русские артиллеристы. Мы уже успели навалиться огнем на минометную батарею, когда они открыли ответный огонь.

Завязался кровопролитный бой. Расчеты наполовину поредели, но наш огонь не слабел. Каждый работал за двоих, за троих. Снег вокруг орудий почернел.

Помню, минометную батарею мы подавили минут за пять. Потом всеми орудиями обрушились на артиллерийскую батарею. Полностью уничтожили два орудия. Фашисты не выдержали и побежали.

Коммунист Липанов был тяжело ранен. Уже истекая кровью, он встал на место убитого командира орудия и продолжал вести огонь по врагу. Мы наскоро перевязали его после боя и отправили в санитарную часть.

Вспоминается и такой боевой эпизод. Однажды февральской ночью в сорок третьем году на наших позициях появился голодный и оборванный мальчонка. Пока он жадно поглощал содержимое солдатского котелка, мы узнали страшную историю. Оказывается, гитлеровцы согнали около ста его односельчан в церковь, закрыли окна и двери, обложили ее соломой и полили бензином. Фашисты грозились сжечь заживо стариков, женщин и детей.

— Дяденьки, миленькие, спасите маму, сестренку, спасите скорее наших людей, фашисты подпалят церковь, — рыдая, просил нас мальчик.

— Кто пойдет со мной?

— Все, товарищ капитан, — раздался в землянке голос старшины Витушкина.

Группа выстроилась.

— Беру добровольцев. Кто не успел отдохнуть, шаг назад!

Строй не шелохнулся. Сборы были недолгими. Розданы патроны, гранаты, проверено оружие. Напоследок командиру первой батареи приказал прикрыть отход в случае неудачной атаки села.

Сплошной линии фронта на этом участке не было и, пройдя мелким кустарником около полутора километров, мы благополучно добрались до окраины села. Приглядываясь к хаткам, к школе и к злополучной церкви, договорились атаковать гитлеровский гарнизон одновременно с двух сторон. Разделились на две группы. Во второй назначил старшим Витушкина.

Это была дерзкая ночная атака. Враг был застигнут врасплох. Спасенные обнимали, целовали нас, благодарили и плакали от счастья. Отправил посыльного в стрелковый батальон, и на рассвете в село вошли пехотинцы.

Еще одно село было освобождено от фашистов.

В ночной атаке погиб смертью героя старшина Витушкин. В моем сердце навечно осталась еще одна горестная зарубка.

В составе 359-й стрелковой дивизии 924-му артиллерийскому полку выпала честь освободить город Львов.

К этому моменту я вступил в должность заместителя командира полка по политической части, и у меня, разумеется, забот прибавилось, хлопот стало больше.

Нам предстояло поддерживать стрелковые подразделения в узкой полосе наступления, шириной всего лишь в триста метров. Из этого следовало, что насыщенность артиллерией создавалась очень высокая.

В короткие сроки надо было выбрать огневые позиции, замаскировать орудия и скрытно подвезти многие тонны снарядов.

Выполнение боевой задачи усложнялось тем, что почти ежедневно под Львовом приходилось вступать в стычки и добивать бродячие группы фашистов, кото-

рым просто посчастливилось избежать котла в районе города Броды.

Большое внимание командир и весь наш штаб уделили подразделениям тыла полка. Партийная и комсомольская организации взяли под особый контроль подвозку боеприпасов.

Всю подготовку к бою на огневых позициях, в целях маскировки, выполняли ночью. Фашисты нервно стреливали. Они чувствовали, что здесь готовится наступление, и усилили огонь по дорогам и оврагам. В воздухе непрерывно висели «юнкеры». Особенно ретиво гитлеровцы обстреливали один просматриваемый ими участок дороги, идущей от артиллерийских складов к нашим огневым позициям.

Вот на этот участок и были поставлены заместитель командира артдивизиона по политической части капитан Янович и секретарь комсомольского бюро полка старший лейтенант Николай Завьялов. Они сидели в кабины машин рядом с шоферами, личным примером и отвагой воодушевляли водителей, а те ухитрились невредимыми проскакать это опасное место. Каждый раз после доставки снарядов, наши бесстрашные «лоцманы» снова возвращались на «место смерти», как успели окрестить шоферы этот участок дороги.

На рассвете началось. Огневой вал обрушился на головы гитлеровцев неожиданно...

В тех жарких июльских боях мужество проявил весь личный состав полка. Гитлеровцы беспрестанно бомбили, мы теряли людей, но огонь полка не ослабевал. Особенно отличился расчет сержанта Репина.

Наводчик и заряжающий погибли, но на их места встали другие номера. От непрерывной канонады и грохота у людей текла из ушей кровь. Пороховой дым, свист осколков вражеских бомб и облака пыли, стоны раненых — ничто не могло поколебать этот расчет. Командир орудия Репин стал и наводчиком. Словом и делом сержант-коммунист воодушевлял бойцов. Репинцы только в одном бою подавили две минометные батареи, три пулеметных точки, два наблюдательных пункта врага.

Июльским днем советские танки пошли по улицам города. А ночью в освобожденный город вступил и наш

полк, которому вскоре было присвоено почетное наименование Львовский.

Фашисты цеплялись за каждую высотку, населенный пункт, развилку дорог. Километрах в пятнадцати за городом нас внезапно атаквали. Я тогда находился в дивизионе майора Журавлева.

С ходу развернули седьмую батарею и открыли огонь. Снарядов — в обрез. Когда выпустили последний, взялись за карабины и пистолеты. Отходить было уже поздно. Мы готовились к рукопашной схватке.

Фашисты с криками приближались к нам. И вдруг в этот критический момент на полutorке со снарядами примчался командир роты автобатальона капитан Иван Никитович Денисенко. Прямой наводкой, почти в упор мы начали расстреливать наседавших на нас фашистов.

После короткого, но тяжелого боя, мы просто не знали, как благодарить нашего спасителя.

— Да что вы, ребята, при чем здесь я? Вот шофера благодарите, он на виду у фрицев гнал как герой! — скромно ответил Иван Никитович.

Из этого случая пришлось извлечь урок. В своих беседах с людьми я напомнил им о бдительности, призывал не расхолаживаться.

Надо было срочно собрать политсостав полка, агитаторов, чтобы они в каждом взводе и батарее провели беседы о великой миссии нашей армии за рубежом родной страны.

Вечером в полк из политотдела дивизии приехал капитан Иван Иванович Денисов. Он помог провести хорошо и интересно инструктаж с политсоставом полка и агитаторами. В подразделение полка пошли и мы с ним.

Бойцы с большим вниманием слушали беседы о Польше, о ее трудолюбивом народе, о польских коммунистах. Мы рассказывали о том, что наша армия вступает в Польшу как освободительница польского народа от фашистской тирании, что поляки с радостью встречают советских воинов. Мы рассказали бойцам, что на польской земле в лагерях смерти среди узников всех националь-

ностей томятся и наши советские люди, что они с нетерпением ждут часа освобождения.

Вскоре после того, как дивизия вступила в пределы Польши, в тяжелых боях были освобождены города Жешув и Дембица и другие населенные пункты. Затем в составе своей дивизии полк продолжал наступать в предгорьях Карпат, расчищая огнем путь нашей пехоте к границе Чехословакии.

Начальник политотдела подполковник А. М. Кузьмин вручает партийный билет. (Снимок сделан в Бреслау).

Легких боев не было. Враг, чувствуя приближение гибели, сопротивлялся все упорнее. На пути встречались стремительные горные речушки с разрушенными мостами. Горы и леса позволяли фашистам создавать неприступные оборонительные рубежи.

Ожесточенные бои на польско-чешской границе завязались за гору Явира. Фашисты стремились задержать нас на этой сильно укрепленной линии. Свои войска они усилили специальными частями горных егерей. Гора Явира в этом укрепрайоне возвышалась прямо-таки неприступным бастионом. Каждый метр отвоеванной у врага земли стоил нам многих усилий и немалых потерь.

Вести прицельный огонь по фашистам мешала сама гора и дремучие лиственницы. Командир полка майор

Федор Григорьевич Юденко собрал офицерский состав. Разговор был кратким: любыми силами и средствами надо было за ночь поднять на соседнюю гору четыре орудия.

По его совету я отправился в подразделения тыла полка, чтобы там отобрать на помощь артиллеристам человек двадцать. Командир, конечно, понимал, что много там не возьмешь. Правда, бойцы были хотя и пожилые, но с большим опытом и, главное, крепкие духом.

Помощником командира полка по тылу был коммунист, бывший конногвардеец полка Стеньки Разина Иван Григорьевич Басков. Это был дисциплинированный, всегда подтянутый офицер. Правда, водилась за ним одна слабость: любил он иногда шегольнуть рискованным выездом под пулями и снарядами на своем белом красавце-скакуне, за что не раз получал замечания от командира полка.

Вечером в сопровождении ординарца я добрался до тылов полка. Иван Григорьевич отстаивал каждого писаря, портного, повозочного и оружейного мастера. Он мне доказывал, что без каждого из них ему, ну, прямо-таки, никак не обойтись. Но неотложное задание не позволяло вести дебаты. Мы были оба коммунистами, и должны как можно быстрее выполнить приказ командира. Вскоре люди были подобраны и во главе с Иваном Григорьевичем выстроены перед землянкой.

В эту команду вошли: старший писарь отдела продовольственно-фуражного снабжения Юнко, рядовые Пустынин, Ковалевский, Стрелков, Комаров, оружейный мастер Андреев, арттехник Порывай, старший писарь от дела артснабжения Потаруев, командир транспортного взвода лейтенант Хритин и другие.

Все двадцать один человек к полночи были уже на батарее.

Трудно передать словами, как солдаты поднимали пушки на крутую гору. Добрую половину этого изнурительного пути тащили их на руках. Люди измотались вконец, но пушки, хоть и медленно, двигались вперед.

Приказ был выполнен. К рассвету орудия установили на огневые позиции и привели их в полную боевую готовность.

Дерзким штурмом стрелковые подразделения, под-

держиваемые нашим крепким огоньком, овладели горой Явирой.

Так наши славные тыловики помогали огневикам, когда в боевых расчетах не хватало людей.

На помощь батарейцам не раз приходили и другие бойцы. Однажды, на второй батарее я вызвал старшину и приказал отправить горячую пищу расчету орудия, которое уже сутки стояло на прямой наводке. Подходы к орудию в четырехсотметровой полосе просматривались противником. Эту полосу можно было преодолеть только по-пластунски, чтобы потом ложиной достичь опушки леса, где замаскировались смельчаки.

Доставить приварок, по которому истосковались артиллеристы, вызвался помощник повара, фамилию которого, к сожалению, запомнил. Спрятав хлеб в противогазную сумку, пристегнув к поясу фляжку с водкой, взгромоздил он на спину термос с горячим борщом. С автоматом в руках отправился к огневикам.

С легким ранением в ягодицу он скоро вернулся назад. Термос был пробит тремя пулями, борщ вытек. И все-таки он опять вызвался прорваться к орудию, когда перевязали ему царапину. На этот раз обед был доставлен.

Артиллеристы тепло благодарили смельчака и обратный путь его так прикрыли, что фашисты не решались поднять головы, чтобы наблюдать за просматриваемой ими полосой.

Фронтвики знали цену хлеба и котелка приварка.

Литературная запись А. Лавренченко.

Михаил Степанович Орлов родился в 1908 году в Кунгурском районе Пермской области. Член КПСС с 1940 года.

По окончании в 1939 году Пермского рабфака, призван в армию и принял участие в боях на Халхин-Голе.

В 1940 году вернулся в Пермь и продолжал учебу в учительском институте. В сентябре 1941 года вновь был призван в ряды Советской Армии и направлен на должность помощника командира 1198-го стрелкового полка по материально-техническому обеспечению, прошел боевой путь от Калинина до Бреслау.

Майор запаса М. С. Орлов награжден орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды и двумя медалями.

В послевоенные годы М. С. Орлов пятнадцать лет работал директором семилетней школы № 13 в г. Кунгуре, затем — директором школы в Полве Кудымкарского района. Ныне он — заведующий учебной частью этой школы. Коммунисты колхоза «Новая жизнь» не раз избирали его секретарем парторганизации, семь раз он избирался депутатом сельсовета.

В годы войны М. С. Орлов вел боевую летопись полка, входившего в состав 359-й дивизии. Вниманию читателей мы и предлагаем его фронтовые записки.

Дни становились короткими. Редко просвечивало сквозь свинцовые тучи солнце. Утрами и под вечер в низины и на луга ложился серовато-белый туман. Был на исходе сентябрь 1943 года.

Наш полк воевал на земле Смоленщины, в западной ее части, километрах в десяти от границы Белорусской республики. В этом районе верховье Днепра протекает с востока на запад. Параллельно реке проходит железная дорога Смоленск — Орша и асфальтированная автомобильная магистраль Москва — Минск. С севера на юг несет воды Малая Березина — правый приток Днепра. Ширина ее в ту дождливую осень даже при разливе не превышала 10—15 метров. Правый берег Малой Березины крутой, возвышается местами до десяти метров. Левый берег низменный, кое-где заболоченный. Глубина реки два метра. Ни одного брода. Мост гитлеровцы взорвали.

Немецкие захватчики, измотанные полуторамесячным отступлением, окопались на правом берегу Малой Березины, где заранее построили железобетонные укрепления, пулеметные точки. Фашистское командование полагало, что эти укрепления обеспечат огневое прикрытие их основных сил, расположенных за непроходимым трехкилометровым болотом Радомский мох.

Подразделения полка в 3 часа ночи из деревни Липово передислоцировались в Шеревичи и Парули, расположенные на левом берегу Малой Березины, севернее автострады Москва — Минск. Раннее утро сопровождалось похолоданием.

Саперный взвод полка под командованием лейтенанта Гринева попытался сделать плот для переправы через реку, но подвергся сильному пулеметному обстрелу, имел потери. Тогда командир полка майор Загребин вызвал командира взвода пешей разведки лейтенанта Покровского и приказал ему найти брод.

— Направьте в разведку не более пяти человек самых опытных и смелых, — сказал майор лейтенанту.

— Я бы рекомендовал для этого дела Хозова, Васильева, Бушуева, Олейникова и медсестру Таню Васенину, — заметил начальник штаба полка майор Мурашко.

— Разрешите пойти мне самому и, кроме названных товарищей, взять еще и Рудакова, — попросил лейтенант.

— Рудакова поберечь надо, не молодой уже он, — возразил Загребин.

— Старина Рудаков — отец разведчиков. Что скажет, так оно и сбудется. Это наш первый советчик, — отстаивал свое мнение Покровский.

— Сколько Рудакову лет? — спросил Мурашко.

— Сорок два.

— Вы же вброд пойдете, простудится он, — опять возразил Загребин.

— Да Рудаков здоровьем крепче, чем молодые. Притом, если его оставить, то он сочтет это за недоверие и обиду в сердце будет носить, — высказал, как ему казалось, последний веский аргумент лейтенант.

Загребин с минуту помолчал, взвешивая все доводы «за» и «против». Очевидно, последние слова Покровского насчет недоверия и обиды в сердце были самыми убедительными, и он сказал:

— Согласен, чтобы в разведку пошел и Рудаков. Действуйте.

Противник вел бесприцельный пулеметный огонь. На нашей стороне стояла полная тишина. Только кое-где слышен приглушенный скрежет железных лопат. Солдаты молча строили укрытия...

На рассвете разведчики обнаружили заброшенную дорогу, подходившую к берегу реки. На противоположном, западном берегу был виден выход дороги из воды. Земля скрыта наискось. Нетрудно было догадаться, что здесь когда-то проходила дорога через реку из деревни Парули до Комиссарово, расположенном на правом возвышенном берегу Малой Березины.

— Вода большая, глубина на перекате не менее метра. Течение быстрое и, вероятно, устоять будет трудно. Что делать, товарищи? — тихо спросил Покровский.

— Вначале нужно пойти вброд одному или двум, а потом и всем остальным, — предложил Хозов.

— Правильно, — пробасил хриловатым голосом Рудаков. — А если все разом пойдем, немец может нас всех покосить одной очередью.

— Васильеву и Хозову приготовиться к переправе, — приказал Покровский.

Хозов и Васильев выложили из карманов все, что могло подмокнуть. Гранаты и запасные обоймы для автоматов взяли за пазуху, ножи-кинжалы оставались на ремнях.

— Ванюша, бинт у тебя есть? — шепотом спросила медсестра Васенина.

— Есть, Таня, — ответил Хозов.

Первым забрел в воду Васильев. За ним следовал Хозов. Вдруг послышалась пулеметная очередь. Васильев свалился. Его быстро потащило вниз по течению, но он справился и выбрался к берегу. Хозов бросился было к Васильеву, но немец усилил огонь, пули градом сыпались вокруг.

Спустя несколько секунд пулемет стих. «Ленту переставляет», — подумал Хозов и бросился к Васильеву, вынес его и положил в ручеишину на старой дороге. Хоть и не велико, а все же укрытие.

— Снайперов бы сюда. В амбразуру они запросто попадут, — высказал мысль Рудаков.

— Дельно сказано, — отозвался Покровский. Он тут же по полевому телефону связался с командиром полка майором Загребинным, доложил обстановку.

В 9 часов утра группа снайперов, славившихся меткой стрельбой, отправилась на помощь разведчикам. Среди них были сержант Климович, ефрейторы Русаков и Лейко, бронебойщик Кастьянов, а также командир противотанковых пушек Рукавишников.

— Ах ты, гитлеровская морда. Ты от нас не уйдешь! — процедил со злостью Климович, первым выследивший, откуда бьет пулемет. Он имел снайперскую винтовку с оптическим прицелом, и достаточно ему было выстрелить один раз, как пулемет стих. Правда, южнее, на автостраде Москва — Минск еще была огневая точка немцев. Но река здесь имела крутую излучину, и разведчиков обстреливать фашисты не могли.

Опасность миновала. Осмотревшись, Хозов шагнул в воду. Минута, и он вышел на западный берег, сразу же залег. Вслед за ним отправился и Рудаков. Он лег рядом с Хозовым и махнул пилоткой, дав знак, чтобы форсировали реку остальные. Таня Васенина шла замыкающей. Перенесли и полевой телефон.

— Товарищ лейтенант, меня интересует этот дот, — прошептал Хозов Покровскому.

— Идите туда четверо: Олейников, Бушуев, Рудаков и ты, Иван. Как уничтожите огневую точку, немедленно сообщите мне, чтобы начать переправу батальонов. В случае опасности — пустите ракету в направлении нашего расположения, — Покровский дал ракетный пистолет Рудакову.

Разведчики на четвереньках выбрались на бугор и залегли. Перед ними оказалось проволочное заграждение. Тихо. Только южнее тархтел пулемет. Рудаков прихватил с собой кусачки и быстро, без единого звука сделал проход в проволочном заграждении. Разведчики проползли до бруствера, прислушались. Спустились в траншею и направились на юг. Траншея была пуста — ни одного немца. Хозов заметил ответвление от главной траншеи. Ход сообщения вел на бугор. «Ага! Вот он где, этот блиндаж!» — подумал Хозов. Он приблизился, наострил ухо и услышал еле уловимый звон, словно кто-то перебирал цепи. Разведчики присели на корточки и продолжали прислушиваться. Звон повторился.

Чтобы страху нагнать на сидевшего в доте немца, но чтобы не убить его, Олейников бросил гранату вблизи блиндажа. Земля дрогнула, осыпались стенки траншеи. Немец истошно заорал:

— А-а-а!!! Рус, зих gefangen!!!

Немец еще и еще что-то орал. Блиндаж наполнился дымом от разрыва гранаты. Хозов подскочил вплотную к пулеметчику, держа автомат наготове. Гитлеровец поднял вверх одну руку. Лицо его не было видно, но хорошо выделялся в дыму силуэт человека.

— Хенде хох, шуфт! (Руки вверх, негодяй!) — строго крикнул Хозов. Но немец вторую руку не поднимал. — Идол проклятый, когда палил из пулемета, то не кричал, что Гитлеру капут!

Дым из блиндажа медленно растекался через окно и выход. Сейчас видно было немца. Он искоса смотрел

на Хозова. Перед окном стоял пулемет на подставках. На полу — множество пустых гильз. В задней стенке — ниша, а в ней два ящика патронов и ящик с продуктами. На полу стоял полведерный чайник с водой. С левой стороны еще маленькая ниша, где лежали пачки сигарет и коробки спичек.

Но что это? Почему на руках у немца цепи? Еще один беглый взгляд — и разведчикам все стало ясным. В бетонных стенах дота вделаны скобы, а к ним прикреплены цепи. Немец прикован к этим цепям за кисти рук. Так вот, оказывается, отчего разведчики слышали звон!

Изумленный увиденным, Хозов за цепь подтянул руку немца. Тот тихо сказал: «Вермундет» (Ранен). С правой руки гитлеровца стекали струйки крови.

Хозов оглянулся. Олейников молча стоял у входа.

— Такой экземпляр впервые. Слышал про смертников, а видеть пока не доводилось, — задумчиво проговорил Хозов. Олейников, кивнув головой, ничего не сказал. — Дмитрий, иди к основной траншее, посылай дядю Николу Рудакова, — продолжал Хозов, — мы с ним раскуем этого вояку, а сам ты пойдешь к Покровскому и доложи, что смертник в наших руках.

Расковать смертника было не так-то просто. К замкам никакие отмычки не подходили. Попытались деревянными кольями выворотить скобы, но этого сделать не удалось. Рудаков сходил в деревню Комиссарово и возвратился оттуда с топором-колуном и ломом. При помощи этих инструментов и удалось выбить скобы. Смертника вывели на поверхность земли, а с рук цепи снять так и не могли.

— Это будет вещественное доказательство, что смертники у фашистов существуют, — сказал Покровский.

— Товарищ лейтенант, этого фрукта надо отправить в Москву. Пусть там его сфотографируют с цепями и поместят снимки в центральных газетах, — предложил Рудаков...

Южнее, вблизи автострады Москва — Минск в доте оказался второй смертник. Он был окружен, но живым не сдавался, оборонялся гранатами. Командир 3-го стрелкового батальона капитан Дергачев сказал своим солдатам: «Пусть фашист гниет закованным в цепи. Он сам себе избрал такую смерть...»

Роты этого батальона, пройдя вброд Малую Берези-

ну, прочесали всю траншею от деревни Комиссарово до автострады.

Саперы полка, а в скором времени и прибывшие саперы дивизионного саперного батальона, разминировали местность возле взорванного моста через реку. Быстро начали строить временный мост, для чего заранее приготовили бревна, брусья и плахи.

Большинство стрелковых подразделений нашего полка переправились через Малую Березину вброд в том месте, где прошли разведчики.

А главных сил немецких войск не было, как сквозь землю провалились. Впереди оказалось необыкновенно широкое и глубокое болото, именуемое урочищем Радомский мох. Жители деревень Бодуны, Комиссарово и Парули утверждали, что через это болото никто и никогда не проходил. Никто не знает, что в центре этого болота. Семидесятипятилетний старик из деревни Бодуны сказал нам:

— Через это болото только птицы летают. Если у вас есть аэропланы, так можете перелететь.

В 16 часов по местному времени 29 сентября 1943 года наш 1198-й стрелковый полк двумя стрелковыми батальонами попытался продвинуться на западный берег болота по дамбе автомагистрали Москва — Минск. Высота той дамбы была не менее четырех метров, ширина асфальтированной части не менее 12 метров. Прошли с полкилометра на запад, как противник открыл огонь из всех видов оружия. Вслед за этим налетели немецкие тяжелые бомбардировщики. Они сделали три захода, сбросив более трехсот авиабомб на площадь, примерно, одного гектара, на которой находились наши стрелковые батальоны. Это была чудовищной силы бомбардировка. Дамба была разрушена до основания.

Майор Загребин распорядился немедленно открыть огонь по самолетам противника из всех видов оружия. В этой ожесточенной схватке наземных войск с воздушными силами врага подразделениями полка было сбито два тяжелых бомбардировщика и два подбито. Один из подбитых самолетов, объятый пламенем, с необыкновенным ревом рухнул на нейтральную полосу — у западного берега болота Радомский мох. Второй подбитый спланировал и приземлился на асфальтированную магистраль

около обороны немцев, но и он был уничтожен прямым попаданием снаряда полковой артиллерии.

Полк во время бомбежки понес значительные потери и к исходу дня вынужден был отойти в северном направлении от автомагистрали и занял оборону на восточном берегу болота Радомский мох. С наступлением темноты с места бомбардировки вынесли раненых и контуженных. Солдат, вышедших из болота, размещали в санитарных палатках, наспех строили землянки и обогревали их, оказывали первую медицинскую помощь.

О наступлении по шоссе не могло быть и речи. Нужно что-то предпринять другое, но перед полком было это проклятое болото. Командир полка и начальник штаба размышляли, что делать дальше. Было уже за полночь.

— Да, я с первого дня на фронте, но такого случая не знаю, не помню, чтобы так оторваться от противника.— Мурашко снова, в который уже раз, набил трубку махоркой и пустил облачко дыма.

Их обоих беспокоило то, что штаб полка не располагает данными о противнике, засевшем там, за болотом. Ясно было одно: нужно организовать разведку через болото.

Часа в два ночи на КП полка прибыл командир дивизии полковник Косолапов. Он специально приехал, чтобы осведомиться, что намерен предпринять командир полка.

— Что вы намерены делать? — спросил комдив Загребина.

Косолапов достал из планшета карту и положил ее на стол. Взгляд его остановился на том месте, где было обозначено урочище Радомский мох, затем скользнул несколько западнее, словно ища, где же должен проходить передний край обороны противника. Но карта была чистой, по ней еще не прошелся синий карандаш, чтобы обозначить знаками вражеские траншеи.

— Мы намерены произвести разведку болота, — прервал молчание Загребин.

— Вот-вот, за этим-то я и приехал! — Комдив пухлой рукой слегка стукнул по столу. Керосиновая лампа, стоявшая на столе, мигнула. — Ну, а как вы мыслите практически осуществить это?

— Мы намерены завтра же направить разведку с задачей: установить, возможно ли пройти через болото, а если удастся пройти, то уточнить передний край противника. Это первое. Во-вторых, сегодня же приступим к подготовке двух разведгрупп...

— Мне все ясно. Письменный приказ по полку об этом есть?

— Приказа, товарищ полковник, нет. Этот план пока в уме, — смущенно ответил Загребин.

— А! Еще только в уме?

— Да, только подумали об этом. К утру все будет оформлено документально.

— Замысел ваш насчет разведки болота одобряю, — сказал Косолапов. — Только я бы послал не одну, а три группы разведчиков, из каждого стрелкового батальона человек по двадцати. И послал бы их в разных направлениях. Вам ясно, Дмитрий Иванович?

— Все понятно.

— Разведгруппам Покровского и Бугая, — продолжал Косолапов, — составить подробные планы, довести до каждого разведчика цель, провести практические занятия...

В тот день в полку состоялось открытое партийное собрание. Оно было необычным хотя бы потому, что впервые проводилось с участием беспартийных воинов. Инициатива пригласить беспартийных принадлежала командиру полка.

— Когда я был комиссаром в 1941 — 1942 годах, мы у себя в полку проводили такие собрания. Эффект был поразительным.

В политотделе одобрительно отозвались об этом, и открытое партсобрание состоялось. Вначале заслушали доклад командира полка об итогах прошедших боев и новых задачах личного состава, затем рассмотрели заявления о приеме в партию. Много было на собрании интересных выступлений и коммунистов и беспартийных. Расскажу лишь о том, что говорил разведчик Иван Хозов.

— Здесь вот многие говорили о своем горе по поводу гибели их семей от фашистской руки. У меня тоже есть горе, товарищи. Здесь, на полковом открытом партийном собрании, своим старшим командирам, боевым товари-

щам, как родной матери, я должен рассказать об этом горе...

Да, у разведчика Ивана Хозова действительно было большое горе. Два его брата погибли в боях за Советскую Родину. Один — под Ленинградом, второй — под Ржевом. Любил он девушку, решили они пожениться. Но в июне 1941 года она поехала в Смоленскую область, чтобы привезти на Урал дедушку и бабушку, у которых воспитывалась. Где она теперь, невеста солдата? Куда закинула ее судьба? Жива ли?..

В сентябре 1941 года Иван Хозов был зачислен в 1198-й стрелковый полк и стал разведчиком.

Сейчас он стоял перед однополчанами и, как клятву, произнес слова, что готов пойти на разведку гиблых Радомских мхов, готов выполнить боевой приказ, чего бы это ни стоило.

После собрания в штаб посыпались рапорты от солдат и сержантов с просьбой направить в разведку Радомского болота. Майор Загребин решил сформировать из добровольцев еще одну, четвертую по счету, сводную разведгруппу во главе с Хозовым.

На другой день, 1 октября 1943 года, разведчики собрались около землянки штаба полка. Все имели длинные шести, для того, чтобы нащупывать «окна» в болотной трясине, а если кого-то затянет в тину, выручить товарища. Проведя смотр готовности разведчиков, Загребин выступил перед ними с коротким напутственным словом. В конце он сказал:

— При выполнении этой, одной из самых ответственных задач, требую от всех без исключения соблюдения строжайшей дисциплины. Верю, что вы с честью выполните свой долг.

Разведгруппы уходили в разных направлениях. Начальнику штаба полка майору Мурашко и его помощнику по разведке капитану Оскирко было поручено сопровождать группу Хозова, пока будет возможна флажковая связь. Командиры батальонов уходили с другими разведгруппами. Задача была та же, что и у Мурашко.

Иван Хозов и Михаил Занин, еще раз осмотрев всех разведчиков, расставили, кто и за кем должен следовать.

— Желаю вам удачи. До скорой встречи, — попрощался майор с разведчиками.

Хозов первым шагнул в болото. Застойная вода была густая и холодная. Длинным березовым шестом старшина нащупывал перед собой ямы и если обнаруживал их, сворачивал то вправо, то влево.

Медленно, шаг, за шагом, продвигались вперед. Старшина Иван Хозов был уже по пояс в тине. Гранаты, висевшие на ремне, он положил за пазуху, вещевой мешок подтянул выше к затылку. Его примеру последовали и другие. Продвигались гуськом. Замыкающим шел старший сержант Михаил Занин — помощник Хозова.

Три разведотряда стрелковых батальонов, попробовав в нескольких местах преодолеть болото, успеха не имели. Вымокнув до шеи и продрогнув до мозга костей, они не смогли найти подходящего места для переправы и возвратились обратно.

Разведгруппа Ивана Хозова далеко углубилась к центру болота. Зрительная связь с ними исчезла. Даже с самой высокой елки в бинокль капитану Оскирко обнаружить группу не удавалось.

Сейчас все внимание было приковано к полковой рации. Начальник связи полка капитан Чазов неотлучно находился возле радиста. Все ждали, что нового сообщит Хозов.

А на большой высоте плыли редкие облака. Время от времени выглядывало солнце. На юг летели, стая за стаей, перелетные гуси и утки. Лес обнажался, пустел. Только изредка слышался перестук дятлов, да неутомимые сороки то и дело перелетали с места на место и так тревожно стрекотали, будто тоже переживали за разведчиков.

Наконец была принята радиограмма от Ивана Хозова.

— Земля, земля! Я океан, прием!

Штабная рация отозвалась:

— Океан, океан! Я земля, я земля. Слышу вас хорошо, передавайте.

Содержание радиограммы было таково:

«Трясины кончаются, пошли мхи, залитые водой до пояса. Находимся на полпути.

*Хозов
16.30, 1.10.43 г.»*

Вот уже пять часов разведчики Хозова находятся в пути. Наступили сумерки. Трясина, чередующаяся с «ок-

нами» бурой воды, кончалась. Все чаще и чаще стали попадаться кочки, поросшие толстым слоем мха, с множеством клюквы. На многих кочках росли карликовые сосенки. Разведчики называли их «рахит-сосняк».

По всем расчетам Хозова и Занина вот-вот должен быть конец болоту, но берега все нет и нет. Они стали было сомневаться в правильности взятого направления. Но компас показывал, что они следуют на запад.

Всю дорогу Иван Хозов шел впереди. Вот вддали он увидел сосну выше других. «Тут есть земля».

Вскоре разведчики приблизились к островку-кочке, площадь которой не превышала четырех квадратных метров.

Растянувшись, примерно, на сто метров, разведчики один за другим подходили к островку и садились, ни слова не сказав. На болоте еще оставался радист старший сержант Горбачев. Он, потупив голову, медленно и тяжело шагал, покачиваясь из стороны в сторону. Не дойдя метров десяти до островка, медленно повалился и рухнул, погрузившись в воду. Рация оказалась под ним. Михаил Занин подскочил к Горбачеву и стал приподнимать его.

— Рацию замочило! — вполголоса проговорил Иван Хозов и тоже бросился на помощь.

— Горбачев, Горбачев, что с тобой? — шепотом спрашивал Михаил Занин радиста, но тот не отзывался. Хозов и Занин вынесли его на кочку-островок, сделали искусственное дыхание, виски натерли спиртом. Только после этого Горбачев стал приходить в чувство.

Немного отдохнув, решили подкрепиться. Сухари у большинства оказались подмоченными, пахло от них тухлой водой. Сахар тоже раскис. Те, у кого сохранились сухие продукты, делились с товарищами.

После завтрака разведчики весь груз, который нес Горбачев, взяли на свои плечи.

— А ты, Гриша, держись, не отставай. Будет плохо — скажи, поможем, — подбадривали бойцы своего товарища.

— Дойдешь до берега, там отдохнешь, — сказал Хозов.

В то время, когда разведчики отдыхали, на шоссе-ной дороге Москва — Минск застрекотал немецкий пулемет. По звуку можно было определить, что оборона

немцев где-то юго-западнее и до нее не более полутора-двух километров.

Хозов снова двинулся вперед. Ям больше не было, однако шест старшина не бросил.

Сумерки сменялись ночной темнотой. Пройдя еще метров сто, Хозов заметил сплошную черную стену, возвышавшуюся над сосенками. Трудно было понять: то ли это крутой высокий берег болота, то ли опушка леса. Хозов остановился, шепотом передал по цепочке: «Осторожно, ногами не булькать», а сам тихо стал продвигаться.

Подойдя вплотную к темной стене, Хозов понял, что это сосновый бор. «Значит, тут суша». В этот момент немцы выпустили три белые ракеты. Разведчикам стало ясно, что до обороны противника не более трехсот метров.

Хозов и Костиков поползли по-пластунски. Но увы!.. Перед ними снова была вода.

— Гм-м-м! Оказывается это не берег, а остров! — догадался Хозов.

Они встали, пошли южнее, несколько раз переходя с берега на берег, чтобы убедиться: это именно остров, только значительно больше того «пяточка», что уже встретился ранее. Возвратившись, Иван Хозов сообщил разведчикам:

— Мы на островке. И это хорошо, что здесь не берег, а только остров...

Вскоре разведчики установили, что остров тянется с севера на юг метров на четыреста, местами есть узкие перешейки, а в большинстве своем ширина острова семь-восемь метров. Вся его поверхность покрыта толстым слоем мха, который не смят и не притоптан. Следовательно, здесь никто из немцев не был.

Началась нелегкая работа по отрывке ячеек. Противник время от времени освещал ракетами свой район обороны где-то около автомагистрали Москва — Минск. Работа продолжалась почти до утра. Отдыхать было некогда, да, собственно, в эту октябрьскую ночь для разведчиков, промокших до нитки, отрывка ячеек была единственным средством, чтобы разогреться, размять окоченевшее от холода тело.

Радист Горбачев всю ночь возился с радиостанцией

в палатке, сооруженной из двух плащ-накидок, но восстановить ее так и не смог.

Покончив с отрывкой окопов, разведчики попытались в нескольких местах преодолеть последний участок болота, отделявший их от сухого берега, но наткнулись на такую глубь, что вернулись на остров.

— Надо попытаться в северной части острова, — предложил Перкин. С этим предложением согласились.

Наступало утро. По болоту стелился голубоватый дымок тумана. Дойдя до самой северной оконечности острова, Хозов, Занин и все остальные с ходу вошли в болото. Здесь берег оказался отлогим, глубина воды не превышала одного метра. Впереди виднелся кустарник. До берега совсем близко, метров пятьдесят, но эти метры были самыми трудными. Длинные и густые водоросли наматывались на ноги. К тому же и вода дошла чуть ли не до груди.

Наконец Иван Хозов зацепился за берег, грудью прилег на него. Остальные разведчики, с трудом добравшись до берега, тоже валились с ног.

Вокруг стояла звонкая тишина. Разведчики чистились, выливали воду из сапог, одевали маскировочные халаты. Перкин с миноискателем начал осматривать заросли. Вслед за ним поползли Хозов и Костиков. Они добрались до крайних кустиков рощицы, которая тянулась полосой по всему побережью. Впереди был лужок с нескошенной травой. Над лужком дымился туман. Мин ни противотанковых, ни противопехотных не обнаружили и, вообще, не было заметно, что здесь ходил или что-то делал человек.

Решили Шубина отправить с донесением в штаб полка. Старшина написал командиру полка Загребину: «Товарищ сорок два, достигли суши. Подмочены продукты и рация. Шубина к нам не высылайте, скоро вернемся все. Путь проложен.

*Хозов.
7.00, 2.10.43 г.»*

А между тем в немецкой обороне началась пальба. На лужке раздались три сильных взрыва. То ли немцы бросили гранаты, то ли разорвались случайные снаряды. Трудно было определить, что это за взрывы. Потом все стихло.

Взошло солнце. Туманная пелена исчезла. Наблюдением разведчики установили, что за лужком начинается крутой подъем, а дальше виднелись крыши домов деревень Волевки и Лаврининки. На самом бугре, по восточной окраине этих деревень тянется траншея. На ее бруствере земля свежая, еще не обветрилась, не подсохла. В некоторых местах от траншеи, по склону бугра, немцы забивали колья, тянули колючую проволоку. Некоторые из гитлеровцев, закутив, временами выходили к лужку, набирали воду. Видимо, возле протекала маленькая речушка. Другие умывались, набирали во фляжки воду и уходили обратно в траншею.

Вечерело... С наступлением темноты немцы непрерывно начали освещать ракетами весь лужок. Во второй половине ночи взошла луна. Ее красноватый серпик резко выделялся на ясном небе. Ракеты стали появляться реже.

Миновали сутки с момента, как разведчики пришли на западный берег болота. Свою задачу они выполнили, вешками обозначили путь через болото. Но сейчас, находясь под носом у врага, разведчики не могли удержаться от соблазна захватить «языка».

К утру в обороне немцев наступила полная тишина. Казалось, что не только люди спят, но и вся окружающая природа погружена в дремотный сон. Но разведчикам спать было некогда. Они заранее все обговорили, кто и что должен делать. Главное — бесшумно сделать проход в проволоке, подкрасться к тому месту траншеи, где взад и вперед ходит часовой. Его-то и решили схватить.

...Проползли уже не менее 250 метров. Вот и речушка, протекающая с севера на юг, недалеко от бугра. На топографической карте она не обозначена. Противоположный правый берег крутым откосом спускался в низину.

Наступил ответственный момент. Перкин с миноискателем пошел первым. Взобравшись на бугор, он подал Хозову крюк, конец которого был обмотан шпагатом. Этот инструмент нужен был для растаскивания мин, если они будут обнаружены. Перкин одел наушники, водил трехметровой палкой вправо и влево, но признаков минирования не было. Приблизились к колючей про-

волоке. Осторожно осмотрели колья и траву около нижнего ряда.

Хозов дал знак Перкину: пора резать проволоку. Но тот в ответ погрозил пальцем, давая понять, что торопиться не следует. Перкин достал из кармана кусок проволоки, согнул ее полукольцом и закинул на нижний ряд колючки. Убедившись, что заграждение не под током, пустил в дело кусачки. Обрезанные у самого кола нити колючки Хозов беззвучно оттащил в сторону.

Вдруг Перкин увидел над бруствером пилотку медленно шагавшего часового. Разведчики присели. Немец прошел шагов пять и исчез из поля зрения. Был слышен лишь какой-то непонятный шорох. Позднее разведчики поняли причину этого шороха: на ногах немца, поверх сапог были надеты глубокие калоши, сплетенные из соломы. Большие и неуклюжие, они хлябали, издавая швабрющий шумок. Через несколько секунд и этот звук исчез.

Разведчики насторожились. Ждали возвращения часового. Каждая минута казалась целым часом. Наконец немец зашагал обратно. Его соломенные калоши по-прежнему швабрили и похлопывали. На цыпочках Хозов шагнул к траншее, приподнял автомат и ударил часового прикладом по затылку. Тот беззвучно присел, затем рухнул.

Иван Хозов и Валерий Костиков быстро сунули в рот немцу кляп, затем мигом вскинули оглушенного «языка» на бруствер. Выбравшись из траншеи, Хозов перебросил руки пленного через свои широкие плечи, поднялся и тихо стал спускаться под гору к безымянной речке.

Немец не проявлял никаких признаков жизни. Его ноги болтались, как плети.

У речки разведчики остановились, прислушались. В обороне немцев никаких признаков тревоги.

Хозов сбросил свою нелегкую ношу на землю. Пленный тихо простонал.

— Ага! Жив! Значит, не напрасно тащил этого дьявола! — Хозов извлек кляп. У немца из носа струилась кровь.

— Кажется, мартышкин труд? — вполголоса проговорил Марков.

— Я слышал, как он простонал, — ответил Хозов. — До острова его надо нести, оживет.

— Как его нести, когда там воды по шею? — заметил Егор Марков.

— Я понесу, — заявил Занин. — На голове, а все равно перенесу!

— Неси, Михаил, я совсем выдохся, — Хозов слегка хлопнул Занина по плечу.

Пленному натерли виски спиртом, немного разведенного влили в рот, и он тихо стал постанывать, пошевелился всем телом.

— Оживет! — обрадованно махнул рукой Хозов.

Долговязого фрица погрузили на спину Занину. Помочь ему вызвались Костиков и Синицин. Один из них пошел впереди Занина, второй сзади, с тем, чтобы в самом глубоком месте можно было взять немца на головы.

Когда достигли спасительного острова, вымотались так, что валились с ног.

Костиков разжал немцу рот. Хозов вылил полмерки разведенного спирта. Пленный сморщил лицо и тихо простонал. Тогда Хозов и остальное вылил ему в рот. Пленный съежился, скрипнул зубами и застонал. Через несколько минут он открыл глаза.

Разведчики облегченно вздохнули: «язык» будет говорить!

На радостях Хозов даже разрешил закурить. Двое суток мучились.

Но что это? Послышались, вроде, шаги. Потом разом все смолкло.

— В ружье! — скомандовал Хозов и прыгнул в окоп.

— Кто идет?

— Свои, свои, русские!

— Кто свои?

Узнав голос Хозова, уже не таясь, из укрытия вышли разведчики Олейников и Бушуев.

— О! Кого я вижу! — Иван Хозов выскочил из окопа. — Вдвоем, что ли?

— Нет, нас тут много: взвод пешей разведки полка и сорок человек из четвертой стрелковой роты.

Хозов вкратце доложил командиру разведчиков лейтенанту Покровскому обо всем, что произошло за эти трое суток, и о том, как захватили «языка». С Покровским оказался полковой переводчик старшина Херузе,

и он тут же занялся допросом пленного, который рассказал, что он служил в 255-м пехотном полку, 197-й пехотной дивизии. В обороне немцев есть самоходная артиллерия, танковый батальон. Штаб немецкого полка расположен в деревне Жваненки. На шоссеной дороге колючая проволока в три кола, местность минирована. Все эти ценные сведения немедленно сообщили в штаб полка.

На «Остров разведчиков» 3 октября 1943 года прибыл командир полка майор Загребин. Он по достоинству оценил значение этого островка для нанесения внезапного удара по противнику.

Поистине адскую работу выполнили солдаты и офицеры, чтобы перебросить на остров все необходимое для наступления. Немало потрудились саперы. Они соорудили плавающие мостки, по трясинам сделали настилы из жердей, местами уложили пучки связанного хвороста. Триста человек самоотверженно трудились над прокладкой пути через болото. Даже бойцы-девушки добровольно взялись за доставку боеприпасов на «Остров разведчиков». Таня Васенина, Нина Корнякова, Паня Углова дали обязательство перенести по сто 82-миллиметровых мин. И они выполнили это обязательство, за что были представлены к награде медалями «За отвагу».

К исходу дня 4 октября начальник артснабжения инженер-капитан Онопченко доложил командиру полка, что на «Остров разведчиков» доставлено автоматных патронов 25 тысяч штук, винтовочных патронов — 20 тысяч штук, гранат противопехотных и противотанковых — 5 тысяч штук, 82-миллиметровых мин — 4800 штук. Общий вес боеприпасов, перенесенных людьми на остров, составил, примерно, 35 тонн.

Полк перешел в наступление и прорвал оборону противника. В том бою Иван Хозов и Михаил Занин участвовали уже в качестве офицеров. Им перед боем было присвоено звание младших лейтенантов. Михаил Занин командовал штурмовой группой, а когда выбыл из строя капитан Дергачев — командир третьего стрелкового батальона — майор Загребин поручил Занину командовать батальоном.

В тот момент, когда Занину объявили этот приказ, он

только что со своей штурмовой группой закончил бой в деревне Лаврининки. Кругом стоял дым и чад: догорали подбитые вражеские танки и останки деревенских изб, подожженные гитлеровцами. Из ям и погребов выходили чудом уцелевшие женщины, старики и ребятишки.

Михаил Занин сидел возле тына-частокбла и смотрел на пепелища. Ему вспомнилась родная школа в северном коми-пермяцком поселке, где он учил грамоте вот таких же ребятишек, как эти. «Эх, этим бы пацанам в такое осеннее утро тоже в школу пора...»

Вскоре капитан Оскирко, помощник начальника штаба полка по разведке, знакомил нового командира третьего батальона с обстановкой. Он рассказал, что вслед за нашим полком на западный берег Радомского моха переправились подразделения двух других полков дивизии. 1196-й полк ведет бой южнее, около автострады Москва — Минск, а 1194-й полк пошел на север. Нашему полку поставлена задача: вклиниться в тыл противника и окружить Стародубковский лес, что севернее совхоза Исаковщина. Здесь разведчики Покровского уже ведут бой в окружении.

— Вашему батальону, — продолжал Оскирко, — надлежит вести наступление на совхоз, затем на Стародубковский лес и к исходу дня через деревни Каштуны, Дрозды, Олыша, Кисели выйти на границу с Белоруссией.

— Задача ясна, товарищ капитан, — ответил Занин. Потом обратился к присутствовавшим командирам рот:

— Проверьте наличие боеприпасов, сухого пайка, объясните задачу бойцам — и в путь.

...Впереди были новые нелегкие бои.

ИЗ БОЕВОЙ ЛЕТОПИСИ ПОЛКА

Старший сержант Шилов, член партии с 1942 года, занимает должность командира расчета 76-миллиметрового орудия. В его расчете сержант Калиев (наводчик), Колючкин (заряжающий) и бойцы Занков и Валин.

В дождливый августовский день перед Шиловым была поставлена задача: уничтожить блиндаж противника. Расчет выкатил орудие на прямую наводку и стал устанавливать его на огневую позицию недалеко от немецкого дзота. Немцы это заметили и открыли огонь из ротного миномета. Шилов моментально дал команду

стрелять по гитлеровцам, и они укрылись в блиндаже. Несколько выстрелов — и блиндаж разбит.

Вдруг в разрушенном блиндаже послышались выстрелы. Оказалось, что там помещался склад боеприпасов.

С противоположной стороны показалась группа немцев. Шилов немедленно дал команду развернуть орудие и открыть огонь. После двенадцати выстрелов орудие заклинило. Командир приказал устранить задержку, после чего немедленно подал команду открыть огонь по дороге. Попав под огонь, немцы разделились на две группы и начали атаковать орудие справа и слева. Они стали забрасывать артиллеристов гранатами. Расчет взялся за автоматы и гранаты. Гитлеровцы были уничтожены.

Старший сержант Шилов, будучи контужен разрывом вражеской гранаты, продолжал оставаться в строю и ушел с поля боя лишь тогда, когда его подменил старший сержант Азаренко.

В этом бою отличились все бойцы расчета. Солдаты Колючкин, Занков, сержант Калиев были ранены и продолжали сражаться до конца боя, в котором уничтожили около двадцати пяти немцев. Весь расчет был представлен к правительственным наградам.

Немецкие автоматчики, засевшие в роще и во ржи, вели огонь из пулеметов и автоматов. Перекрестный огонь заставил наших автоматчиков залечь. Сержант Савин приказал станковому пулеметчику Лункину, находившемуся на левом фланге, выдвинуться вперед на пятьдесят метров и обстрелять рощу. Христофоров получил приказание открыть огонь из ручного пулемета по ржи.

Как только заговорили пулеметы, командир отделения дал команду:

— Встать! За мной, бегом!

Увлекаемые своим командиром, бойцы бросились вперед и с криком «Ура» ворвались в рощу. Не задерживаясь, сержант повел своих бойцов дальше. Перед ними было поле, где засела во ржи вторая группа автоматчиков врага.

Немцы задумали обмануть наших бойцов. Когда отделение приблизилось к ним, один из гитлеровцев поднял руку. Командир отделения думал, что немец сдается в плен. Но когда он глянул в сторону, то заметил, что несколько немцев спрятались во ржи и приготовили автоматы. Савин приказал открыть огонь. Все немецкие автоматчики были уничтожены.

Через некоторое время немцы пошли в контратаку. Умело сочетая огонь пулеметов с продвижением, сержант отбил вражескую контратаку, после чего занял новый рубеж и удерживал его до подхода основных сил подразделения.

Командир полкового саперного взвода лейтенант Гринев 8 августа получил приказ взять с собой пять автоматчиков, отойти на другой рубеж и там закрепить-ся. Приказ был выполнен. Немцы три раза подымались в контратаку, но все усилия их были напрасны. Саперы удерживали занятый рубеж до подхода подкрепления.

Саперов Перкина, Епифанцева и Алексеева направили во второй батальон, чтобы поставить заграждения. В глубине обороны батальона Перкин установил и замаскировал 300 противопехотных мин.

Перешедшие в контратаку немцы стали подрываться на этих минах, а пехота поливала их пулеметным и ружейным огнем. Гитлеровцы понесли большие потери.

— Перкин, ты здоровую свинью немцам подложил! — смеялись бойцы.

Сноровисто действует Перкин и при разминировании местности. Он хорошо выполняет эту работу даже без миноискателя.

— Я чувствую, где должна быть мина — говорит он.

И действительно, он изучил тактику врага, почти безошибочно определяет, какие участки местности могут быть заминированы.

Первый раз пришлось саперам встретиться с новыми деревянными минами у деревни Михайловка. Тогда Перкин извлек из земли полсотни таких мин. Одну мину Перкин доставил командиру полка на «анализ», как он сказал своим товарищам.

Сапер Перкин всегда идет впереди подразделения

и обезвреживает дороги и мосты от вражеских мин. Однажды, подходя к деревне Бодуны, саперы обнаружили в доме два заряда взрывчатки по 50 килограммов. В погребе этого же дома Перкин обнаружил взрыватель. Он его осмотрел и обезвредил. Во время движения по дороге Москва — Минск Перкин снова обнаружил три заряда взрывчатки. Бикфордов шнур, тянувшийся к одному из зарядов, противник успел поджечь. Перкин в самый последний момент обрезал бикфордов шнур и предотвратил взрыв. По дороге без задержки наши части пошли дальше.

Генерал наградил орденами группу бойцов под командой младшего лейтенанта Асманова. Она решила исход боя за крупный пригородный поселок. Вот как это было.

Два подразделения наступали на поселок. Немцы здесь упорно сопротивлялись. Из этого поселка к другому населенному пункту, что был в руках немцев, идет шоссе. Справа от шоссе действовали бойцы комбата Петрова. Они уже приближались к поселку, но сильный огонь заставил их залечь.

— Почему не продвигаешься? — спрашивал командир полка Петрова по телефону.

Комбат торопливо объяснил в чем дело, одновременно думая, как найти выход из создавшегося положения. Он оглянулся. Метрах в трехстах от его укрытия начинался кустарник, который шел до речушки. За кустарником в направлении к шоссе чернела перекопанная земля. У Петрова возникла идея зайти немцам с фланга в тыл, о чем он и доложил командиру полка.

Комбат вызвал Асманова, объяснил ему свой план и приказал действовать. Взводный повел бойцов через кустарник. Шли быстро, осматриваясь по сторонам. Приблизившись, заметили, что за речкой начинается глубокий противотанковый ров, который тянулся до самого шоссе. Если пройти по рву, то выйдешь к немцам в тыл.

Бойцы Асманова пробежали метров двести и за изгибом глубокого рва услышали лающую немецкую речь.

— Огонь! — крикнул младший лейтенант, и все, стреляя на ходу, бросились вперед.

Появление во рву наших бойцов так ошеломило немцев, что они стали бросать оружие и поднимать руки. Во рву взяли 20 пленных, но не это было главным. Старшина Есич, пулеметчики Белецкий, Кравчук, автоматчик Турсунов и Коломейчук устремились к шоссе. Есич бежал со вскинутым автоматом.

Советские люди возвращаются в освобожденный город.
(1944 год, Западная Украина. Фото старшины А. Г. Мальцева).

Вот шоссе, первые дома поселка. Старшина выбрался на дорогу, поднялся во весь рост и побежал. Он заметил у шоссе немцев и, упредив их, дал очередь. За Есичем следовали товарищи. Когда немцы поняли, что им зашли в тыл, что выход отрезан, они кинулись к шоссе. В кювете у дороги уже орудовали наши пулеметчики, встретившие их длинными очередями.

Часть немцев не успела даже выбежать из крайнего дома на улицу, подходившую к шоссе. Теперь, чувствуя свою обреченность, они стреляли из окон. Бойцы Асманова стали очищать дом. Есич позвал Турсунова, в паре они подошли к дому, забросали окна гранатами. В это время остальные бойцы батальона Петрова уже ворвались на улицы поселка и доколачивали немцев в домах.

За двадцать минут десять наших воинов уничтожили 45 немцев и 40 пленили.

Так 18 февраля 1945 года деревня Ной Кирх была очищена от фашистов. Впереди была деревня Шмидефельд, а там и до Бреслау рукой подать.

В ночь на 25 февраля 1945 года дивизия была переброшена на южную окраину Бреслау, где наши части ворвались в город и освободили до тридцати кварталов.

Гарнизон противника в Бреслау был полностью окружен, и железное кольцо наших войск постепенно сжималось вокруг города. Противник приспособил к обороне каждый дом, воздвигнул на улицах баррикады, мобилизуя для этого все работоспособное население города. Транспортные самолеты врага ночью сбрасывали в осажденный город бензин, боеприпасы и продовольствие.

Наш полк вступил в бой за овладение железнодорожной насыпью. В результате решительного наступления оборона противника была взломана, и наша пехота ворвалась в городской квартал № 540. Борьба в городе носила особенно жестокий характер. Воевать пришлось не только за отдельный квартал, за улицу и каждый дом, но даже за каждый этаж, за каждую комнату и лестничную площадку.

Для штурма квартала или отдельного дома требовался сильный артогонь, поэтому и артиллерия двигалась в боевых порядках пехоты. В квартале № 540 выдвижению артиллерии на прямую наводку препятствовала баррикада в виадуке насыпи. Под пулеметным огнем саперы вставили заряды взрывчатки в баррикаду и взорвали ее. Через брешь, проделанную саперами, артиллерия выдвинулась на прямую наводку.

Батальоны упорно продвигались вперед, очищая один за другим кварталы, захватывая при этом десятки пленных. Они говорили, что Гитлер приказал держать город до последнего патрона. Гитлеровцы мобилизовали в городе все население, способное носить оружие, даже детей и стариков. Наши бойцы захватывали в плен 60—65-летних фольксштурмовцев. Многие из них никогда не держали винтовок и не умели с ними обращаться.

ся. Среди гитлеровских солдат было много эсэсовцев. Пленные рассказывали, что эти головорезы, направив оружие в спину своим солдатам и фольксштурмовцам, гнали их в контратаки. Когда были сданы первые кварталы города, они расстреляли полковника — начальника этого укрепленного района. В другом месте за сдачу дома эсэсовцы расстреляли 35 фольксштурмовцев.

...Ожесточенные, кровопролитные бои, не утихавшие ни днем ни ночью.

В неймоверно трудных условиях уличных боев немалую роль сыграли наши химики. Бойцы взвода химзащиты, которыми командовал лейтенант Зяблов, работали без устали. Группа сержанта Семенова с зажигательными бутылками действовала смело и решительно. Ни на шаг не отставая от стрелковых подразделений, эта группа всячески способствовала продвижению пехоты. В тесном сотрудничестве с пехотой химики выкуривали немцев из каменных домов и подвалов.

23 апреля полк имел задачу очистить от противника кварталы № 137, 138, 140, 141 и продвигаться дальше на восток, чтобы выйти на реку Одер. Уяснив задачу, группа сержанта Семенова выдвинулась на исходное положение. Отгремели последние залпы орудий, и улицы окутались густым дымом. Дымопуск произвели химики. Сержант Семенов и бойцы Мурзин, Смирнов и Данилов стремительным рывком бросились вперед. Они скрытно пробрались к домам, где оборонялись немцы, и забросали подвалы бутылками с горючей смесью. Немцы яростно сопротивлялись, но неукротимое пламя охватило весь дом. Наши автоматчики в это время обошли дом слева и ударили на квартал № 140. В панике немцы бросились бежать. Ведя огонь на ходу, их расстреливали автоматчики. В этом бою Смирнов сам лично уничтожил трех гитлеровцев, за что был представлен к награде.

В боях за кварталы № 149, 152 надо было поставить дымовую завесу. Большая площадь, которая разделяла эти кварталы, простреливалась противником с двух сторон. Группа дымовиков под командой сержанта Полупанова рано утром выдвинулась на рубеж дымопуска и окопалась. По сигналу бойцы Петрук, Гулин, и Михеев подняли дым. За волной дыма наша пехота, ведя огонь на ходу, бросилась вперед.

Разрывом фаустпатрона ранило сержанта Полупа-

нова и солдата Петрука. Им обожгло головы, руки, но они не покинули поля боя и продолжали дымопуск, пока вся пехота не перебежала через площадь. И только когда последним переправился штаб батальона, сержант Полупанов и солдат Петрук, взяв разрешение от комбата, отправились в санроту. Полупанов и Петрук были представлены к правительственной награде.

Командный пункт первого батальона находился в квартале № 152. Одна рота ворвалась в квартал № 153. Утром выяснилось, что справа и слева от роты еще сидит противник. Единственную дверь дома (выход из квартала № 152 и вход в квартал № 153, где находилась рота) немцы держали под перекрестным огнем. Связь с ротой была нарушена.

На устранение порыва был послан один из телефонистов. Но не успел он выскочить из дверей, как пулеметная очередь сразила его. Телефонист роты, пытавшийся наладить связь, был тяжело ранен. Переждав минут 35—40, пошел на задание еще один телефонист, который тоже погиб.

Наблюдатели сообщили, что слева накапливается противник, вероятно, для контратаки. Положение роты было угрожающим. Тогда командир взвода связи батальона старший сержант Осипов пошел искать новую трассу для прокладки линии. Взяв с собой двух связистов, Осипов пошел на поиски.

В первом же подвале он наткнулся на группу немцев. Завязалась перестрелка, в которой Осипов убил трех немцев, потеряв при этом одного из своих товарищей убитым и одного раненым. Раненому Осипову пришлось вернуться на старое место. Но он решил:

— Будь что будет, а связь должна быть налажена.

Он приготовил канат, перекрывавший ширину улицы в два раза. Взял канат за конец и что было сил бросился через улицу.

Как только Осипов успел оторваться от двери, в нее врезалась пулеметная очередь. Когда он находился уже посреди улицы, то другая пулеметная очередь прошла в тридцати-сорока сантиметрах сзади его. Осипов благополучно вскочил в подвал по ту сторону улицы. При помощи каната через улицу был протянут провод, и

через 15 минут комбат мог руководить ротой по телефону.

Впоследствии этот канат использовался для подачи роте боеприпасов, воды и пищи. Немцы, завидев передвигающийся через улицу ящик с патронами или термос с водой, открывали бешеный огонь из пулеметов, но канат по-прежнему выполнял свою роль транспортера.

Смекалка Осипова и его личная отвага помогли. Контратака немцев была отбита с большими для них потерями. За этот подвиг Осипов был представлен к правительственной награде.

Исключительную храбрость проявил расчет старшего сержанта Желтова в горячих уличных боях в Бреслау. Его орудие ни на шаг не отставало от пехоты, участвовало в штурме десятков домов. Расчет быстро засекал огневые точки противника, мешающие продвижению наших бойцов, и уничтожил их. Сам лично Желтов уничтожил три огневые точки противника. На перекрестке двух улиц в большом угловом доме противник оказывал упорное сопротивление, ведя огонь из автоматов, винтовок и пулеметов, забрасывая наших наступающих бойцов фаустпатронами и гранатами.

Бойцы залегли. Дальше двигаться невозможно. Враг хорошо просматривал подступы к дому. Тогда на помощь пришел расчет старшего сержанта Желтова. Он бесстрашно выкатил орудие на прямую наводку в восьмидесяти метрах от немцев и, невзирая на ураганный огонь фашистов, открыл ответный огонь по окнам дома, превращенным немцами в амбразуры.

Немецкие автоматчики и пулеметчики замолчали. Пехотинцы поднялись в атаку, ворвались в дом. Забрасывая врага гранатами, комсомольцы Торсунов и Хабибулин, идя впереди других бойцов, очищали комнату за комнатой. Спустя час дом был полностью очищен. Более 25trupов немецких солдат и офицеров валялось в нем.

Это не единственный случай храбрости и находчивости отважного артиллериста. Всегда орудие комсомольца Желтова огнем и колесами поддерживало пехоту. Комсомольца Желтова командование представило к правительственной награде — ордену Красного Знамени. ЦК ВЛКСМ наградил его Почетной грамотой.

Почетная и ответственная задача стоит перед полковыми разведчиками. Немалую роль они сыграли в выполнении боевых задач в боях за Бреслау.

...Вражеские снайперы тщательно замаскировались, часто меняя позиции. Для того, чтобы обнаружить их, требуется вызвать огонь на себя и вести наблюдение, засечь огневую точку. Немецкий снайпер в квартале № 534 методически стрелял вдоль улицы. Его нужно было выследить и уничтожить. Инициативу в этом деле проявил разведчик Гармашев. Ночью он пробрался в развалины дома, расположенного недалеко от того места, где находился снайпер. Утром он начал наблюдение. Снайпер ничего не подозревал. После долгого наблюдения Гармашев выстрелил несколько раз в амбразуру, откуда бил немец. После этого улица снайпером больше не простреливалась.

Нужно было определить группировку противника перед фронтом полка. Разведчики наблюдали за действиями противника. У одного дома лежал труп убитого немецкого унтер-офицера. Он был на нейтральной полосе. Попытки немцев утащить труп закончились неудачей. Рядом с унтер-офицером лежали еще два немецких солдата. Разведчики решили взять документы у убитых. Но противник тоже зорко следил за трупами своих солдат.

С наступлением темноты отважные разведчики комсомольцы Гармашев и Капацино вылезли из окна дома и поползли к убитым. Противник непрерывно освещал ракетами передний край. Заметив разведчиков, он открыл ураганный огонь из пулеметов и винтовок.

Но разведчики недаром вели наблюдение, уже знали каждый камень на своем пути. Они залегли в воронке от снаряда и умело замаскировались. Улучив удобный момент, смельчаки взяли документы у убитых. Они оказались ценными для нашего командования. Вернулись разведчики без особых происшествий.

До прорыва обороны противника на левом берегу реки Одера служба артснабжения полка проверила техническую исправность всего вооружения. Стрелковые подразделения на пятьдесят процентов были укомплектованы автоматическим оружием. Боеприпасы в подразделениях и на складе артснабжения имелись в ко-

личестве 1,5 боекомплекта. Полбоекомплекта было израсходовано на артподготовку перед прорывом обороны противника. Полбоекомплекта осталось на правом берегу реки. После переправы через реку боеприпасы были доставлены в подразделения.

За время военных действий в городе Бреслау израсходовано следующее количество боеприпасов:

1. Винтовочных патронов	—875000 шт.—	26,6 боекомплекта или 27 тонны
2. Гранат ручных и противотанковых	— 12100 шт.—	10 боекомплектов или 1,4 тонны
3. 82-мм мин	— 13300 шт.—	17 боекомплектов или 116,5 тонны
4. 120-мм мин	— 3930 шт.—	12 боекомплектов или 97,8 тонны
5. 45-мм снарядов	— 7800 шт.—	7,7 боекомплектов или 28,8 тонны
6. 76-мм снарядов	— 2580 шт.—	9 боекомплектов или 28,8 тонны.

Итого... 300,3 тонны

Триста тонн боеприпасов! И это израсходовал только один 1198-й стрелковый полк в боях за Бреслау. Легко себе представить, сколько потребовалось транспортных средств, чтобы доставить весь этот груз в боевые подразделения. И самое главное, пожалуй, какие нужны были героические усилия тружеников советского тыла, в том числе и на Западном Урале, чтобы обеспечить патронами, минами, гранатами, снарядами сражавшихся на фронте доблестных воинов Советской Армии.

ПРИКАЗ

По 1198-му стрелковому полку 359-й стрелковой Ярцевской дивизии

26 августа 1944 г.

№ 193

Действующая армия

§ 1.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 августа 1944 года, за образцовое выполнение задания Командования в боях с немецкими захватчиками, за овладение гор. Львов и проявленные при этом доблесть и мужество, 1198-й с.п. награжден орденом Красного Знамени.

§ 2.

1198-й стр. полк впредь именовать: «1198-й Краснознаменный стрелковый полк».

§ 3.

Товарищи бойцы и офицеры! Поздравляю вас с высокой правительственной наградой — орденом Красного Знамени — и желаю дальнейших боевых успехов в деле окончательного разгрома немецко-фашистских захватчиков. Эту высокую награду полк заслужил благодаря мужеству и стойкости наших бойцов, сержантов и офицеров, благодаря их умению беспощадно громить немецко-фашистских захватчиков...

Вместе со всей Красной Армией, наш полк прошел тяжелый путь, овеянный боевой славой. С упорными боями полк прошел путь от Калинина до Орши, от Звенигородки до Дембицы. Сотни тысяч советских граждан вырваны нашими воинами из кровавых лап фашизма. За это время освобождено несколько сот населенных пунктов, в том числе города Калинин, Ржев, Ярцево, Смоленск, Львов, Дембица.

...Тысячи гитлеровских головорезов нашли себе бесславную могилу на советской земле от твердой руки наших бойцов и офицеров...

В боях за город Калинин и Ржев воины нашего полка проявили исключительную стойкость и мужество в

обороне и стремительность в наступлении. От Ржева до Ярцева полк прошел с боями 200 километров за 24 дня. При прорыве сильно укрепленной обороны немцев на Ярцевско-Смоленском направлении бойцы и командиры дрались, как львы, в ряде случаев идя на жертвы ради обеспечения выполнения поставленной задачи, за что тов. Сталин объявил благодарность...

Охваченные глубокими патристическими чувствами, только за первые два дня наступления с 8—9 августа 1943 года 164 бойца и офицера подали заявления с просьбой принять их в ряды ВКП(б). За героизм и отвагу, проявленные в боях, за август 1943 года было награждено правительственными наградами 265 человек. Во время окружения и ликвидации Корсунь-Шевченковской группировки, находясь на главном направлении удара противника, пытавшегося соединиться с окруженными частями, полк с честью выдержал бой с большим количеством вражеской техники. В этом бою такие герои, как командир батальона Севальнев, старший лейтенант Иванов, младший лейтенант Воронин, гвардии лейтенант Гмырин, старший лейтенант Потлох, красноармеец Золотарев и другие погибли геройской смертью, но не отступили ни на шаг перед лицом грозной опасности. Тов. Сталин вторично объявил благодарность личному составу полка.

На рубежах р. Стрипа полк создал неприступную оборону на протяжении 8 километров с развитой сетью траншей в три линии и ходов сообщения, дзотов, с хорошо продуманной и организованной системой огня как пехотного, так и артиллерийско-минометного огня. Неоднократные атаки противника разбивались о стойкость наших воинов и неприступность обороны. Во всех боях огневая инициатива принадлежала полку. Это обеспечило дальнейшее успешное наступление наших войск.

Массовый героизм проявляли наши бойцы, сержанты и офицеры в боях на далеких и ближних подступах к гор. Львову, а также при ликвидации бродской группировки противника. Только за 22 июня 1944 года взято в плен 1500 вражеских солдат и офицеров и много техники. За массовый героизм, проявленный в этих боях, в полку награждено правительством 520 человек. Тов. Сталин объявил в третий раз благодарность личному составу.

Всего в полку награждено отличившихся в боях рядовых, сержантов и офицеров более 2000 человек. Имена героев полка, умноживших его славу, его боевые традиции, таких, как капитан Аралов, старший лейтенант Цветков, лейтенант Кабанов, старший лейтенант Семенов, капитан Севальнев, старший лейтенант Иванов, младший лейтенант Воронин, старший лейтенант Гутин, капитан Деркачев, старший лейтенант Силантьев, лейтенант Черномырдин, старшина Губоладзе, сержант Недуренко, павшие смертью храбрых на поле боя, — будут вечно жить в наших сердцах.

Лучшие люди нашего полка своим умением и бесстрашием в борьбе с заклятым врагом продолжают умножать боевые традиции полка, его честь и славу. Образцом в выполнении своего священного долга являются тт. Решетников, Бухалин, Максюта, Холинов, Давыдов, Большаков, Охотник, Гассан, Халин и многие другие.

Товарищи бойцы, сержанты и офицеры! Поздравляю вас с высокой правительственной наградой орденом Красного Знамени и приказываю:

1. Всему рядовому, сержантскому и офицерскому составу еще более совершенствовать свое боевое мастерство, бить врага днем и ночью, не давая ему передышки, до полного уничтожения.

2. Не зазнаваться достигнутыми успехами, помнить, что на пороге своей гибели враг еще яростнее будет сопротивляться и идти на различные авантюры. Поэтому необходимо улучшить разведку и наблюдение, усилить бдительность, еще больше крепить дисциплину и порядок в подразделениях.

3. Больше проявлять дерзости и стремительности в наступлении, максимально используя всю мощь пехотного оружия.

4. Ни в коем случае не допускать фактов мародерства и каких бы то ни было других аморальных явлений, позорящих честь воина Красной Армии.

5. Выражаю твердую уверенность в том, что рядовой, сержантский и офицерский состав с честью будет носить и множить завоеванную славу и в предстоящих боях еще более умножит боевые традиции, честь и славу полка...

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и
независимость нашей Родины!

Смерть немецким захватчикам!

Командир 1198-го Краснознаменного
стрелкового полка
гвардии подполковник Загребин.

Начальник штаба
майор Мурашко *

* Этот приказ взят из рукописной истории полка, которую вел М. С. Орлов, помощник командира полка по материально-техническому обеспечению. В тексте сделаны небольшие сокращения и внесены некоторые стилистические поправки.

Нина Михайловна Анферова (теперь Зуева) родилась в 1922 году в Карагайском районе Пермской области. Член КПСС с 1945 года.

Свою трудовую деятельность начала в 1940 году сестрой-воспитателем в детских яслях в селе Козьмодемьянском Карагайского района.

Когда началась Великая Отечественная война, добровольно пошла в ряды Советской Армии. В качестве санитарки сержант Н. М. Анферова служила в медико-санитарном батальоне 359-й стрелковой дивизии.

После боев под Ржевом направлена на Волховский фронт. Дважды ранена, причем одно ранение тяжелое. В 1944 году, после лечения в госпитале в связи с инвалидностью, была демобилизована.

Награждена медалями «За боевые заслуги» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

В настоящее время работает заведующей детскими яслями № 94 в городе Перми.

Фашистов я запомнила такими, какими увидела их в самый первый раз. Зима сорок первого — сорок второго. Мороз — про такой говорят: «Птица на лету стынет». Калининский фронт. Село, в котором мы, необветренные, необстрелянные, размещаем свой медсанбат. И рыжие, откормленные фрицы. Мертвые фрицы. Застигнутые красноармейской пулей, да так и застывшие с арийским своим самодовольным румянцем на щеках...

А те, кто только что выбивал их из села, еще близко. Фронт совсем недалеко, он рядом. И ближняя перестрелка, глухие разрывы то и дело вплетаются в шум, который принесли в село мы. Мы — медсанбат 359-й дивизии.

Принимаемся за дело немедленно. Такой уймы грязи видеть мне не приходилось еще ни разу. Звенят ведра, шлепают мокрые тряпки по полу, вместе с входящими клубы морозного пара врываются в избы и сразу же пропадают в лужицах воды на отмытых половицах. А лужицы эти на глазах стекленеют, потому что окна в избах выбиты. Мы заколачиваем их досками, ставим печки-временки, и вот уже над селом плывет легкий дым — не клочковатый и горький дым пожарищ, а дым домашнего тепла, нехитрого деревенского уюта.

Распаковываем белье, медикаменты, которыми очень щедро снабдили нас, отправляя в действующую армию. Торопимся — делаем все не в часы, а в минуты. Опыта фронтовой жизни фактически ни у кого нет. Да и откуда он у нас, молоденьких сестер и санитарок, откуда он у совсем юных врачей, прямо из институтских аудиторий шагнувших в войну, откуда он у самых старших из персонала медсанбата, если самой-то войне — всего полгода?.. Хоть за ранеными мы уже немножко ухаживали в тыловых госпиталях, принимали эшелоны на станции Верещагино, но фронтового опыта у нас нет.

Почему-то нет и страха перед тем, что ждет нас. Просто все мы очень сосредоточены и очень торопимся.

Торопимся — и все равно не успеваем. С той стороны, откуда еще доносится стрельба и гулкое пушечное аханье, прямо из боя везут раненых бойцов. Ритм нашей работы становится еще чаще. Принимаем, перевязываем, несем в операционную, разматываем грязные, ставшие коричневыми бинты, согреваем окоченевшие пальцы, трем помороженные щеки, распределяем раненых по избам, которые превратились в палаты. Своего первого раненого я так и не помню — сколько их прошло через руки мои и подруг в те страшные минуты, месяцы, годы...

Бывало, накладываешь жгут или повязку, глянешь в лицо — видишь глаза, зажмуренные от боли, сам лежит бледненький да совсем молоденький — с такими мальчишками мы, когда в школе ясельных сестер учились, на танцы бегали. Или дядечка пожилой — скулы побелеют, а ни за что не застонет. Иной посмотрит на тебя да тяжело так вздохнет — то ли от боли, то ли от жалости к нам, совсем девчонкам, то ли от недоверия: вот, мол, к каким свистушкам стриженным в руки попал, сумеют ли сделать все, что надо... И от того, что лица эти напоминают нам то ребят знакомых деревенских, то отцов наших, то братьев старших, — все время сердце кровью обливается, когда видишь страдания бойцов.

В эти горячие дни не отходили от операционных столов врачи. Опытный хирург Наталья Васильевна Самборская, худощавая, хрупкая на вид, полсуток не присядет, а в близоруких глазах по-прежнему уверенность, бодрость. Небольшая, легкая, она вселяла эту уверенность в сердца и руки молодых хирургов. Их было несколько юношей с последнего курса Пермского медицинского института, ушедших на фронт. Помню Рыбакова, который позднее стал начальником медсанбата, Ориенбаума, Качмышева, Гребнева... Поначалу они ассистировали Самборской и другому опытному врачу — Васильеву. Это был человек высокий, добродушный, с русским простоватым лицом (встретишь такого — ни за что не подумаешь, что это очень образованный, с огромной практикой медик). Потом молодые вставали к столам самостоятельными хирургами и без паники относились к самым сложным, самым серьезным полостным

операциям. А ведь условия здесь были далеко не такие, в каких они проходили свою институтскую практику.

Конечно, инструмент исключительно стерильный — автоклав кипятил его непрерывно, и стол операционный через каждые восемь часов работы менялся, и белье чистейшее, а вот света настоящего, например, не было. В операционной горел трофейный кабель вместо лампы. Кусок кабеля подвешивали к потолку и поджигали. Он горел, как фитиль, или как свечка, огонь все выше полз. Свет отдалялся от стола, и тени начинали блуждать по стенам. Тогда провод удлиняли, и все начиналось сначала.

В эти горячие дни мы буквально с ног сбивались. И, бывало, как раз тогда, когда уже совсем невмоготу, когда чувствуешь: еще одна перевязка и свалишься, — вдруг скажут тебе:

— Отдохни-ка чуток...

Тут же примостишься в сторонке, даже не разуваясь, и забудешься ненадолго. И сон-то — не сон: все время перед глазами то ввалившиеся щеки, то веки воспаленные, и раны, раны, осколочные, пулевые... Тебя осторожно, но настойчиво трогают за плечо:

— Нина, просыпайся!

И уже наяву — раны, раны, осколочные, пулевые, ввалившиеся щеки, воспаленные глаза... До каких же пор?!

Правда, это только вначале так было, что и во сне и наяву. Это всегда так вначале. Дома убираешь картошку — во сне первые дни даже звон картофелин о дно ведра слышишь. Или косить начинаешь — все время перед глазами трава ложиться, опадает, и коса мелькает. Или гребешь, а лужок, такой короткий на самом деле, никак не кончается, и ты гребешь, гребешь, пока вот так же ласково и настойчиво не тронет тебя за плечо мама:

— Нина, просыпайся!...

А потом это проходит. И тут прошло. И сны в эти короткие два-три часа отдыха уже являлись спокойные, иногда из самого детства, такого недавнего и такого далекого.

Ведь большинству из нас, медсестер, санитарок, было едва по семнадцать — восемнадцать. Сама я незадолго до войны окончила школу ясельных сестер и начала работать в родном селе Козьмодемьянске Кара-

гайского района. А осенью сорок первого подала заявление в военкомат. Два месяца учебы в Верещагино, месяц в Рыбинске — и я на фронте. И Зоя Целоусова так же — мы с ней вместе учились. А Аня Малова, медсестра из Перми, и Аня Юхнева, и Надя Онищенко, и операционная сестра Надя Котельникова... Все мы были молоденькие, все только-только жить начинали, работать — а тут война.

То, что наш медсанбат сразу попал в такую переделку, объяснялось просто: немцев погнали от Москвы, на Калининском фронте шли жестокие непрерывные бои, и наша дивизия как-то очень быстро двинулась вперед. Чтобы не перебазировать часто весь медсанбат, было решено создать передовую группу, которая бы поспевала за дивизией и скорее принимала раненых прямо с перевязочных пунктов. В этой передовой группе медсанбата пришлось поработать и мне. Как всем — по восемнадцать часов в сутки, без отдыха, без срока.

А потом движение приостановилось. Дивизия оказалась в обороне. И медсанбат наш надолго расположился у деревни Свеклино, что недалеко от Ржева. Рядом речушка, исток Волги, очень похожая на нашу Обву. На другом берегу — немцы.

Собственно говоря, деревни-то не было — сгорела деревня. По склону глубокого лога мы вырыли землянки. Так стрижи на речных обрывах гнезда делают. Несколько палаток двухслойных поставили. Вырыли ходы — траншеи. Бойцов размещали в зависимости от того, как серьезно ранение. В одних палатах народу побольше — это легко раненные; в других иногда по несколько человек, если ранения у них тяжелые, — оперированные. Была у нас и госпитальная палата. Офицеров, которые могли вылечиться на месте, оставляли в этой палате, чтобы сохранить командный состав, быстрее вернуть его в строй.

Это ведь происходило летом сорок второго. Перелом на фронте не велик, было очень тяжело, и столько предстояло еще боев, побед и потерь...

В полевых условиях сложно было наладить дезинфекцию, но надо: столько народу, люди ослаблены ранениями, только упусти — погибнут не от ран, а от болезней. Призвали наши медсанбатовские умельцы на помощь смекалку. И додумались. В цистерну из-под

бензина вставили железную бочку, в бочке — железные прутья, на них одежду развешивали, а в цистерне топливо жгли с обеих донных сторон и прожаривали одежду в такой самодельной дезинфекционной камере.

Условия, конечно, нелегкие и для нас, медиков, и для раненых. Надо было иметь большое мужество, чтобы выстоять, преодолеть все трудности, пережить все, что выпало на долю наших людей.

Нам, медсестрам, всякое дело было впору. В горячие дни наступления поспишь два часа в сутки — счастьем считаешь. Когда же дивизия в обороне — раненых меньше, и нам становится легче, хотя день по-прежнему заполнен до отказа. Сделаешь перевязки, поможешь обед принести, накормить бойцов, возле тяжелораненого присядешь. Помню, был такой рядовой, Юсупов, очень тяжелый. Позовет:

— Сестра, подойди ко мне, погладь мою руку...

И сидишь. И гладишь, думаешь: «Хоть бы ему чуточку полегче стало...»

Другой просит письмо написать. Лежит, раненую руку к груди прижимает, в потолок уставится и диктует. Слова все серьезные, фразы короткие, а чувствуешь за этими приветами, вопросами да советами такую тоску о жене и ребятишках, такую заботу о семье! Назовет одно имя — остановится. Видно, в памяти перебирает все, что с этим именем связано. Другое — и снова пауза... Половине деревни приветы передаст — и будто сам там побывал. Нянчит раненую руку, а в глазах — и радость и тягость:

— Как же я теперь работать буду? Безрукий, а?..

Успокоишь. Примеров наскажешь, как еще не такие инвалиды себе применение находили, и какие сейчас протезы мастерят, и что ему, герою войны, никто пропасть не позволит... Подойдешь потом — спит и улыбается, своих во сне видит.

Иногда думаешь: «Хватит ли сердца — всех пригреть да пожалеть?»

И знаешь: должно хватить, надо, чтоб хватило, недаром ведь раньше не медсестрами нас называли, а сестрами милосердия.

Без шутки не обходилось. Помню, диктовал один письмо домой:

«Здравствуй, дорогая жена Теодозия! Я жив, здоров, лежу в лазарете...»

Раненые над ним долго потешались:

— Что же ты в лазарете валяешься, раз здоров?

И потом это письмо у нас без смеха вспомнить не могли.

Сложная жизнь: где горе — тут и светлые минуты. И радость жизни в нас погасить никакой фашист был не в силах. Выдастся время — соберемся вместе, пошутим, посмеемся, песни попоем. Очень были дружные у нас девчата. К красивому тянулись. То цветы раненым принесем, то трофейную шелковую марлю зеленкой подкрашиваем, шторы в госпитальную палату шьем, уют создаем. Зоя Целоусова, инициативная, боевая (недаром она когда-то старостой в нашей группе была), все время в редакцию дивизионной газеты бегала, выпрашивала патефон для раненых.

О мирной жизни мечтали. Только не все дождались ее. И Зоя наша тоже не дождалась... Была она в полку вместе с другими медсанбатовцами, а тут бомбежка. Врач Шнейдер, сестра Люба Красильникова (она из Верещагино была) сразу же погибли. А Зою нашу ранило очень сильно, ее успели в медсанбат привезти, да только уже было поздно, умерла Зоя. Не так давно, на встрече в День Победы, бывший сотрудник дивизионки меня спрашивает:

— Где же та девушка, что к нам за патефоном все прибегала?

А я говорю:

— Погибла она, у деревни Ширяйки похоронена... Вместе с ним вспомнили ее и погрустили.

Другая моя подружка, Клава, тоже карагайская, в зенитном дивизионе была. Приедет к нам за перевязочным материалом или еще за чем другим, встретимся мы с ней, найдем местечко укромное и обо всем переговорим, посеCRETничаем, дом повспоминаем, родителей, подружек. Клава погибла при артобстреле.

Тяжело терять дорогих тебе людей.

А мы их много потеряли, дорогих нам людей, ведь и к тем же раненым так привыкаешь быстро, а когда столько сил отдашь, чтобы только он выжил, каждый человек тебе по-особому дорог становится. Да и бес-

помощные они, раненые, беззащитные, как, бывало, малыши у меня в яслях, в том предвоенном времени.

Везешь их на станцию сопровождать к эшелону, на эвакуацию, и прислушиваешься все с тревогой — не гудит ли где стервятник фашистский. Иногда прямо во время погрузки налетят, состав бомбят. И вот вместо одной раны у бойца еще несколько добавится. Кто был только ранен — теперь убит. Снова перевязки... Как сами мы из этого пекла живыми выходили, не знаю. Помню, отправили эшелон, возвращаемся обратно, а с машиной что-то случилось. Остался с ней шофер. Мы с санитаром вдвоем в часть шагаем. Чистое поле — и два человека полем идут. Так он, фашист, на бреющем летит, стреляет, да еще и бомб не жалеет — это на две-то крохотные мишени! Мы, когда опомнились, решили: не считал, видно, тот немец боеприпасов, раз так легко их разбрасывал. Да и зря — оба мы невредимы остались. Верно, миловала нас до времени судьба. И не один раз.

Как-то остановились в деревне, операцию в избе разместили, для обогрева печку-временку поставили. А когда уехали, хозяева той избы русскую печь затопили, и все взлетело на воздух. Оказывается, в печи мина была. Фашисты, отступая, заложили. Им ведь все равно было, кого убивать: старух ли с малыми детьми, солдат ли.

Двигаясь вперед, мы заставляли пепелища, порубленные сады, загаженные вокзалы, полуживых людей. Мы помогали местным жителям чем могли, а они нам. В Ярцево одна женщина взялась стирать для медсанбата, да так и осталась с нами. Сначала в прачечной работала, потом пекарем. Знаю, что потом она замуж вышла за кого-то из наших бойцов и уехала после войны в Юго-Камск.

Дивизия ведь наша уральская и среди раненых земляки частенько встречались. Помню, как Александра Васильевича Пугина из нашего же села увидела. Еще когда их часть формировалась, мы иногда с ним виделись. Но то — почти дома, а здесь, на фронте, встретиться с соседом — большая радость. Хотя встречи в медсанбате сами по себе невеселы: здоровому человеку у нас делать нечего. Так и оказалось — Александру Васильевичу руку повредило, потому он к нам и попал. Пугин и сейчас в родном селе живет. Когда приезжаю

в Козьмодемьянск, я обязательно захожу к нему — ме- дом угощаться.

И других, хоть очень редко, да можно встретить сей- час — тот лечился у нас, тот работал. А иных уж и не встретишь никогда...

Козлова, например, начальника штаба одного из полков. Он попал в медсанбат первый раз, когда ра- нен был легко. Высокий такой, веселый, общительный. Пока выздоравливал, мы с ним подружились. В апте- ку проводит, идешь за обедом для раненых — ведро поднесет. Помню, концерт был, артисты приезжали, так он меня высоко на дерево посадил — будто на галерке сидела. И любил откровенно поговорить, Свердловск свой вспомнить, каких-то двух девушек-близнецов, в ко- торых влюблен был враз, и сам над собой подшучивал. Скоро он поправился и вернулся в свой полк.

Но однажды возвращаюсь откуда-то, должно быть, раненых на станцию провожала, а девушки встречают меня расстроенные:

— Колю Козлова привезли!

Ему в это время операцию делали. После операции он уже недолго дышал. И все повторял:

— Ничего, мы еще поживем...

Погиб хороший человек Козлов. Но его упрямое «Мы еще поживем» говорил про себя каждый боец, дер- жали в мыслях все раненые. И мы помогали им выжить, помогали, не щадя себя, всей душой желая спасти им жизнь, здоровье, силы. Это стремление владело в мед- санбате 359-й дивизии всеми. Коллектив был дружный, деятельный, целеустремленный.

Очень я жалела, когда мне пришлось с ним расстать- ся — в конце 1942 года я была ранена. Отправили в госпиталь, а оттуда в запасный полк. В 359-ю вернуться уже не удалось, попала на Волховский фронт и воевала до 1944 года, пока из-за тяжелейшего ранения меня не списали из армии совсем.

Сейчас я снова с малышами. Заведую детскими яс- лями. Больше ста ребятишек начинают свой день в свет- лых комнатах наших яслей. Играют, ссорятся и тут же мирятся, смеются, кричат, поют, а крохотные грудняш- ки, которые этого ничего еще не умеют, просто лежат себе, посапывают от кормежки до кормежки... Беспо- койное хозяйство, враз затихающее после обеда в кро-

ватках, выставленных на веранды. Пройдешь, поглядишь, не выпросталась ли где нога из-под одеяла, не мешает ли кому солнце. Чья-то круглая голова оторвется от подушки, глянет на тебя невидящими сонными глазами и снова упадет — сны досматривать. Спите спокойно, малыши...

Няни у нас в яслях, как на подбор, молоденькие, почти такие, какими мы двадцать шесть лет назад уходили на фронт. Страшно делается, как подумаешь, что и им придется когда-нибудь не ребячьи желания угадывать, не малышей кормить, спать укладывать, сны их светлые оберегать, а выхаживать взрослых людей, чьи тела могут быть исковерканы войной. Я знаю: каждый, кто воевал, готов сделать все, что угодно, только бы этого не случилось никогда.

Литературная запись Э. Зебзеевой.

Гукас Карапетович Мадоян родился в 1906 году в Карской области (по договору 1921 года Карская область отошла к Турции). Член КПСС с 1925 года. Начиная с 1920 года (с некоторыми перерывами) находится в рядах Советской Армии в начале воспитанником, потом на разных командных должностях. Участник Великой Отечественной войны с августа 1941 года. В составе 359-й стрелковой дивизии находился с августа по октябрь 1944 года, командуя 1194-м полком. Выбыл по ранению. После лечения ушел в отставку в звании полковника.

Г. К. Мадояну 31 марта 1943 года присвоено звание Героя Советского Союза. Награжден также орденами Красного Знамени, Александра Невского, двумя орденами Отечественной войны I степени, четырьмя медалями и американским орденом «За боевые заслуги».

После войны был на ответственной работе в правительстве Армянской ССР — заместитель министра торговли, заместитель и министр социального обеспечения. В настоящее время — советник при Совете Министров Армянской ССР. Г. К. Мадоян неоднократно избирается депутатом Верховного Совета Армянской ССР и членом ЦК Компартии Армении. Ныне он живет в городе Ереване.

Г. К. Мадоян,
Герой Советского Союза

Много повидал я за время Отечественной войны, во многих тяжелых боях участвовал. На всю жизнь запомнился Ростов-на-Дону. Трудно там было. За бои в Ростове мне присвоили высокое звание Героя Советского Союза. Но то, что пришлось испытать в Карпатах, когда мне выпало командовать 1194-м стрелковым полком, в котором были удивительно смелые, выносливые люди седого Урала, — те дни превосходят все виденное и пережитое ранее.

Принял я полк в августе 1944 года. Дивизия располагалась тогда в районе Жешува. Условия в этом районе боевых действий создались очень трудные. Фашистские заправилы отлично понимали, какой катастрофой грозит им потеря позиций в Карпатах, и создали здесь мощную оборону.

Не успел принять полк, ознакомиться как следует с личным составом, как сразу же поступил приказ взять опорный укрепленный пункт противника на высоте 216 в районе Ясени. Внезапным ударом нам удалось сломить сопротивление врага и ликвидировать этот укрепленный пункт.

Сразу же после этого наш полк перебросили под Яселяны. Задача — разгромить сильно укрепленный узел сопротивления противника. Это был трудный бой. Выделил две штурмовые роты для обхвата с флангов, остальные развернули по фронту. После артподготовки пошли в атаку. Гитлеровцы дрались с отчаянием обреченных, часто бросались в контратаки. Дело доходило до рукопашных схваток, но наши воины-уральцы превосходили их и умением, и отвагой. В конце суток штурмовые группы нашего полка ворвались в Яселяны и после короткого уличного боя узел сопротивления врага был раздавлен.

За разгром этого укрепленного опорного узла многие в нашем полку награждены орденами и медалями.

Меня за этот бой наградили орденом Отечественной войны I степени.

Пошли с боями дальше на Запад. Форсировали реку Дунаец. Через неделю нас вывели в резерв командующего армией генерала Москаленко, а еще через пять дней наша дивизия в качестве резерва командующего фронтом была переброшена в район Кросно — Санок. Задача — наступать в направлении на Прешов. В этот район шли с боями. Здесь был стык 1-го и 4-го Украинских фронтов. Наш полк и прикрывал этот стык.

В конце августа наступила короткая передышка. Наш полк, как и другие части, нуждался в отдыхе, в пополнении личным составом и вооружением. Неважно было и со снабжением. Базы наши здорово отстали, и следовало подождать, пока подтянутся тылы. Ремонтировались, отдыхали, учились воевать в горных условиях. К тому времени наметилось направление главного удара — на Кросно, Дуклинский перевал, Тыляву.

Тщательно готовились к новому наступлению. Командиры и политработники разъясняли бойцам его цели и задачи, рассказывали об интернациональном долге Советской Армии.

Чехословацкий корпус, которым командует генерал Свобода, воюет рядом с нами.

— На то он и Свобода, — шутили бойцы и спрашивали друг у друга:

— А как дерутся сами чехословаки?

— Поговаривают наши солдаты, что Дуклинский перевал будем брать, верно это?

— Верно, будем.

— А когда?

— Ну, это только командующий знает.

— Говорят, крепкий орешек.

— Ничего, разгрызем, а скорлупку выплюнем.

— Урал прислал новые автоматы, пулеметы... С ними никакой перевал не страшен. Одолеем.

— Добивать надо гадов!...

Такие разговоры слышались всюду. Они были отражением тех дум, которые владели войсками, свидетельствовали о высоком моральном состоянии наших бойцов.

И вот, снова вперед. Утром восьмого сентября наша 38-я армия наносила удар северо-западнее от Кросно на юг, в направлении местечка Дукля. Наш полк пошел

южнее, на высоту 647 и 701. Мы должны были захватить узел дорог в районе разезда Ясьлисихи. Трудно было здесь воевать. Перед нами гористая местность — Бескиды. Это — горные хребты, заросшие лесом, глубокие ущелья, по дну которых быстро мчались горные потоки.

Шли мы хребтами, расстояние между флангами достигало 7—8 километров. Нам нужно было во что бы то ни стало пробиться в деревню Тылява, потому что здесь была шоссейная дорога, идущая из глубины Чехословакии. Эта дорога для врага была жизненно важной, по ней все время курсировали танки.

Гитлеровцы, видимо, не ожидали так скоро нашего наступления на этом участке, и вначале их сопротивление было слабым. Но наши части не смогли быстро продвинуться вперед. Узкие горные дороги оказались настолько перегруженными, что передвигаться по ним можно было с большим трудом, чрезвычайно медленно. Часто создавались огромные пробки, и тогда всякое движение войск прекращалось до тех пор, пока не рассасывались эти пробки. Части задерживались, не смогли своевременно вступить в бой, чтобы использовать фактор внезапности и одним ударом сломить сопротивление врага, сбросить его с перевала.

Противник тем временем пришел в себя, успел занять оборону на новом рубеже и приостановить наступление наших войск. Наш полк за день боев сумел продвинуться только на 6—12 километров, тогда как вся глубина обороны противника составляла не менее пятидесяти километров.

Мы получили новую задачу: сосредоточиться в районе Крайна Порубка, а отсюда выйти на горы Бели-Брдо — Яма и селение Нижний Комарник, которое является узлом дорог, оседлать эти дороги и держать до подхода наших передовых частей.

Местность на пути нашего полка лежала самая гиблая. Дорог нет. Лесная чащоба, горы, болота. А тут начались дожди. Ну ни проехать тебе, ни пройти. Пожалуй, только нашим солдатам было под силу преодолеть такие препятствия. Для уральцев, конечно, такая местность — не новинка, а о выносливости их и говорить не приходится. Железные люди, настоящими богатырями оказались.

Но, чтобы добраться до Нижних Комарников, надо было захватить Ясьлисиху — тоже важный, сильно укрепленный узел дорог противника. Дошли до села Липовец. Сразу за селом по опушке леса вырыты траншеи — оборонительный рубеж врага. Этот рубеж был построен еще в первую империалистическую войну 1914—1918 годов. В самых Липовцах фашисты засели в трех церквах и обстреливали шоссе, все подступы к селу. Часть Липовцев мы взяли, но из церквей выбить противника сразу же не удавалось, продвигаться дальше было невозможно. И обойти село лесом мы не могли. Если бы найти хорошего проводника, можно обойти и выйти прямо на Нижние Комарники. Но проводника найти не удалось. Два дня бились мы здесь, а потом полку дали другое направление. Взяли мы деревню Барвинок, сутки обороняли ее, а потом снова нас переводят в Липовец. В этот день наш полк с ходу взял гору Топорну, прикрывавшую Липовец.

Далее на нашем пути — Ясьлисиха. На этом рубеже противник заранее подготовился к обороне. Бьем по нему из пушек — он в землю прячется, молчит. Прекратишь огонь, поднимешься в атаку — он снова оживает, бьет по нашим, не дает возможности прорваться. И никак не можем засечь его огневые точки. Здорово они замаскированы. Да к тому же гитлеровцы маневрируют огневыми средствами: минуты за три успевают перебрасывать пулеметы и минометы с одного места на другое.

Решили захватить Ясьлисиху ночью. Докладываю свой план командиру дивизии полковнику Косолапову.

— Товарищ полковник, — говорю ему, — до утра меня не ищите.

Он недоумевает:

— Как это не ищи! Что еще надумал?

— Хочу выйти в тыл противника.

— А здесь кругом противник.

— Хочу пройти через стык обороны немцев и зайти им в тыл, разгромить, взять Ясьлисиху. Захватим этот узелок, обеспечим продвижение фланга наших войск.

— Хорошо, действуй. Только держи связь со мной, — разрешил комдив, по достоинству оценив наш замысел.

Пошли мы. Было трудно, очень трудно. Было так, что люди без помощи друг друга не могли одолеть крутизну гор. Наша забота — в пути к Ясьлисихе не обна-

ружить себя, избежать встречи с врагом. Если вяжемся в бой, провалим всю операцию. Неослабно ведем разведку позиций противника, обходим его. Делаем крюк и двигаемся дальше, все ближе к цели. Десять километров прошли лишь за четырнадцать часов.

Взяли с собой шесть минометов. Бойцы нагрузились минами. Артиллерию тащить с собой не было никакой возможности. Но зато с нами были артиллеристы (командира, к сожалению, не помню), разведчики, связисты. Если возникнет необходимость артиллерийской поддержки, то они быстро сумеют вызвать огонь.

На рассвете вышли к роще, расположенной севернее Ясьлисихи. Далее — бросок оврагом. Великолепный овраг был! По нему хоть всю дивизию провести можно было. И, главное, это тыл врага. С этой стороны нас не ждали. Пробежав оврагом метров пятьсот, ворвались на разъезд и разгромили фашистский гарнизон. В Ясьлисихе мы захватили штаб со всеми документами, две минометные батареи и артиллерию, много боеприпасов и снаряжения. Враг потерял важный пункт своей обороны. С этого момента потеряли значение узлы сопротивления врага на высоте 687 — на его правом фланге и на высотах 961, 561 — на левом фланге.

С захватом разъезда Ясьлисихи наш полк открыл дорогу на Нижний Комарник — важный узел обороны противника. На Ясьлисиху пришли свежие части, а мы двинулись дальше. Ночью вышли в район лесопильного завода, расположенного южнее деревни Барвинек. Несмотря на то, что здесь была крепкая оборона врага, наш полк буквально разгромил гитлеровцев внезапным стремительным ударом.

В Барвинке не стали задерживаться, пошли дальше к Дуклинскому перевалу, где шел упорный бой. Через этот перевал нужно было пройти, но он сильно укреплен, а тут еще мешали дожди, туманы. Земля раскисла до невозможности. Со склонов гор сползали пласты земли и плюхались вниз, а по дороге, где только что прошли войска, будто грязевые реки: сползало вниз невообразимое и непролазное месиво. Казалось, что там, в заоблачных перевалах произошло извержение грязевого вулкана. Идти по такой грязи да еще тащить с собой технику было невероятно трудно. Но никакие трудности не могли удержать боевого порыва, остановить

наших бойцов, рвавшихся вперед. И жаль было смотреть на них — так трудно приходилось им, и поневоле восхищаешься, глядя на раскрасневшиеся, волевые лица, на которых запечатлелась твердая уверенность в своих силах. Поистине это были богатыри земли русской! Мужественные, стойкие, презирающие опасность и невзгоды, — истинные богатыри.

И люди, и оружие будто в каком-то фантастическом, до предела напряженном, неустойчивом движении. Через перевозданный лес, сквозь дождь и грязь, сквозь мглу серых разлохмаченных туч устремились туда, в синеву небес. Продираясь через заросли, через завалы покрытых мхом толстенных полусгнивших колод буков и пихт, наши бойцы не теряли присутствия духа. «Да, с такими солдатами любую крепость можно взять», — думал я в эти минуты.

Слева от нас бои за перевал вел Чехословацкий корпус генерала Свободы. В его состав некоторое время входила и наша дивизия.

Наступила ночь с пятого на шестое октября. Наши и чехословацкие войска приготовились к штурму перевала. Артиллерия в течение ночи и утром громила огневые точки врага, разрушала проволочные заграждения.

И вот наступил наш час. Атака наших войск была стремительной и сокрушительной. Днем Дуклинский перевал был взят. Первыми взойшли на него чехословацкие воины.

На перевале всюду зловеще чернели навек утихшие доты, разбитые танки врага, целились в небеса стволы дальнебойных пушек. Всюду валялись концы разорванной колючей проволоки, виднелись эскарпы, контрэскарпы, «ежи», бронированные колпаки, бетонные казематы с вывороченными внутренностями — следы прямых попаданий наших снарядов. Клыками ископаемых чудовищ выглядели надолбы. Казалось, ничего живого не осталось на перевале.

Наш полк удачно прорвался, разгромив врага на своем участке, и вышел в Нижние Комарники. Здесь у немцев сплошной линии обороны не было. Как прорвешь одну линию, можешь идти дальше, а километра через три-четыре снова линия обороны. Заняв Нижние Комарники, наш полк выполнил свою задачу. Но бои не

прекращались. Нам приходилось шаг за шагом, метр за метром взламывать оборону противника.

Гитлеровцы бешено сопротивлялись. К вечеру шестого октября наши войска сумели продвинуться лишь на 3—5 километров к югу от перевала и были остановлены перед новой линией обороны. Продвижение вперед было связано с большими трудностями и опасностью — все дороги и тропы густо минированы.

Фронтальные атаки сильно укрепленных участков вражеской обороны южнее Дуклинского перевала не приводили к желаемым результатам. Гитлеровцы сосредоточили здесь много живой силы и техники. Заранее подготовленные укрепления были настолько мощными, что для прорыва их требовались большие усилия. И тогда командование решило направление главного удара основных войск сосредоточить на запад, а мы и чехословацкий корпус остались ломать оборону противника в южном направлении.

Снова завязались жестокие бои. Отдельные высоты по несколько раз переходили из рук в руки, часто происходили рукопашные схватки. Наш полк вышел ночью к горе Ям и занял высоту 599. Вершина ее оказалась лысой, без единого деревца или кустика. Решил я занять полком оборону на этой высоте до получения распоряжения командования, так как соседи мои остались позади, а без соседей с оголенными флангами двигаться дальше вперед просто нельзя.

Наметил место для командного пункта, начали окапываться, занимать круговую оборону. И вдруг на нас с трех сторон посыпались пули врага. Естественно, что мы не могли оставаться на голом месте под сильным вражеским обстрелом. Стали отходить. А кругом все минировано. И тьма кромешная. Помню; последний всплеск огня рядом со мной, и все для меня исчезло, я уже ничего не видел и не слышал.

Очнулся в госпитале. Больше воевать не пришлось. Так я расстался с 1194-м полком славной 359-й Ярцевской, орденов Ленина и Красного Знамени дивизии, с полюбившимися мне бойцами-уральцами.

За бои в Карпатах многие солдаты и офицеры нашего полка были награждены орденами и медалями. В числе их орденом Красной Звезды награжден стрелок Арутюнов, майор Бондаренко, старший сержант Лаптев,

старшина Поваров. Орденом Славы награждены старший сержант Филиппов, рядовой Мокеев, младший сержант Следнев и многие другие.

Боевые дни, проведенные вместе с пермяками в жестоких боях с фашистской нечистью, не забудутся никогда.

Литературная запись А. Ясинского.

Яков Филиппович Колесник родился в 1919 году в селе Стуфчинцы Хмельницкой области. Член КПСС с 1943 года.

После окончания в 1939 году средней школы призван в ряды Советской Армии. Участник Великой Отечественной войны с первых ее дней.

В марте 1943 года был назначен начальником разведывательного отдела штаба 359-й стрелковой дивизии и находился в этой должности до конца войны.

За боевые подвиги награжден орденом Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны II степени, двумя орденами Красной Звезды и восемью медалями. Отмечен также тремя чехословацкими наградами: орденом «Хвалебный крест», медалями «За взятие Дуклинского перевала» и «XX лет Словацкого народного восстания».

Полковник Я. Ф. Колесник ныне работает в Пермском облвоенкомате заместителем областного военного комиссара.

Полковник Я. Ф. Колесник,
бывший начальник разведывательно-
го отдела штаба 359-й стрелковой
дивизии

В результате мощного наступления наших войск в январе сорок пятого, катастрофа на фашистскую Германию надвигалась с неотвратимой стремительностью. Были вдребезги разбиты последние надежды гитлеровцев на какой-то удачный исход войны. Очень ярко охарактеризовал обстановку на советско-германском фронте в ту зиму наш известный поэт Семен Кирсанов. В стихотворении «Возмездие», которое читали тогда наши бойцы в «Красной звезде», он писал:

Силезия завывала — нудно, долго...
Захлебываясь, Одер заорал...
Неумолимо приближалась Волга
По снежной Польше двигался Урал!..

Краткая хроника тогдашних быстро меняющихся событий на нашем участке фронта была такова. Продолжая наступление с Сандомирского плацдарма на запад в общем направлении на Ченстохов и Бреслау и вспомогательном — на Краков, войска левого крыла 1-го Украинского фронта 31 января вышли к реке Одер и форсировали ее.

Невероятно трудно было решить эту боевую задачу. Одер — вообще река со странностями. Замерзнет в середине зимы, а потом несколько раз вскрывается. Начинаются зимние ледоходы и паводки. В общем беспокойная, капризная река, а в ту зиму местами совсем не застыла. Фарватер был совершенно чистым, только у самых берегов тонкий лед, не выдерживающий человека. Противник же взорвал почти все мосты, подготовил на западном берегу три линии сплошных траншей с многочисленными дотами и дзотами. И все же, несмотря на все это, в центре фронта, где была наша дивизия, части также к этому времени вышли на рубеж реки Одер, захватили на ее западном берегу плацдармы севернее и южнее Бреслау. В конце января на подступах к этому городу появились первые советские танки,

а к 16 февраля подвижные соединения во взаимодействии с общевойсковыми частями завершили здесь полное окружение противника.

Войска генерала Глуздовского, а в их составе 359-я дивизия, получили задачу — держать гарнизон в окружении, перемолоть живую силу противника, заставить его капитулировать.

Восемьдесят один день продолжалась эта осада. Почти три месяца здесь не смолкали орудия, не затухали пожары. В ожесточенных боях отвоевывался буквально каждый метр, каждый дом, каждый квартал.

Что из себя представлял город Бреслау? Почему враг так яростно держался за него, а мы так долго его осаждали? Здесь много причин.

Дело в том, что Бреслау был административным центром Прусской Силезии, находящимся в ста пятидесяти километрах от Верхне-Силезского горнозаводского района. Он был мощным центром металлургической, машиностроительной и химической промышленности. Гитлеровцы организовали в городе танкостроение, производство орудий, снарядов, патронов, авиационных бомб. По населению (630 тысяч жителей) он занимал второе место среди городов Восточной Германии, уступая только Берлину. Здесь была разветвленная сеть железных дорог, в два раза превышающая густоту европейской железнодорожной сети.

В середине 1944 года в Бреслау фашисты издали книгу, посвященную роли Силезии в истории Германии. Об этом городе в ней говорилось, что он сыздавна был оплотом Германии на границах славянского мира. О том, что до 1742 года Бреслау назывался Бреславлем, а затем Вроцлавом, что расположен он на исконной славянской земле, в этой книжонке, конечно, не говорилось ни слова.

Так что этот город для фашистской Германии имел большое не только военное, но и политико-экономическое значение. Именно поэтому, даже оказавшись перед лицом катастрофы, фашистские главари приказали удержать Бреслау во что бы то ни стало, отстаивать его до последней возможности.

Нельзя было не учитывать и то, что этот город был и сильнейшей крепостью. Здесь можно было встретить самые разнообразные инженерные сооружения, начиная

от времен наполеоновских войн и кончая современными, новейшими. Задолго до того, как советские войска подошли к городу, фашистское командование провело большую работу по его укреплению. Каменные здания, тянувшиеся зачастую на целые кварталы, со стенами добротной старинной кладки, с глубокими каменными подвалами, — были отлично приспособлены к обороне. Способствовали этому и водные рубежи. Достаточно сказать, что через реку Одер, которая протекает через центр города, и ее рукава было переброшено 48 мостов. Покидая тот или иной квартал, гитлеровцы взрывали мосты. На всех улицах и перекрестках были построены баррикады. К обороне был приспособлен каждый каменный дом, каждая кирха, каждый замок. Некоторые из них были специально взорваны, чтобы завалить улицы и преградить путь наступающим. Стены многих домов были усилены бревнами, землей, железными балками, подвалы укреплены стойками. Кое-где подвалы соединялись между собой ходами сообщения, что давало возможность противнику маневрировать живой силой и огневыми средствами.

Очень многочисленным был гарнизон крепости. В городе насчитывалось до восьмидесяти тысяч солдат и офицеров. Причем, на каждые десять человек приходился один ээсовец. Гестапо вменило в обязанность своим молодчикам на месте расстреливать всех, кто подозревается в намерении сдаться в плен. Беспощадной казни подвергались мирные жители за появление на улицах после установленного времени, за бегство с военных предприятий и с принудительных работ.

Обороняя крепость Бреслау с помощью таких драконовских мер, противник стремился отвлечь наши крупные силы, которые должны были принять участие в штурме Берлина. Но цели своей враг не достиг. Войска нашего фронта, осаждая Бреслау, одновременно ликвидировали группировку юго-западнее Оппельна, затем участвовали в штурме Берлина и вышли на Эльбу.

История войн знает многие примеры длительной осады крепостей, однако в данном случае боевые действия наших войск имели ряд особенностей. Главной из них было то, что мы не имели численного превосходства над противником, как это всегда бывало при осаде. Почему? Наше командование учитывало, что Бреслау оказался

в глубоком тылу, что непрерывные бои сильно измотали врага. Было сделано все, чтобы создать такую плотность артиллерийского огня, которая позволяла бы парировать вражеские контратаки с целью прорыва в юго-западном направлении. События тех грозных дней полностью подтвердили правильность этого решения. Непрерывные удары с земли и воздуха, не прекращавшиеся ни днем ни ночью, день за днем вели к истреблению гарнизона, который в конце концов был вынужден сдаться.

Но это было в мае, а 16 февраля перед нами в зимнем тумане, среди дыма пожаров и разрывов вырисовывались очертания многоэтажных зданий. Каждый дом стрелял всеми окнами. Город простреливался со всех сторон не только нашими артиллеристами, но и минометчиками и над ним висел черный густой дым круглые сутки. Гарнизон фашистов сразу же оказался в очень тяжелом положении, но защищал крепость с фанатическим упорством.

Дивизия наша вела ожесточеннейший бой на уничтожение гитлеровцев. Кровавопролитные схватки в Бреклау приходили ко мне в сновидениях и после окончания войны. Врезались они в память еще и потому, что не были они похожи на те, которые мы вели под Ржевом и Ярцевом, под Львовом и в Карпатах.

Там мне, начальнику разведки дивизии, все было ясно. Четко была разграничена линия фронта, разведчики выполняли свои обычные обязанности: выявляли огневые средства врага, устанавливали месторасположения дотов, дзотов, и зарытых танков, ходили в тыл противника за «языками». Совсем другое дело в городе. Нам предстояло взять тысячи малых крепостей-домов. Расстояние между нами и фашистами — ширина улицы. На одной стороне — мы, а через дорогу — они. Даже штаб дивизии от передовой был всего лишь в полукилометре.

Опыта штурма больших городов дивизия, а следовательно, и ее разведка, не имела. Работу надо было строить с учетом тактики действия противника и своих подразделений. И все же, хотя бои в городе совсем не похожи на бои в поле и в горах, разведчики очень скоро нашли свое место.

Они сразу же начали разведывать объекты атак.

У командования всегда были свежие данные о картине вражеских огневых точек, системе и направлении его огня. Мы изучали подступы к обороняемым немцами объектам, определяли наиболее выгодное время атак, выявляли типы зданий, толщину их стен и перекрытий, расположение входов, скрытых амбразур, заграждений, а также соседние огневые точки опорных пунктов немцев. Чтобы разведать систему обороны противника, часто приходилось вызывать огонь на себя.

В боевых буднях накапливался опыт. Мы теперь уже знали, что огневые точки противника поддерживают друг друга. Что размещаются они так: в окнах нижнего этажа располагаются немецкие пулеметчики. Они простреливают пространство перед домом. У окон верхнего этажа находятся стрелки, которые ведут огонь по одиночным целям. Траншеи, отрытые недалеко от дома, укрывают истребителей танков. Во всех баррикадах из камня и бревен и завалах устроены амбразуры для стрельбы. Эти препятствия держатся под огнем пулеметов, автоматов, минометов, снайперов.

Мы установили и то, что основная масса пулеметов и автоматов концентрируется гитлеровцами на центральных улицах и площадях, что внутренние улицы каждого квартала, переулки и тупики контролируются мелкими группами автоматчиков и фаустпатронщиками. Немцы очень широко применяли фаустпатроны. Размещались они с ними в полуподвальных помещениях и на первых этажах каменных домов. Тщательно маскировались, выжидали, пока наши танки или артсамоходы подойдут на близкое расстояние, и стреляли в упор. Действия фаустпатронщиков разведчики быстро определяли по длинным языкам пламени и клубам черного дыма, вырывающимся из противоположного конца трубки при выстреле.

Разведка установила, что наиболее важные в тактическом отношении улицы и перекрестки простреливались автоматным огнем в три-четыре слоя. Снайперы маскировались в глубине комнат, подвалов и чердаков, наблюдая за подъездами, выходами из поперечных улиц и дворов. Иногда они устраивали свои позиции в скверах, за баррикадами и среди развалин.

Малокалиберные орудия и минометы враг устанавливал на первых этажах домов, в подвалах и обстрели-

вал широкие улицы, перекрестки и площади. Танков, самоходных установок и бронетранспортеров немцы имели ограниченное количество и использовали их для борьбы с орудиями прямой наводки, а также для поддержки своих контратак.

Все эти данные разведки были очень нужны нашему командованию. По ним определялся состав штурмовых групп. Ведь, не зная характера атакуемого объекта, его величины, прочности, количества огневых точек и живой силы в нем, нельзя было принять правильное решение и выиграть бой. А бои приобретали характер схваток небольших групп, действовавших, как правило, самостоятельно. Это, говоря военным языком, был ближний бой, завершавшийся штурмом укрепленных домов и других строений. Бойцы дрались за каждый этаж, за отдельную комнату, лестницу.

Основной тактической единицей в уличных боях стали штурмовые группы. Состав их был самый различный, они усиливались часто отделением саперов, двумя-тремя орудиями, танками или артсамоходами. В отличие от боев в других городах, здесь в состав штурмовых групп входила и тяжелая артиллерия. Прямой наводкой стреляли даже 250-миллиметровые пушки.

Атакующим приходилось взбираться по разрушенным лестницам, делать проломы в потолках и спрыгивать в нижние этажи, драться в комнатах и на крышах, в подвалах и на чердаках. Упорная и напряженная борьба шла и под землей. Гитлеровцы непрерывно расширяли и углубляли подвалы домов, соединяли их между собой так, что порой они тянулись на сотни метров. Подземные переходы минировались, баррикадировались, в них очень часто завязывались решительные и быстрые схватки. Подвалы часто озарялись вспышками гранатных разрывов и отблесками выстрелов. Надо сказать, что здесь очень поднялась роль гранаты. В Брестлау нельзя было увидеть ни одного пехотинца, который не был бы вооружен «карманной артиллерией».

Тактика штурмовых групп была самой разнообразной. Часто они проходили с боем все здание снизу доверху. Тяжелая артиллерия делала проломы в толстых стенах, но нередко они, зияя огромными дырами, продолжали стоять, не разрушались. Тогда в дело вступали саперы. Они придумали специальные тележки, на

Последние дни боев в Бреслау.
(Фото старшины А. Г. Мальцева).

которые грузили до ста килограммов тола, поджигали бикфордов шнур и сильным толчком направляли этот смертоносный груз в сторону объекта. Раздавался сильнейший взрыв, и громада многоэтажного дома оседала, погребая вражеских солдат.

Фаустпатронщики уничтожались часто огнем танковых пушек или пулеметов с дистанций, недосягаемых для фаустпатрона. Но это было исключением. В городе тяжело воевать без танков и мы всячески оберегали их от «сюрпризов» фаустпатронщиков. Когда не действовали танкисты, иногда один автоматчик противника держал под огнем целую улицу. Появлялся танк — и полный порядок. Саданет поочередно по огневым точкам бронбойными и разрывными снарядами, а сам — невредим. Огневые точки противника умолкают и наступление продолжается. Вот почему противотанковые средства противника мы стремились уничтожить пулеметным и автоматным огнем, не подвергая опасностям танкистов.

Приспособились мы в городе и добывать «языков» своим, особым способом. Командир разведроты капитан Покровский предложил и очень широко практиковал его. Притаившись за развалинами, разведчики ждали, когда артиллеристы по их просьбе тяжелым снарядом «прошьют» стену дома. Сразу же вслед за взрывом они врывались в здание, добивали гранатами и автоматным огнем тех, кто сопротивлялся, а остолбеневших от ужаса волокли к себе. Позже для таких же целей мы стали широко применять захваченные у немцев фаустпатроны. Чтобы не оказаться в положении внезапно контратакованных, в пролом врывались не всей группой. Оставлялась засада вокруг дома. Бойцы, выделенные для охраны своих товарищей, извлекающих «языков», выбирали себе места, откуда можно было вести огонь вдоль улиц, а особенно — по перекресткам. Очень лихим разведчиком при осаде Бреслау был у нас сержант Коротков. Не один десяток «языков» добыл он таким способом со своими молодцами. Он стал полным кавалером ордена Славы. Был участником парада Победы в Москве в июне 1945 года.

Фашистское командование принудило свои войска сопротивляться с отчаянием смертников. Отступать им уже было некуда. Но непрерывные действия наших

штурмовых групп привели к тому, что кольцо окружения противника с каждым днем все больше и больше сжималось. Многие тысячи немецких солдат были истреблены. Враг задыхался, он стал ощущать недостаток боеприпасов.

Производство боеприпасов на военных заводах Бреслау фашисты наладить не смогли. Город был отрезан от областей, откуда раньше на его заводы доставлялись каменный уголь, железная руда, металл. Бесплодными оказались попытки прорваться на запад. Оставался один выход: доставлять боеприпасы на транспортных самолетах «Ю-52». Наша дивизия лишила врага и этого последнего мостика, связывающего осажденных с внешним миром. Аэродром на западной окраине города был захвачен нами. Тогда осажденные снесли несколько кварталов, расчистили и оборудовали посадочную площадку в центре города. Но она постоянно выводилась из строя нашей артиллерией и авиацией, самолеты уничтожались на земле и в воздухе, при посадке и на взлете.

При штурме аэродрома я вместе со своими разведчиками был свидетелем одного трагического случая, который запомнился мне на всю жизнь. Еще под Дуклей я слышал от офицеров штаба о чудесном парне, который ходил в атаку с киноаппаратом. Вместе с бойцами делил он все тяготы боевой обстановки, день за днем фиксировал на пленке незабываемые события. Это был храбрый человек. Когда надо было, откладывал в сторону киноаппарат и вел огонь по врагу. Вот и сейчас он оказался вместе со штурмующими аэродром, в первых цепях атакующих.

Гитлеровцы не выдержали нашего натиска, побежали. Ну разве можно в эту минуту лишиться себя возможности заснять драпмарш фашистских вояк! И хотя рвутся снаряды, свистят пули и даже нам, бывалым офицерам, хочется прижаться к земле, оператор, забыв обо всем, увлеченно стрекочет своим аппаратом, укрывшись на втором этаже уцелевшего здания. Немцы, видно, заметили блеск стекол кинообъектива и послали снаряд в дом. Часть стены рухнула и под ее развалинами погиб герой-репортер.

Этим храбрецом был Владимир Сушинский, молодой оператор, воспитанник Всесоюзного государствен-

ного института кинематографии. Свой творческий путь он начал на Волховском фронте, был переброшен на Украину, запечатлел форсирование Днепра, Сиваша, прошел с нами Карпаты и вот погиб, совсем немного не дожив до светлого Дня Победы.

На центральной студии документальных фильмов создан кинофильм «Фронтовой оператор». В нем рассказывается о боевых буднях одного из лучших фронтowych кинорепортеров, который создавал для потомков кинолетопись бессмертного героизма советского народа на фронтах Великой Отечественной войны. Этот фильм — о Владимире Сушинском...

Части дивизии все больше и больше захватывали пленных. Из их показаний вырисовывалась картина положения в стане врага. Мирные немецкие граждане, которым удавалось вырваться не столько из окружения, сколько из звериных лап гестаповцев, своими рассказами дорисовывали эту картину осажденного города. До сих пор в моей памяти сохранился рассказ одного пленного офицера о тех страшных для многих тысяч немцев Бреслау днях.

— Спокойно нельзя смотреть, что творится в городе, — говорил он со слезами на глазах. — Солдаты грабят все и всех. Беженцы живут где попало. Везде полно раненых, ими забиты подвалы. Среди жителей города большое смятение. На всех улицах расклеены приказы военного командования, согласно которым все лица мужского пола, проживающие в городе и способные носить оружие, подчистую взяты в батальоны фольксштурма. Мобилизованы все: ремесленники, шоферы, служащие, чиновники и даже подростки и инвалиды. Всех спешно вооружили и бросили на бойню...

Две делегации от населения, в состав которых входили и женщины, обращались к фашистскому начальству с просьбой о прекращении безнадежного сопротивления. Обе делегации были казнены по приказу гитлеровского гаулейтера. По свидетельству пленных, был повешен и старый комендант Бреслау, помышлявший о сдаче крепости.

Да, прекращение сопротивления было бы единственным выходом из создавшегося положения. Но фашисты — есть фашисты, и нет предела их жестокости и ко-

варству даже по отношению к своим же соотечественникам.

В городе, как сообщали нам пленные, появились команды «отравителей». Они отравляли все: вино, консервы, даже одежду. Извлекали из ящиков «на выборку» несколько банок консервов и вводили туда отравляющие вещества. Так же отравлялись и другие продукты, а затем они тщательно укупоривались. Делалось это с одной целью: умертвить людей, но только чтобы они не сдались русским.

Лишь после падения Берлина гитлеровское командование в Бреслау через свою радиостанцию попросило прекратить на два часа огонь и запросило условия капитуляции. Наше командование пошло на это. Прошло два часа. Парламентеры не прибыли. Наши войска возобновили боевые действия. В воздухе появилось около двухсот самолетов. Массированный удар авиации вынудил противника вновь заговорить о прекращении огня. На этот раз появились парламентеры. Им был вручен ультиматум. Но истек установленный срок, а ответа не поступило. Наши части опять начали боевые действия. В 18 часов 6 мая над городом появились белые флаги. На этот раз враг капитулировал безоговорочно.

Всю ночь и на следующий день гарнизон Бреслау сдавался в плен. Для этого было назначено на окраинах города пять пунктов. Гитлеровцы проходили туда без оружия колоннами во главе со своими штабами, а мы колоннами направлялись к центру города. Долго не прекращался этот поток. Всюду были следы разгрома крупных вражеских сил — горы оружия лежат на улицах, стоят неподвижно танки, самоходные орудия, автомашины. А на стенах домов, как будто в насмешку, выведено крупно по-немецки:

«Мы не капитулируем», «Умрем, но не сдадимся!»

Смешно было читать эти слова рядом с белыми флагами.

Появились надписи иного содержания, уже по-русски:

«Доконали!», «Пришел конец фашистской гадине!»

Советские войска приняли около сорока одной тысячи капитулировавших немецких солдат и офицеров, захватили более десяти тысяч винтовок и автоматов,

416 пулеметов, 146 орудий и минометов, двадцать танков и штурмовых орудий, много складов с различным вооружением и военным имуществом.

Еще тянулись колонны военнопленных, а советское командование уже принимало меры для налаживания мирной жизни. Особую заботу наша армия проявила о снабжении продовольствием детей.

Так закончила войну наша 359-я дивизия. Как много вынесли ее бойцы на своих плечах! Многих, очень многих мы не досчитались в радостный праздник 9 Мая. Но подвиг воинов-уральцев, павших в боях при осаде Бреслау, всегда будет в нашей памяти и в памяти народа братской Польши. Ведь городу этому возвращено старое польское имя — Вроцлав и он на вечные времена, как и вся Силезия, воссоединен с новой народной Польшей, строящей социализм.

Литературная запись П. Бабоченка

Иван Иванович Денисов родился в 1907 году в деревне Денисово Пермского района. Член КПСС с 1927 года. С 1925 года начал работать на предприятиях города Перми и области. В 1931 году ушел добровольцем в ряды Советской Армии и после окончания военно-политического училища до 1938 года служил политработником в частях Белорусского военного округа. После демобилизации — студент Пермского сельхозинститута.

В боях на фронтах Великой Отечественной войны принял участие с декабря 1941 года и в составе 359-й стрелковой дивизии прошел путь от Калинина до Бреслау. Был комиссаром дивизиона, парторгом 924-го артиллерийского полка и инструктором политотдела дивизии.

После войны окончил Пермский сельхозинститут и с 1947 по 1965 год находился на партийной работе в Пермской области и в Казахстане.

За боевые подвиги майор И. И. Денисов награжден орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды и тремя медалями. За активное участие в освоении целинных и залежных земель в 1957 году был удостоен ордена Ленина и медали «За освоение целинных земель».

В настоящее время — персональный пенсионер, проживает в городе Перми.

В числе сформированных в Пермской области частей и соединений Советской Армии была и наша 359-я стрелковая дивизия, которая в составе трех стрелковых, артиллерийского полков и спецподразделений в конце 1941 года, погрузившись в эшелоны, выбыла на Калининский фронт.

Прибытие дивизии на фронт совпало с началом общего наступления советских войск под Москвой в декабре 1941 года. Перешли в наступление также и войска Калининского фронта. 15 декабря 1941 года 359-я стрелковая дивизия, получив боевой приказ, выдвинулась в первый эшелон боевых порядков и в районе Элеватора (пригородный поселок Калинина), населенных пунктов Иванцево, Пушкино вступила в бой, приняла первое боевое крещение.

На многих фронтах сражалась наша дивизия и не знала поражений. Довелось ей участвовать и в освобождении города Львова.

Отличившемуся в боях за город Львов 924-му артиллерийскому полку 359-й стрелковой дивизии приказом ставки Верховного Главнокомандующего от 27 июля 1944 года было присвоено почетное наименование Львовского, а личному составу частей и подразделений дивизии была объявлена благодарность. 1196-й и 1198-й стрелковые полки были награждены орденами Красного Знамени.

Присвоение имени старинного украинского города Львова арtpолку было горячо воспринято не только артиллеристами, но и воинами всех частей дивизии.

В этот период и зародилась мысль о том, чтобы написать о своей прославленной дивизии боевую песню. Эту мысль разделяли и офицеры и рядовые бойцы. Они говорили, что почти все кадровые дивизии имеют свои песни, а у 359-й стрелковой дивизии, родившейся в суровом сорок первом году, почему-то нет такой песни. Какие бы трудности и невзгоды ни переживали мы в

боях и походах, а без песни дело не обходилось, песню любили все фронтовики.

Товарищи по работе и однополчане знали о том, что я принимаю участие в работе дивизионной газеты «Боевая красноармейская», пишу стихотворения, посвященные конкретным боевым делам отдельных бойцов, отклики в стихах на важнейшие события в стране и за рубежом. Они нередко говорили мне: «А почему бы тебе не попробовать сложить песню о нашей дивизии?» И тут же они давали свои советы и предложения, о чем бы нужно сказать в будущей песне, чтобы это была наша, своя боевая песня — песня о Ярцевской дивизии и ее боевом пути.

Попробовать написать песню, думал я, конечно можно, но получится ли что из этого? Все больше стал задумываться над тем, как начать и с чего начать. Задача была не из легких. Но идея создания песни дивизии не выходила из головы.

Небольшие зарисовки боевых будней в стихах, злая и едкая сатира на гитлеровцев — это одно дело, один подход, а писать песню о дивизии — совсем другое. Трудное это дело.

Хорошо понимал я, что в словах песни нужно сказать о пройденном боевом пути, чтобы славой, добытой в упорных и ожесточенных боях, гордился каждый солдат, сержант и офицер, чтобы слова песни поднимали, звали и вели на смертный бой с врагом.

К этому времени дивизия прошла с боями сотни и сотни километров, яростно сражалась за Калинин и Ржев, за Ярцево и Смоленск. Навсегда останутся в памяти однополчан жестокие бои, которые вела дивизия в районе населенных пунктов Скуматы, районного центра Виноград... Обо всем этом и хотелось написать в песне.

Много прошло дней, пока не появились первые строчки. Писал, перечеркивал и снова писал. Написанное читал товарищам и снова исправлял. Но вот был написан первый куплет песни:

Ярцевской дивизии слава боевая
Пусть гремит и множится в схватках огневых.
Путь прошла немалый и, врагов сметая,
Грудью защищает честь своей страны.

Но у песни должен быть еще и припев. Первоначально он выглядел так:

Пусть слава громкая,
В боях добытая,
Идет о нас из края в край.
Вперед, дивизия, вперед, любимая!
Врагу пощады не давай.

Однако этот вариант припева не был одобрен и вместо него был написан другой. Текст нового припева был принят:

Вперед, дивизия родная.
В последний бой нас Родина зовет.
Клянемся, славу умножая,
Хранить закон твой боевой: «Вперед!»

В следующих трех куплетах песни говорится о наиболее памятных битвах с врагом, называются населенные пункты, места боев, которые стали для сотен и тысяч гитлеровских разбойников местом их гибели. Далее говорится об отваге и доблести личного состава частей дивизии, о решимости драться с гитлеровцами за каждую пядь советской земли, до полного разгрома врага на его же территории. Память же о павших героях, отдавших свою жизнь за нашу Родину, будет вечно жить в сердцах советского народа. Текст последних куплетов песни выглядит так:

Помнить будут гады схватки огневые,
Ярцевскую битву, бой за Лебзино,
Виноград, Скуматы, поиски ночные...
Много вражей твари нами сметено.
Пулям мы не кланялись, со штыком дружили,
Днем и ночью темною дрались напролет.
Ненависть, отвага нас на бой водили,
Мы врага громили, двигались вперед.
Славою дивизии будем мы гордиться,
Ярцевских героев помнит наш народ.
За родную землю на смерть будем биться,
Боевой закон у ярцевцев: «Вперед!»

Так были написаны слова будущей песни. Дело оставалось за тем, чтобы переложить их на музыку. Вскоре и эта задача была решена. Музыку написал наш однопольчанин и пермяк старшина трофейной команды управления тыла дивизии Николай Николаевич Кумзерский. До начала войны он работал ведущим музыкантом Пермского оперного театра, в свое время окончил Ленинградскую консерваторию.

После того, как была написана музыка, текст и ноты были переданы капельмейстеру дивизионного духо-

Боевая песня 359-й Ярцевской стрелковой дивизии

Слова И. Денисова

Музыка Н. Кумзерского

Темп марша

Яр-цев-ской ди-ви-зии сла-ва во-е-ва-я
 Пусть гре-мит и мно-жит-ся в схват-ках о-гне-вых
 Путь про-шла не-ма-лый и вра-гов сме-та я,
 грз-дню за-щи-ща-ет честь сво-ей стра-ны. Вме-
 ред, ди-ви-зи-я род-на-я, в пос-лед-ний
 бой нас Ро-ди-на зо-вет. Кля-нем-ся,
 сла-ву ум-но-жа-я, хра-нить за-кон твой бо-е
 вой. Вме-ред! Кля-нем-ся, сла-ву ум-но-
 жа-я, хра-нить за-кон твой бо-е-вой. Вме-ред!

вого оркестра для разучивания. Первое прослушивание песни в исполнении духового оркестра состоялось в одном из сел Западной Украины, когда части дивизии после боев находились на отдыхе. Этот день был праздником рождения боевой песни 359-й Ярцевской стрелковой дивизии, которая прошла по фронтовым дорогам до последнего дня войны и была расформирована в 1945 году.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. А. Кондауров.</i>	Овеянная славой побед	3
<i>Франтишек Новек.</i>	Плечом к плечу . . .	31
<i>Я. М. Силин.</i>	По закону долга . . .	43
<i>Н. М. Шиврин.</i>	Такое не забывается . . .	54
	Первое боевое крещение	54
	Заряд бодрости . . .	59
	Труженики войны . . .	64
	«Боевая красноармейская»	69
<i>Т. К. Некрасов.</i>	По следам боевого дневника	79
<i>М. И. Липанов.</i>	Первая награда	94
<i>Г. П. Саламатов.</i>	Зарубки на сердце	100
<i>В. Г. Третьяков.</i>	В боях за город Ярцево	111
<i>Ф. Е. Филиппов.</i>	Боевые артиллеристы	123
<i>М. О. Орлов.</i>	Остров разведчиков	139
	Из боевой летописи полка	156
Приказ по 1198-му стрелковому полку		167
<i>Н. М. Зуева.</i>	Мы еще проживем...	172
<i>Г. К. Мадоян.</i>	В Карпатах	182
<i>Я. Ф. Колесник.</i>	Последние залпы	191
<i>И. И. Денисов.</i>	Как родилась песня о дивизии	204

ОРДЕНА ЛЕНИНА СРЕЛКОВАЯ

Сборник

Составитель *И. А. Кондауров*

Биографические справки написаны *И. А. Кондауровым*

Редактор подполковник в отставке **Д. И. Глушков**
Художник **Р. Б. Исмагилов**
Художественный редактор **В. В. Вагин**
Технический редактор **Т. В. Дольская**
Корректор **В. И. Чувашов**

Сдано в набор 25. II. 1967 г. Подписано в печать 24. V. 1967 г.
Формат тип. бум. № 1 84×108¹/₃₂. 3,25 бум. л., 6,5 печ. л.
(10,92 усл. печ. л.), 10,385 уч.-изд. л.

ЛБ02189

Тираж 10 000 экз.

Цена 48 коп.

Пермское книжное издательство.
Пермь, Карла Маркса, 30.

Книжная типография № 2 управления по печати.
Пермь, Коммунистическая, 57. Зак. 455